

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:
ЗА СУВЕРЕНИТЕТ!

2026 / №1

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. 176 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' –The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2026, no. 1. 176 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЗА СУВЕРЕНИТЕТ!

- Багдасарян В. Э.* Цивилизационные версии будущего и суверенное целеполагание России: исторические основания научной футурологии 8
- Атаев А. В., Фролов Е. Р.* Нарративы и механизмы институализации проекта «деколонизация России» 27

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Клемешов А. С., Мальшев А. А.* Ацангуары полуострова Абрау 41
- Герасимова М. П., Герасимова М. Н.* Деятельность Усть-Вымского педагогического училища по подготовке педагогических кадров Республики Коми 56
- Шульц Э. Э.* Проблема неожиданности нападения 22 июня 1941 г. 65

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Бахтин В. В., Припадчев А. А.* Джон Бойнтон Пристли – проводник народной дипломатии Великобритании в послевоенном Советском Союзе 79

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Иерусалимский Ю. Ю., Иерусалимская С. Ю., Иерусалимская А. Ю.* Становление и развитие отечественной исторической литературы о морских экспедициях России XIX в. 90
- Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А.* Анализ эпохи народничества через призму мировоззрения писателей русской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева 98
- Аврутина А. С., Решетников К. Ю.* Единство народов России как государства-цивилизации в контексте славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия 111
- Миловский Н. М.* Воссоединение Крыма с Россией (2014 г.) как объект исследования отечественных научных форумов 121
- Ковригин В. В., Мусаева У. К., Семченко А. А.* Отражение истории Великой Отечественной войны в современных школьных учебниках Казахстана. 129
- Сухов В. В., Жигирева Е. Г., Тучин В. А.* Региональная история в отечественных школьных учебных пособиях новейшего времени в контексте внедрения деятельностного подхода 138
- Литвинов П. П.* Гуманистические мероприятия российской власти в кочевом мире Евразии в дореволюционный период: источниковедческий анализ правовых актов до 1917 г. 149

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Алаудинов А. А., Лескова И. В., Зязин С. Ю.* Традиционные ценности и вызовы постмодернизма: аксиологический конфликт в контексте национальной безопасности России. 162

CONTENT

ISSUE THEME: FOR SOVEREIGNTY!

- V. Bagdasaryan.** Civilizational Visions of the Future and Russia's Sovereign Goal-Setting: Historical Foundations of Scientific Futurology 8
- A. Ataev, E. Frolov.** Narratives and Mechanisms of Institutionalization of the “Decolonization of Russia” Project 27

DOMESTIC HISTORY

- A. Klemeshov, A. Malyshev.** Atsanguars of the Abrau Peninsula 41
- M. Gerasimova, M. Gerasimova.** Activities of the Ust-Vovskiy Pedagogical School for the Training of Pedagogical Personnel of the Komi Republic 56
- E. Shults.** Surprise Attack Problem June 22, 1941 65

WORLD HISTORY

- V. Bakhtin, A. Pripadchev.** John Boynton Priestley – a Guide to Great Britain's Public Diplomacy in the Post-War Soviet Union. 79

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- Yu. Ierusalimskiy, S. Ierusalimskaya, A. Ierusalimskaya.** The Formation and Development of Russian Historical Literature on Russian Maritime Expeditions of the 19th Century 90
- G. Kamneva, A. Sotnikov, S. Sotnikov.** Analysis of the Populism Era Through the Lens of the Worldview of Russian Writers: L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, and I. S. Turgenev 98
- A. Avrutina, K. Reshetnikov.** The Unity of the Peoples of Russia as a Civilization-State in the Context of Slavic-Turkic and Slavic-Finno-Ugric Interaction 111
- N. Milovsky.** The Reunification of Crimea with Russia (2014) as an Object of Research in Russian Scientific Forums 121
- V. Kovrigin, U. Musaeva, A. Semchenko.** Representation of the History of the Great Patriotic War in Modern School Textbooks in Kazakhstan 129
- V. Sukhov, E. Zhigireva, V. Tuchin.** Regional History in Modern Russian School Textbooks in the Context of Introducing an Activity-Based Approach 138
- P. Litvinov.** Humanistic Measures of the Russian Government in the Nomadic World of Eurasia in the Pre-Revolutionary Period: A Source-Based Analysis of Legal Acts Before 1917 149

POLITICAL SCIENCES

- A. Alaudinov, I. Leskova, S. Zyazin.** Traditional Values and the Challenges of Postmodernism: An Axiological Conflict in the Context of Russia's National Security . . . 162

Тема номера: ЗА СУВЕРЕНИТЕТ!

Тема суверенитета сегодня определяет стратегическую повестку России и задаёт рамку обсуждения ключевых вопросов государственного развития. Для страны это не политический лозунг и не временная реакция на внешнее давление, а базовое условие её исторического существования. В логике курса, последовательно артикулируемого президентом Российской Федерации В. В. Путиным, самостоятельность государства рассматривается как целостная система, объединяющая политическое, управленческое, хозяйственное, научно-техническое, ценностное, образовательное, культурное, информационное измерения.

При таком понимании суверенитет имеет интегральный характер. Ослабление одного элемента неминуемо создаёт уязвимости в смежных секторах. Деформация гуманитарной сферы со временем отражается на качестве управленческих решений. Методологические заимствования без критической адаптации трансформируются в ошибки долгого цикла. Вслед за этим снижается способность к стратегическому действию.

Особое место в государственностроительстве занимает концептуальный уровень суверенитета. Речь идёт о системах смыслов, которые берутся за основу государственных политик. Именно здесь то и разворачивается наиболее тонкое противоборство. Внешние центры силы стремятся навязать России чужие объяснительные матрицы, внутри которых заранее встроены ограничения для собственного исторического маршрута. Такие конструкции создают стратегические ловушки: подменяют национальные приоритеты импортированными установка-

ми, искажают планирование, формируют зависимость от внешнего целеполагания.

Отсюда следует прямой вывод: за суверенитет необходимо бороться не только в дипломатии, экономике и сфере безопасности, но также в области смыслов, понятий, методологий, образовательных стандартов, экспертных практик. Без устойчивой интеллектуальной платформы невозможно обеспечить долгосрочную устойчивость государства. Без внутренне непротиворечивой картины мира нельзя выстроить действенную стратегию будущего.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения» уже неоднократно обращался к данной проблематике с разных ракурсов раскрытия темы. Настоящий выпуск продолжает эту линию и концентрирует внимание на теме суверенного будущего. Такой выбор принципиален, поскольку вопрос о перспективах определяет направленность развития не в меньшей степени, чем интерпретация пройденного пути. Если образ грядущего формируется во внешней рамке, национальное целеполагание теряет самостоятельность. Напротив, при проектировании будущего из собственной цивилизационной логики государство получает ресурс стратегической успешности.

Другой ракурс темы борьбы за суверенитет посвящён анализу концепта «деколонизации России», продвигаемого противниками страны. Деструктивный замысел антироссийских проектировщиков состоит в том, чтобы разобрать общее историческое пространство, противопоставить народы друг другу, искусственно столкнуть этнокультурное мно-

гообразии с русским цивилизационным ядром. Критический разбор концепта «деколонизации» необходим в качестве научной составляющей курса на укрепление цивилизационного единства России. Год единства народов России даёт допол-

нительный импульс для такого рода рассуждений.

Тема суверенитета не ограничивается рамками текущего выпуска и сохраняет стратегический приоритет для дальнейшей редакционной работы журнала.

Научная статья
УДК 93
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-8-26

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЕРСИИ БУДУЩЕГО И СУВЕРЕННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Багдасарян В. Э.

Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: vardanb@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2026

После доработки 26.01.2026

Принята к публикации 06.02.2026

Аннотация

Цель. Формирование методологического подхода к российской научной футурологии на основании цивилизационной теории, непротиворечивом соединении представлений о прошлом и будущем в концептуальной рамке взгляда на Россию как особую цивилизацию.

Процедура и методы. Проведён сравнительный дискурсивный анализ представлений о будущем в рамках различных методологических парадигм осмысления исторического процесса. Реконструированы футурологические представления в контексте вариативности цивилизационных парадигм.

Результаты. Обосновано положение об историко-цивилизационной вариативности понимания категории «будущее» и различие её содержательного наполнения в разных традициях. Определено место российской цивилизационной модели будущего в мировом спектре футурологических представлений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен общий методологический контур для перспектив формирования целостной системы российской научной футурологии. Результаты работы могут быть использованы при разработке суверенного национального целеполагания, а также в гуманитарных и общественных исследованиях, ориентированных на цивилизационный подход.

Ключевые слова: цивилизационный подход, история, футурология, будущее, суверенитет, российская цивилизация, традиционные ценности, универсализм, методология истории, эсхатология, нравственный выбор

Для цитирования:

Багдасарян В. Э. Цивилизационные версии будущего и суверенное целеполагание России: исторические основания научной футурологии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 8–26.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-8-26

Original research article

CIVILIZATIONAL VISIONS OF THE FUTURE AND RUSSIA'S SOVEREIGN GOAL-SETTING: HISTORICAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC FUTUROLOGY

V. Bagdasaryan

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: vardanb@mail.ru

Received 12.01.2026

Revised 26.01.2026

Accepted 06.02.2026

Abstract

Aim. To develop a methodological framework for Russian scholarly futurology grounded in civilizational theory, ensuring a coherent integration of interpretations of the past and the future within a conceptual perspective that views Russia as a distinct civilization.

Methodology. The study employs a comparative discursive analysis of representations of the future across different methodological paradigms of historical interpretation. It also reconstructs futurological concepts in the context of the variability of civilizational paradigms.

Results. The article substantiates the thesis that understandings of the category “future” are historically and civilizationally variable, and that its substantive content differs across traditions. It identifies the place of the Russian civilizational model of the future within the global spectrum of futurological conceptions.

Research implications. The paper proposes a general methodological contour for the prospective formation of an integral system of Russian scholarly futurology. The findings can be used in developing sovereign national goal-setting, as well as in humanities and social research based on the civilizational approach.

Keywords: civilizational approach, history, futurology, future, sovereignty, Russian civilization, traditional values, universalism, historical methodology, eschatology, moral choice

For citation:

Bagdasaryan, V. E. (2026). Civilizational visions of the future and Russia's sovereign goal-setting: historical foundations of scientific futurology. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 8–26.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-8-26

Введение

Важнейший вопрос для всех сфер государственного и общественного бытия – восстановление суверенных потенциалов России. Именно за суверенитет разворачивается главная борьба современности. Указанная проблематика в полной мере относится к научной сфере, поскольку на рубеже 1980-х–1990-х гг. страна в значительной степени утратила концептуальный суверенитет, что выразилось в за-

имствовании внешних объяснительных матриц, нормативных языков и моделей целеполагания [1].

Обычно борьбу за суверенный статус связывают, прежде всего, с защитой исторической памяти и с противодействием искажениям прошлого. В данном направлении действительно осуществлена существенная работа. Однако суверенитет имеет не только ретроспективное, но и перспективное измерение. Вопрос

о национальной субъектности решается не исключительно в поле интерпретации пройденного пути, но также в пространстве формирования образа будущего.

Десуверенизация прошлого сопряжена с подрывом идентичности. Десуверенизация будущего связана с установлением ложных целей. Поэтому восстановление суверенных оснований требует единого подхода к обеим временным проекциям: защита исторической правды должна быть сопряжена с выработкой собственной футурологической рамки, соразмерной ценностным константам, цивилизационной логике и стратегическим интересам России.

Ложные цели формируются не спонтанно, а в рамках связанной цепочки внешнего целеполагания. Исходным пунктом выступает аксиома о «универсальности» западного пути развития, возводимая в статус безальтернативной нормы. На этой основе западная наука производит описательные и прогностические модели мирового общественного развития, которые подаются как нейтральные и общезначимые. Однако внутри таких моделей уже содержится ценностная преднастройка: нормативная правильность заранее отождествлена с западным историческим маршрутом.

Следующий этап – западная футурология, где прогноз превращается в инструмент легитимизации западных целей. Тем самым описание будущего перестаёт быть исключительно исследовательской процедурой и становится механизмом нормативного давления: желаемое для одного цивилизационного центра начинает предъявляться как обязательное для всех. В результате формируется «рецептура» для России: набор предписаний, внешне оформленных как рациональные рекомендации, но фактически ориентированных на встраивание в чужую повестку [2].

Ключевая опасность состоит в том, что подобная рецептура закладывает стратегические ловушки. Принятие за-

имствованных ориентиров деформирует национальное целеполагание, ослабляет субъектность, подменяет долгосрочные интересы страны чужими приоритетами. На уровне государственной практики это ведёт к нарастанию управленческих ошибок, утрате инициативы, повышению уязвимости в сфере геополитики. В предельном выражении такая траектория открывает путь к системной катастрофе.

Именно поэтому вопрос о будущем не может решаться через импорт готовых футурологических конструкций. Необходима собственная рамка стратегического прогнозирования, опирающаяся на российские ценностные константы, исторический опыт, цивилизационную логику развития и суверенные национальные интересы. Только при таком подходе прогноз выполняет созидательную функцию и перестаёт быть каналом внедрения ложных целей. Возникает, соответственно, запрос на суверенную российскую футурологию.

Суверенное основание гуманитарных и общественных наук сегодня задаётся взглядом на Россию как особый тип государства-цивилизации. Из такой оптики вытекает выбор цивилизационного подхода в качестве базовой методологической рамки. Указанная методология закреплена как фундамент курса «Основы российской государственности» [3]. Нормативную опору такого взгляда на историю составляет Указ Президента Российской Федерации № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹.

Однако при этом связь данной рамки с проблематикой будущего пока не получила достаточной разработки. Сложившаяся практика обращена почти исключительно к интерпретации прошлого.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения // СПС Консультант Плюс.

Перспективный же горизонт, как правило, описывается через универсалистские конструкции. По содержанию такое конструирование воспроизводит западную логику. Вследствие этого возникает методологический разрыв между суверенным нарративом представления исторического пути и заимствованными моделями видения будущего. Футурология оказывается в отрыве от истории, а, соответственно, в таком же отрыве оказываются и сопряжённые с государственным целеполаганием управленческие практики.

Цель настоящего исследования состоит в устранении указанного разрыва и в концептуальном соединении цивилизационного подхода с футурологией, в выявлении видения будущего в соотношении с вариативностью мировых цивилизаций. Методология работы строится на сопоставительном анализе дискурсов о будущем в различных методологических парадигмах с последующим выявлением оснований для суверенной модели целеполагания, соразмерной российской цивилизационной логике развития.

На настоящее время сформировался выраженный запрос на исследования по истории футурологии, что уже нашло отражение в профильных публикациях [4; 5]. Самостоятельную линию составляет анализ эсхатологической мысли как особого направления видения будущего [6; 7; 8]. Значимый массив работ связан с репрезентацией грядущего в научной фантастике, где художественные конструкции часто опережают академическую рефлексию [9]. Вместе с тем проведённый обзор показывает отсутствие разработанной рамки, связывающей проблематику будущего с цивилизационным подходом и с представлением о множественности пониманий грядущего. Именно на восполнение данного дефицита направлено настоящее исследование.

История и футурология: концептуальная взаимосвязанность

Видение будущего в значительной степени задаётся на основаниях осмысления прошлого. Образ грядущего не возникает как автономная конструкция, поскольку он формируется внутри уже принятой исторической рамки, определяющей происхождение настоящего и логику задаваемых историей изменений. Чтобы заглянуть в будущее, необходимо обратиться к прошлому, т. к. именно ретроспективная оптика задаёт то или иное видение направленности исторического движения.

Связь между интерпретацией предшествующих эпох и проектированием перспектив носит структурный характер. Исторический нарратив формирует иерархию причин, выделяет значимые переломы, фиксирует фигуры успеха и неудачи, после чего именно эти элементы превращаются в основания для стратегического выбора. Если в качестве ключевого содержания прошлого принимается линия разрывов, то и будущее мыслится через радикальную смену моделей. Если же в центре оказывается преемственность, то приоритет получает траектория традиции. Соответственно, спор о будущем в действительности начинается со спора о прошлом, поскольку конкурируют не только программы действий, но и системы исторической легитимации этих программ.

Такая взаимозависимость требует аналитического прояснения. Недостаточно констатировать, что прошлое влияет на настоящее и будущее. Необходимо показать внутренний механизм этой зависимости: каким образом историческая интерпретация преобразуется в горизонт будущего, затем в политико-управленческие решения и далее в институциональные практики. При подобном подходе обеспечивается непротиворечивая линия исследования, где прошлое рассматривается как ресурс смыслообразования, настоящее – как пространство отбора альтернатив, а будущее – как ре-

зультат выбранной модели исторической развёртки. Рассмотрим далее указанную логическую взаимообусловленность применительно к различным методологическим подходам к истории.

Религиозно-провиденциалистский подход

Религиозно-провиденциалистский подход исходит из того, что исторический процесс представляет собой реализацию Божественного замысла. В этой оптике история имеет не только хронологическую, но прежде всего сотериологическую структуру, поскольку её внутренний смысл определяется отношением человека и сообщества к установленному трансцендентному порядку. Для авраамических религий исходная антропологическая ситуация задаётся событием грехопадения, вследствие которого в историческое время входит повреждённость человеческой природы (православный взгляд), а вместе с ней – возможность отступления от истины, описываемая в категориях апостасии.

Дальнейшая развёртка трактуется как противоборство сил добра и зла, где политические, социальные и культурные конфликты рассматриваются как проявления более глубокого духовного измерения. В пределах данной модели движение эпох не сводится к прогрессу институтов или технологическому усложнению, так как ключевым критерием выступает степень верности религиозно-нравственному закону. Отсюда следует, что кризисы интерпретируются не как случайные сбои, а как симптомы нарастающего отступления, имеющего одновременно нравственный и онтологический характер.

В эсхатологической перспективе предполагается исторический финал, которому предшествует временное попущение злу. Эта стадия связывается с мотивами беззакония и предельной духовной дезориентации, в ряде конфессиональных традиций – с образом пришествия антихриста. При этом конкретные сценарные опи-

сания, хронология признаков и акценты интерпретации различаются между конфессиями, однако инвариантным остаётся представление о предельной развязке как о преодолении и низвержении сил зла.

Футурология в рамках религиозно-провиденциалистского подхода оформляется, таким образом, как религиозная эсхатология. Образ будущего здесь выводится не из автономного проектирования, а из догматически и экзегетически заданной картины конца истории. Соответственно, связь прошлого, настоящего и будущего приобретает телеологическую завершённость: истоки укоренены в грехопадении, историческая динамика раскрывается через борьбу добра и зла, а финал мыслится как окончательное поражение зла и завершение исторического времени [10].

Версия либерального прогресса

Версия либерального прогресса исходит из представления о направленности исторического процесса к расширению индивидуальной свободы и автономии личности. В этой логике прошлое, настоящее и будущее связываются единой линией эмансипации: снимаются сословные, корпоративные, религиозно-нормативные и политико-административные ограничения, после чего общество движется к максимально возможной саморегуляции субъекта. Историческое развитие при таком подходе интерпретируется как последовательное устранение «обременителей» человека и как институциональное оформление режима прав, свобод и процедурных гарантий.

Понятийно важной для этого нарратива стала вигская интерпретация истории, получившая классическое оформление в работе Г. Баттерфилда «The Whig Interpretation of History» [11]. Соответственно, будущее мыслится как продолжение уже заданного вектора, где каждое следующее звено должно усиливать автономии индивида и сокращать пространство принуждения.

Отсюда вытекает и критика государства как «Левиафана». В либеральной перспективе его историческая функция должна последовательно сужаться: от патерналистского и дисциплинарного формата к минимизированной правовой рамке, обслуживающей контракт, безопасность и конкуренцию. Левиафан должен в конечном итоге умереть.

В конце холодной войны либеральная версия получила наиболее известную футурологическую формулу в тезисе Фрэнсиса Фукуямы «конец истории» [12]. Речь шла о завершении идеологической конкуренции в пользу либеральной демократии как финальной модели политической легитимности. В этом горизонте будущее описывалось как универсализация либерально-демократических норм, сопряжённая с глобализацией рынков, коммуникаций и институтов. Либеральная футурология сегодня фактически совпадает с проектом глобализма, а его сторонники рассматриваются как адепты «глубинного государства».

Прошлое читается как история освобождения, настоящее – как этап институциональной донастройки свободы, грядущее – как более полная реализация универсалистского либерального порядка. Одновременно именно эта универсалистская претензия и становится предметом критики со стороны цивилизационных, постколониальных и суверенистских подходов, которые оспаривают тождество будущего с перспективой либерализма.

В предельной версии либеральная логика «снятия обременителей» трансформировалась в установку на демонтаж практически всех надындивидуальных форм принадлежности, включая культурные, национальные и ценностно-нормативные общности. В актуальной повестке это нередко связывается с практиками воукизма как радикализованного индивидуализма. При таком сдвиге освобождение от внешних ограничений переходит в отрицание антропологических оснований человеческой целостности,

что фактически ведёт к расчеловечиванию человека.

Формационный подход

Формационный подход выстраивает образ будущего через логику исторической закономерности, восходящую к гегелевской диалектической модели отрицания отрицания. В данной перспективе развитие общества определяется противоречием между производительными силами и производственными отношениями: по мере роста первых вторые из формы организации труда превращаются в ограничитель дальнейшего движения. Именно это структурное несоответствие задаёт механизм смены общественно-экономических формаций и формирует представление о направленности исторического процесса.

Капитализм в рамках этой модели рассматривается как система, порождающая внутренние антагонизмы. Расширение товарного производства, концентрация капитала, поляризация социальных позиций и углубление отчуждения интерпретируются как процессы, подготавливающие собственное отрицание капиталистического строя. В этом контексте формируется тезис о «могильщике» капитализма – пролетариате, который, занимая структурное место в системе эксплуатации, становится субъектом её революционного преодоления.

Отсюда выводится идея неизбежного перехода к коммунизму как к стадии, снимающей эксплуатацию человека человеком. Коммунистическая перспектива трактуется не как возврат к архаике, а как исторически опосредованное восстановление неэксплуататорного типа общежития на качественно ином уровне развития производительных сил. В этой логике возникает формула движения от первобытного коммунизма к коммунизму будущего: первый выступает исходным доклассовым состоянием, второй – итогом прохождения классового исторического цикла и его диалектического снятия.

Таким образом, для формационного подхода характерен собственный «конец истории» в марксистском значении: финал понимается как завершение эпохи антагонистических классовых формаций. Вместе с тем внутри самой марксистской парадигмы сохраняется принципиальный спор о степени предопределённости этого финала: является ли коммунизм жёстко необходимым результатом объективных законов или же речь должна идти о вероятностной исторической возможности, реализация которой зависит от политической практики, уровня субъективной организации и конкретной конфигурации мирового развития [13].

Теория стадийных технологических переходов

Теория стадийных технологических переходов исходит из приоритета фактора технологий в объяснении исторической динамики. В этой оптике именно смена технологических укладов задаёт конфигурацию социальных отношений, структуру занятости, типы власти, формы коммуникации и модели повседневности. Соответственно, прошлое и будущее связываются через последовательность стадий, где каждый новый этап определяется не столько идеологическими сдвигами, сколько изменением материально-технической базы общественно-го воспроизводства.

На раннем этапе данная логика была оформлена в концепции постиндустриального общества, в которой акцент переносился с промышленного производства на сектор услуг, знания и информационные технологии. Предполагалось, что технологическое усложнение автоматически обеспечит более рациональный, менее конфликтный и более управляемый социальный порядок. Однако практическая развёртка постиндустриальной футурологии во многих случаях породила иллюзии деиндустриализации как допустимой стратегии, что выразилось в недооценке роли реального сектора экономики, про-

изводственного суверенитета и инфраструктурной устойчивости [14].

Современная фаза этой теоретической линии связана с ожиданиями технологической сингулярности, широкого внедрения систем искусственного интеллекта и трансгуманистических проектов модификации человека. В результате горизонт будущего смещается от модернизации институтов к гипотезе их функционального вытеснения: традиционные формы государства, права, представительства, образования и труда рассматриваются как исторически преходящие конструкции, которые могут быть замещены алгоритмическими режимами координации и новыми антропотехническими практиками. При таком подходе сама категория «социального» частично редуцируется к технологически управляемым процессам.

Тем самым версия стадийных технологических переходов предлагает специфическую связь интерпретации прошлого и образа будущего: история читается как последовательная смена технико-экономических платформ, а будущее проектируется как продолжение этой линии в направлении постинституционального порядка. Одновременно именно здесь возникает ключевое методологическое напряжение. Сторонники технологических переходов не замечают напряжения в отношении с природой человека и легко принимают перспективу технологического разрыва [15].

Теория модернизации

Теория модернизации может рассматриваться как историко-социологическая модификация либеральной версии прогресса, переведённая в язык стадий и институциональных преобразований. В её основе находится противопоставление традиционного и современного общества. Первая модель описывается как вариативная по культурным формам, укоренённая в религиозной нормативности, локальных связях и ограниченной открытости к структурным изменениям.

Вторая мыслится как универсальная: рационализированная, секуляризованная, функционально дифференцированная, ориентированная на мобильность, массовое образование, рыночную экономику и процедурно-правовую легитимность власти.

В этой логике прошлое интерпретируется как пространство множественных «традиционностей», тогда как будущее получает единую нормативную проекцию – модернизировать как общий горизонт исторического движения. Именно поэтому модернизационная теория обычно сочетает описательный и предписывающий регистры: она не только объясняет переходы, но и ранжирует общества по степени приближения к заданной модели современности. Соответственно, элементы традиции трактуются преимущественно как исторически преодолеваемые формы, подлежащие либо вытеснению, либо функциональной переработке в рамках современного порядка [16].

Даже более сложные версии, включая корректировки Ш. Эйзенштадта с его концепцией «множественных модерностей», не отменяют базовой футурологической установки. Они смягчают линейность и признают культурно-цивилизационные различия путей, однако сохраняют общий вектор: будущее по-прежнему связывается с современным типом общества, а не с равноправием альтернативных немодерных проектов исторического развития. Иными словами, вариативность траекторий признаётся, но универсалистский горизонт модерна остаётся принципиально неизменным [17].

В теории модернизации образ будущего по существу тождествен либеральной версии футурологии прогресса. Речь идёт об универсалистском, едином мире, выстроенном по общей нормативной матрице современности. В таком горизонте традиционность не признаётся равноправным основанием дальнейшего развития и мыслится как исторически преодолеваемая форма социального устройства.

Цивилизационный подход

Цивилизационный подход, если именно он принимается в качестве методологического основания, принципиально отличается от универсалистских моделей исторического процесса. В его логике история не сводится к движению человечества к единой нормативной форме будущего, поскольку каждая цивилизация рассматривается как самостоятельный субъект развития со своим ценностным ядром, собственным типом государственности и специфическим механизмом исторической саморегуляции. Поэтому в центре анализа находится не степень приближения к универсальному стандарту, а способность цивилизационной системы к воспроизводству собственной идентичности в условиях нарастающих внешних и внутренних вызовов.

Историческая динамика в данной оптике раскрывается через связку «вызов–ответ». Цивилизация сталкивается с военными, культурными, технологическими, демографическими и мировоззренческими давлениями, после чего либо вырабатывает адекватный ответ, либо утрачивает устойчивость [18]. Отсюда следует, что надлом не является автоматическим концом: он может стать фазой мобилизации, переосмысления оснований и восстановления целостности. Однако при отсутствии ответной стратегии кризис переходит в деградацию, а затем в распад.

Особое значение имеет феномен цивилизационного отступления, когда элиты и институты теряют связь с базовыми ценностными константами собственной традиции. В таком состоянии усиливаются процессы внутреннего отчуждения, и одновременно формируются силы цивилизационного отторжения – механизмы обратной реакции, направленные на возвращение к исходным основаниям и на реконфигурацию исторического курса. Если эта реакция оказывается институционально оформленной и мировоззрен-

чески обеспеченной, система проходит через надлом и восстанавливается. Если же восстановительный потенциал исчерпан, цивилизация утрачивает субъектность и сходит с исторической траектории. Цивилизационный подход задаёт в этом смысле иной образ будущего: не универсальный финал для всех, а развилку между воспроизводством, восстановлением и гибелью конкретных цивилизационных общностей.

Цивилизационный подход напрямую связан с категорией «традиционных ценностей». Философско-мировоззренческое обоснование концепта «традиционных ценностей» раскрывается через три взаимосвязанные, но методологически самостоятельные линии: примордиализм, эссенциализм, традиционализм. Все эти методологические линии были дискредитированы ещё в Новое время как ретроградство. Первое методологическое основание – примордиализм – выводит нормативный порядок из «первооснов», т. е. из глубинных начал коллективного существования, не сводимых к текущей конъюнктуре. Цивилизация производна от неких первооснов, которые исторически воспроизводятся и наследуются. Утрата первооснов означает цивилизационную смерть. Второе методологическое основание – эссенциализм – акцентирует «сущностное ядро», обеспечивающее самоидентичность культурно-исторического субъекта при смене политических форм, хозяйственных укладов, коммуникативных режимов [19; 20]. У каждой цивилизационной системы есть сущность. По Г. Лейбницу она раскрывается как «монада», или «энтелехия» [21]. Допустимо использовать метафору «душа системы». Можно изменить формы, но нельзя подвергнуть изменению сущность. Ликвидация сущности означает и ликвидацию всей системы. Третья методологическое основание – традиционализм – описывает трансляцию традиции как механизм межпоколенческой передачи смыслов, образцов

поведения, представлений о должном и допустимом [22].

В указанной рамке «традиционные ценности» предстают не как случайный набор моральных предписаний, а как целостная система воспроизводства цивилизационной идентичности. Опора на первоосновы придаёт аксиологическому строю онтологическую глубину. Обращение к сущностному ядру фиксирует пределы преобразований, за которыми адаптация превращается в самоотрицание. Непрерывная передача наследия формирует историческую преемственность, благодаря которой общество сохраняет внутреннюю связность в условиях внешнего давления и внутренних разрывов.

Отсюда следует принципиальный вывод для понимания исторической динамики: устойчивое развитие обеспечивается не устранением традиционного начала, а его деятельным воспроизведением в меняющейся среде. Именно такое сочетание глубинных оснований, инвариантного ценностного центра, действующих каналов преемства позволяет отвечать на вызовы времени без утраты культурно-цивилизационной субъектности.

Категория «современность» как методологический индикатор

Особо индикативно к различению цивилизационного и оппонирующих подходов является использование категории современное (модернити). В модернистском подходе указанная категория выполняет функцию нормативного фильтра: «современное» отождествляется с модернизацией, тогда как всё иное переводится в разряд «несовременного» и маркируется как «архаика». Подобная дихотомия задаёт линейную шкалу исторической оценки, где ценность явления измеряется степенью его соответствия актуальной модернизационной фазе. В результате исчезает пространство для констант, поскольку любая устойчивость начинает трактоваться как признак отставания. Логическим продолжением

такой оптики становится упразднение «вечного» как значимого основания общественной жизни.

Традиционалистский подход формирует принципиально иную перспективу. «Современность» здесь понимается не как универсальный эталон исторической нормы, а как иллюзия повреждённого мира, абсолютизирующего собственную текущую форму. В этой рамке акцент делается на «вечность» и «воспроизводимость». Разграничение идёт не по принципу современное – несовременное, а подлинное и неподлинное. Подлинное соотносится с константным и сохраняющим идентичность началом. Неподлинное связывается с повреждённым состоянием, в котором временное объявляет себя окончательным и претендует на статус всеобщего.

Из сопоставления двух позиций вытекает методологически значимый вывод. Проблема заключается не в самом факте исторических изменений, а в критерии их оценки. Если за меру принимается исключительно актуальная фаза модернизации, то культурно-цивилизационная преемственность неизбежно девальвируется. Если же анализ опирается на категорию константного, тогда динамика получает внутренний предел и смысловую направленность. Преобразование допускается, однако не ценой разрушения оснований, обеспечивающих самождественность исторического субъекта. Именно поэтому в контексте цивилизационного подхода корректнее говорить о различении форм исторического бытия по линии подлинности и повреждённости. И отсюда – важнейшая констатация – о повреждённости современных цивилизаций, нахождении их в стадии кризиса, порождённого глобализмом. Рецепт же из этой констатации при опоре на цивилизационный подход – самовосстановление, возвращение к себе.

Цивилизационная вариативность понятия «будущее»

Переход к анализу футурологических моделей требует предварительного прояснения самого понятия «будущее». Без содержательной дефиниции данного термина невозможно определить ни целевые ориентиры развития, ни вектор исторического движения.

Будущее исторически выражалось посредством разных метафор. Среди них: продлённое настоящее, отрицание настоящего, царствие Небесное, Армагеддон, скачок в Царство свободы, Общество максимального удовлетворения, падение в Бездну. Так что же такое будущее? Ответ, как показывает исследование, будет цивилизационно вариативным. Каждая цивилизация имеет свою традицию понимания природы грядущего.

Западные цивилизационные основания научной футурологии

Современная футурология основывается фактически на западном цивилизационном восприятии. Запад предъявляет сразу три футурологические модели – будущее как предопределённость (закон или тренд), будущее как неопределённость (хаос), будущее как проект. Версии осмысления будущего как предопределённости и неопределённости восходят к заявленным уже в период античности линиям Демокрита и Эпикура. Оба философа являлись, как известно, атомистами. Демокрит исходил из принципа действия в природе «железной необходимости». Если что-то кажется случайным, это согласно Демокриту, не более чем непонимание того, чем оно было предопределено. Эпикур же предполагал, что допустимо свободное отклонение от «железного потока» одного отдельно взятого атома. Но если допустимо, что один из атомов может отклониться, то это значит, что к отклонению способен любой. А это означает, что законы не существуют, а действует принцип полной свободы. Будущее же оказывается совокупностью случайностей [23].

Концепт будущего как предопределённости занимает в западной интеллектуальной истории системообразующее место. На ранних этапах источник необходимости связывался с Божественным установлением. В западно-христианской традиции, прежде всего у св. Августина, ход времени осмыслялся в горизонте теологического замысла. Для кальвинизма эта линия получила жёсткую конфессиональную артикуляцию, связанную с философией избранничества (богоизбранные vs богоотверженные). Параллельно сохранялась античная линия фатума, где неизбежность выводилась не из личного Бога, а из безличного порядка судьбы. В обеих версиях ключевой тезис совпадал: грядущее не является открытым полем произвольного конструирования, поскольку его контуры заданы вне личностной воли [24].

В последующей секулярной трансформации место теологического основания занял закон. Необходимость была переописана в категориальном аппарате рациональной философии и науки. Наиболее последовательное выражение такой установки проявилось в гегелевской модели, где историческое движение раскрывается как закономерное развёртывание разумного целого. Дальнейшая дифференциация породила множество частных форм детерминантности: географический детерминизм, экономический детерминизм, технологический детерминизм. Несмотря на различие объясняющих факторов, инвариант сохранялся: будущее выводится из объективной причинной структуры, а степень свободы интерпретируется как производная от уже действующих закономерностей.

Именно этот фундамент обусловил характер современной западной футурологии, включая модели сценарного прогнозирования. Даже при признании вариативности траекторий сценарная методология, как правило, опирается на предпосылку структурных ограничений, трендов, устойчивых драйверов, то

есть на модифицированную форму предзаданности.

Альтернативная линия формируется как отрицание предопределения: мир трактуется как пространство хаотической турбулентности, где контингентность и нелинейность размывают статус жёсткого закона, а неопределённость становится базовой характеристикой исторического процесса. Данная установка также укоренена в западном культурном поле, образуя с детерминистской версией внутреннюю антиномию: между верой в необходимость и акцентом на радикальную случайность.

Третья западная версия предполагает конструирование будущего как проекта. Такое понимание возникло на основе специфического взгляда на человека как на конструктор. В его основании лежит локковская идея *tabula rasa*, согласно которой человек изначально лишён содержательного антропологического ядра и может быть сформирован внешними воздействиями [25]. Данная антропологическая установка сложилась в рамках англосаксонской интеллектуальной линии и оказалась наиболее контекстно соразмерной американской культуре. Метод проектов в дьюистской модели обучения напрямую готовит человека к такому пониманию будущего. Образование ориентируется на формирование навыков конструирования [26].

Видение будущего как проекта оппонировало видению будущему, раскрываемому в логике закона. Англосаксонский конструктивистский подход противостоял подходу немецкой гегелевской школы, основывавшемуся на вере в высшие законы. Вера в законы в современном дискурсе девальвировалась. Будущее вообще перестало мыслиться как грядущее.

Сконструировать, равно как и деконструировать в понимании проектного подхода к будущему можно что угодно, главное, чтобы для этого были соответствующие ресурсы. Политика оказывается столкновением разных проектов. Кон-

спирологи при этом могут изобретать проекты и там, где их реально нет. Но их миропонимание требует наличие фигуры проектировщика, так же, как ранее мир не мыслился без Бога.

Индия: будущее как возвращение

В индийской цивилизационной традиции будущее понимается не как линейное движение вперёд, а как возвращение к изначальному порядку. Время мыслится циклично, а потому будущее соотносится с восстановлением нарушенной космической и нравственной гармонии. Новизна в данной логике иллюзорна.

Ключевым понятием является идея вечного возвращения. История разворачивается как череда циклов, каждый из которых имеет начало, развёртывание и завершение. Кальпа фиксирует масштаб этого космического кругооборота и задаёт предельную рамку понимания времени.

Время двумерно, а не трёхмерно как в авраамических религиях. Движение вперёд в будущее здесь парадоксальным образом означает движение назад – в прошлое. Будущее не конструируется и не изобретается, оно раскрывается через возвращение к тому, что уже было задано в космическом порядке. Такая установка исключает представление о прогрессе как о накоплении принципиально нового.

При этом принципиальное значение имеют переходы внутри цикла. Фазы распада и обновления рассматриваются как необходимые моменты перехода к началу нового круга. Будущее в этой логике связано не с прорывом за пределы существующего, а с обновлением через повторение и восстановление изначального порядка [27].

Китай: будущее как прорастание

Китайская традиция понимания будущего, так же, как и индийская, связана с идеей возвращения и цикличности. Будущее не мыслится как радикальный разрыв с прошлым или как линейное

движение вперёд. Показательно, что в китайском языке, также как и в японском, отсутствует будущее время в европейском смысле этого слова, что отражает иную онтологию времени.

Историческое обновление в логике циклов выражается политически через смену династий. Новая династия понимается не как начало принципиально нового мира, а как восстановление и обновление кругооборота. Разрыв допустим лишь как форма возвращения к правильному порядку.

Наряду с этим в китайской традиции формируется особая идея будущего как прорастания. Будущее уподобляется прорастанию семени, которое уже содержит в себе форму будущего растения. Оно не конструируется извне и не навязывается волевым скачком. Будущее «прорастает» из настоящего при соблюдении определённых условий. Ключевым требованием становится недопустимость искусственного нарушения баланса. Центральное значение приобретает удержание равновесия и направленное сопровождение исторического движения [28].

Исламская традиция: будущее как свершение предписанного

Исламская версия осмысления грядущего строится как модель предписанного будущего. Историческое движение в данной перспективе понимается в горизонте Божественного установления, где ключевое значение имеет не автономное человеческое проектирование, а соотношение с ниспосланным откровением. Темпоральная направленность задаётся через религиозно-нормативный порядок, поэтому вопрос о судьбе сообществ и отдельных людей рассматривается, прежде всего, в связи с их верностью предписанному пути.

В этой логике центральное место занимают пророки как носители и передатчики откровения. Их миссия связана не только с нравственным наставлением настоящего, но и с раскрытием смысла

будущего в рамках единой истории руководства человечеством.

Особое значение в исламской версии принадлежит пророку Мухаммеду как «печати пророков». Этот статус означает завершенность пророческой линии и окончательность переданного через него откровения для общины верующих. Соответственно, осмысление грядущего соотносится прежде всего с кораническим текстом и пророческой сунной, поскольку именно в них зафиксированы нормативные и эсхатологические ориентиры, определяющие понимание исторической перспективы.

Соответственно, грядущее интерпретируется как подтверждение пророческих свидетельств: события времени соотносятся с тем, что уже было сообщено через пророческую традицию и закреплено в религиозной памяти уммы.

Отсюда вытекает эпистемологическое следствие: постижение будущего требует обращения к пророкам, к корпусу откровения и к авторитетной традиции толкования. В указанной рамке прогноз не сводится к вычислению трендов, а включает герменевтическую работу с пророческим словом, нормами шариатского порядка, эсхатологическими представлениями. Таким образом, исламская модель задаёт особый тип футурологического мышления, где ключ к пониманию грядущего помещён в пространство откровения, а историческая перспектива осмысливается через категорию предписанности [29; 30].

Африканская племенная традиция: будущее как небытие

В африканской племенной традиции восприятия времени будущее мыслится как небытие. Согласно концепции Джона Мбити, в традиционных онтологиях Африки, будущее в западном понимании – как бесконечная линейная перспектива – практически отсутствует. Временная структура организуется через *Sasa* и *Zamani*. Первая модальность охватывает динамичное настоящее и ближайшее бу-

дущее, вторая обозначает глубокое прошлое, включающее опыт предков и уже состоявшиеся события общины [31].

В этой логике будущее выступает как «несобытие». Пока событие не произошло и не вошло в жизненный порядок, оно не обладает полноценным бытийным статусом. Поэтому время, не наполненное действиями, фактически не существует. Именно по этой причине длительное абстрактное планирование, рассчитанное на отдалённые горизонты, не получает онтологического приоритета. Реальность времени раскрывается через происходящее: смену сезонов, ритуальные акты, хозяйственные циклы, социально значимые практики.

Ключевой образ такой темпоральности – движение спиной вперёд. Взгляд направлен не в «ещё-не-наступившее», а к уже пережитому и закреплённому в памяти предков. Человек продвигается в ходе жизни, опираясь на *Zamani* как на источник смысла и нормы. Грядущее при этом мыслится как пустота, которая обретает бытие лишь в момент перехода в настоящее и затем включается в пространство прошлого. Поэтому будущее здесь не конструируется извне, а возникает по мере событийного осуществления.

Русская цивилизационная модель: будущее как развилка выбора

Русская традиция задаёт особую модель осмысления грядущего: будущее как развилка. Её основания восходят к православной философской антропологии, где центральное место принадлежит свободе воли [32; 33]. В этой логике ход истории не замкнут в единственной причинной колее, поскольку перед человеком, страной, миром всегда открыт выбор. Отсюда принципиальный тезис: грядущее не только исторично, но и этично. Его содержание определяется не нейтральной механикой процессов, а соотношением с добром и злом.

Именно поэтому в русском интеллектуальном поле западные детерми-

нистские конструкции многократно подвергались теоретическому и нравственному перетолкованию. Даже там, где заимствовался категориальный аппарат европейской философии, центр тяжести переносился в сферу должного. Переинтерпретация гегелевской линии в революционной традиции строилась вокруг этического вопроса о принятии или неприятии наличной действительности. Историческая необходимость в таком прочтении переставала быть самодостаточной: решающим становился моральный статус существующего порядка.

Аналогичный сдвиг произошёл и в отношении марксизма. Классическая схема предполагала переход к социализму после зрелого капитализма, при максимально выраженной поляризации «буржуазия – пролетариат». В российской версии данный канон был радикально переосмыслен. Во-первых, социалистический проект был заявлен в стране, где капитализм не достиг классической полноты. Во-вторых, глобальная историческая картина была этически структурирована как противостояние двух начал: антикапитализм и капитализм, где последнему приписывался статус зла, первому – статус добра.

Будущее на всей развёртке истории России заявлялось как альтернатива западной предопределённости. Она предъяснялась миру не как фатальная заданность, а как нравственно ответственный экзистенциальный выбор. Будущее в такой оптике не «случается» и не «навязывается» законом; оно выбирается, а значит, требует этической ответственности субъекта истории.

Русская футурология имеет не только прогностическое, но и воспитательное измерение. Взгляд на грядущее как на развилку означает, что ни один исторический исход не гарантирован автоматически, следовательно, желаемый вариант требует усилия, выбора, ответственности, мобилизации воли. Такая оптика переводит разговор о перспективе из сферы

пассивного ожидания в пространство деятельного формирования, где центральным становится воспитание человека, способного различать добро и зло, принимать нравственно обоснованные решения, действовать в интересах страны и цивилизационной преэминентности. Взгляд на будущее как на развилку прямо означает: за будущее надо бороться.

Две мировые версии развития

Цели развития могут различаться принципиально. По большому счёту все концепции осмысления будущего могут быть разделены между материальными и идеальными ориентирами. Более важен в противопоставлении материализма и идеализма не вопрос о первичности происхождения, а вопрос о направлении развития. Первая версия будущего состоит в восхождении человека и общества к высшему идеальному. Как правило, в Традиции высшее идеальное обозначается понятием Бог. Возможны, впрочем, и иные в различных варьируемые по цивилизациям и идеологиям обозначения. Для достижения высшего идеального человек должен превозмочь себя. Преодоление себя требует воли. Человек преодолевает инерционность материи, и через это преодоление восходит к духовному. Таким же путём восхождения может идти и общество в целом. Для организации коллективного восхождения к идеальному требуется режим идеократии. Каждая цивилизация исходно выработала именно такое понимание развития. От сообщества людей к Богу через нравственное совершенствование каждого. Материальное приращение этой модели не было присуще. Для восхождения к идеальному экономический рост не имел значения. И более того, при превышении критических порогов роста он мог оказаться помехой восхождения. Переход методологически к цивилизационному подходу подразумевает и переосмысление развития как цивилизационно вариативного, но общего в цели пути восхождения к Богу.

Смена целевых ориентиров исторически произошло в Западной цивилизации. Поменяв цели, Запад обрёл высокую динамику. Но эта динамика была достигнута в логике иных целевых ориентиров.

Второй вариант развития состоял в установке достижения максимальной комфортности жизни человека. Для обеспечения комфорта изобретается техника, осуществляется технологическая модернизация, обустроивается быт. С человека последовательно снимаются разного рода социальные обременители. Логика восхождения замещается логикой освобождения. Развитие в этой версии оказывается сопряжено с материальным ростом и зачастую отождествляется с ним. Для характеристики этой модели движения в направлении будущего используется понятие прогресс. Конечная цель прогресса – общество максимальной комфортности – максимизированный материализм. Преодоления себя в этой версии развития не предполагается. Как раз наоборот оно ориентировано на то, чтобы человек не испытывал дискомфорт и в конечном итоге не напрягался.

Во второй модели развития собственно человек не развивается. Развитию подлежит окружающая человека среда, а не он сам. И более того в условиях возрастающего комфорта при атрофировании воли человек неизбежно деградирует. Второй тип развития оказывается, таким образом, путём антропологической деградации.

Казалось бы, первая модель обладает очевидными преимуществами в духовном развитии человека. Но вторая, генерируя создание передовой техники, даёт преимущества соответствующим сообществам при прямом столкновении с сообществами первого типа. Духовный человек при столкновении с человеком бездуховным, но вооружённым, объективно проигрывает. Отсюда задача соединения первой и второй моделей развития. От первой следует взять сам целевой ори-

ентир движения к высшему идеальному, от второй – технический инструментарий как средство безопасности. При этом важно чтобы средства не подменяли и не отменяли цель, не противоречили идее духовного восхождения. Угрозы такой подмены, безусловно, существуют. Восприятие техники ни как инструмента, а в качестве ценностей и целей приводит к тому, что духовные ориентиры замещаются материальными.

Особый тип развития на восходящей фазе реализации представлял советский проект, соединяющий идеальные и материальные ориентиры. Главным в нём была идея восхождения к совершенному человеку – гармонически развитой личности. Советский проект, безусловно, не являлся проектом религиозным. Но он перенял из религии идею преображённого человека, переработав её в новых формулировках. Определённое влияние на его генерирование оказал богостроительский дискурс, продвигаемый советским руководством культуры и образования. Все материальные стороны развития были подчинены высшей антропологической идее. Техническое развитие оказывалось подчинено гуманитарным целям, а также защите заявляемых идеалов от врагов. И такая иерархия обеспечила беспрецедентный прорыв СССР на первой фазе его существования.

А далее происходит подмена. Вместо развития в версии восхождения установился ориентир развития в направлении максимизации комфорта. Изменяется, соответственно, и инструментальное назначение техники. Спор лириков и физиков косвенно отражал этот переход. Смена видения будущего в СССР пришлась ориентировочно на 1950-е – 1960-е гг. И можно этот рубеж считать началом упадка советской модели. Главное в ней был особый тип советского человека, отказ от формирования которого означало проигрыш в борьбе с иными сообществами материального развития [34; 35].

Заключение

Проведённое исследование подтвердило актуальность сформулированного запроса на формирование суверенного российского целеполагания. России необходима суверенная теория будущего и суверенная футурология как самостоятельное направление научного, образовательного, мировоззренческого, государственно-управленческого развития. Без такой рамки невозможно обеспечить стратегическую субъектность, поскольку заимствованные модели целеполагания неизбежно встраивают страну в чужую иерархию смыслов, интересов, приоритетов. При отсутствии собственной футурологической платформы даже корректно сформулированные тактические решения начинают работать на внешние нормативные горизонты. Именно поэтому вопрос о грядущем должен рассматриваться как ядро суверенитета, а не как вторичная экспертная тема.

Формирование самостоятельной перспективы требует освобождения от матрицы западных подходов. Речь идёт не об изоляции от мировой науки, не об отказе от сравнительного анализа, не о методологическом самоограничении. Речь идёт о снятии безальтернативного статуса западных схем, которые длительное время подавались как универсальные, нейтральные, общезначимые. В действительности такие схемы несут конкретную цивилизационную аксиологию, специфическую антропологию, определённое понимание нормы, прогресса, человека, общества, государства. Пока эти предпосылки принимаются некритически, сохраняется режим внешнего целеполагания. Следовательно, первоочередной задачей становится деконструкция заимствованной нормативности и выработка собственных оснований прогнозирования.

Дальнейшее развитие цивилизационного подхода логически требует переноса его потенциала в футурологическую область. Если цивилизационная оптика уже признана продуктивной для анали-

за истории, идентичности, культурных констант, политической субъектности, значит, она должна быть доведена до горизонта грядущего. Иначе возникает внутренний разрыв: суверенное осмысление прошлого сочетается с несамостоятельным видением перспективы. Такая расщеплённость делает невозможной целостную стратегию. Необходима, соответственно, суверенная российская футурология, выстроенная на основаниях России как государства-цивилизации, а не на адаптации внешних универсалистских шаблонов.

Ключевой вывод сопоставительного анализа состоит в том, что каждая цивилизация вырабатывает собственную версию будущего. Универсального для всех образа грядущего не существует. Не существует и единого понимания самого феномена будущего. Западное видение будущего как тренда, представляемое как футурологический универсалий, не соотносится с континуумом иных цивилизаций.

Российская модель занимает особое место в цивилизационных версиях мировой футурологии. Её базовый концепт – будущее как развилка. Такая формула означает открытость исторического исхода.

Формула «будущее как развилка» задаёт для русской традиции принцип открытого исторического исхода. Стратегическое решение получает нравственный критерий оценки, вследствие чего логика фатальной предзаданности утрачивает объяснительную силу. Русская версия связывает горизонт грядущего с различием добра и зла, переводя футурологический анализ из процедурно-нейтрального режима в пространство этической ответственности. Она показывает, что судьба России и в целом человечества не имеет предопределённости, а зависит от готовности вести борьбу за заявленные идеалы.

По предельной направленности основные концепты грядущего группируются вокруг двух векторов. Первый ориентирован на максимизацию удобства,

снятие ограничений, рост потребления, технологическое обеспечение благополучия. Второй ориентирован на духовное восхождение человека, самопреодоление, воспитание воли, внутреннюю работу личности, служение высшему идеалу. Различие между этими линиями касается самого типа развития. Выбор в пользу модели восхождения означает системное изменение всех институций государственного и общественного строительства.

Для России необходима не просто «ещё одна» прогностическая школа, а целостная суверенная футурология: с собственной методологией, собственной антропологией, собственной аксиологией, собственной моделью целеполагания. Её назначение состоит в формировании такого образа будущего, который страна не заимствует извне, а вырабатывает из своих оснований, реализует в институтах и отстаивает в исторической борьбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сургуладзе В. Ш. Виктимизация идентичности: проблема деидентификации и десоверенизации социогуманитарной сферы // *Власть*. 2023. Т. 31. № 6. С. 116–126.
2. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 6. С. 7–24.
3. Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В. Основы российской государственности: учебное пособие. М.: Дело, 2024. 450 с.
4. Переслегин С. Б., Переслегина Е. Б. Дикие карты будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алисторус, 2024. 480 с.
5. Рочняк Е. В. Современные футурологические концепции: содержание и особенности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2025. Вып. 2. С. 179–188.
6. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики. М.: БОС, 2022. 324 с.
7. Борисов Е. А. Эсхатологическая проблематика в трудах современных российских исследователей // *Богословско-исторический сборник*. 2023. № 4. С. 91–100.
8. Таубес Я. Западная эсхатология. СПб.: Владимир Даль, 2023. 432 с.
9. Черняховская Ю. С. «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. М.: Институт Наследия, 2022. 380 с.
10. Fergusson D. *The Providence of God: A Polyphonic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 386 p.
11. Butterfield H. *The Whig Interpretation of History*. N.Y., Norton Company, 1965. 135 p.
12. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2007. 588 с.
13. Малейченко В. Н., Малейченко Е. А. Исторический процесс в зеркале формационного подхода // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2013. Т. 4. С. 296–300.
14. Постиндустриализм. Опыт критического анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, С. Г. Кара-Мурза, М. А. Деева, Ю. А. Сафонова М.: Научный эксперт. 2012. 288 с.
15. Малахова Е. В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 5. С. 70–77.
16. Абрамов А. В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2012. № 3. С. 35–51.
17. Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
18. Рамазанлы Г. Д. Концепция "Вызова-и-Ответа" А. Тойнби в истории России // *KANT*. 2024. №1. С. 183–187.
19. Масловский М. В. Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология // *Социологические исследования*. 2025. № 5. С. 80–89.
20. Персидская О. А. Примордиализм и конструктивизм в этносоциологии как рефлексивно симметричные познавательные позиции // *Социологические исследования*. 2025. № 5. С. 150–160.

21. Лейбниц Г. В. Монадология. М.: Рипол Классик, 2025. 200 с.
22. Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ЯГПУ, 2022. 256 с.
23. Кочеров С. Н. Учение Эпикура о свободе человека как предвестие проблемы свободы воли // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2025. Т. 19. № 2. С. 1036–1049.
24. Антонян А. Р. Учение о предопределении в истории западнохристианской мысли. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2022. 168 с.
25. Pham K. T. John Dewey's Educational Philosophy and Experience for Current Vietnamese Education // Contemporary Pragmatism. 2024. № 21. P. 399–415.
26. Phillips D. C. The Many Faces of Constructivism // Educational Researcher. 1995. Vol. 24 № 7. P. 5–12.
27. Eliade M. The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History. Princeton, New York: Princeton University Press, 2026. 232 p.
28. Jullien F. The propensity of things: toward a history of efficacy in China. New York: Zone Books; Cambridge, Mass.: Distributed by MIT Press, 1995. 317 p.
29. Cook D. Studies in Muslim Apocalyptic. Berlin: Gerlach Press, 2021. 482 p.
30. Filiu J.-P. Apocalypse in Islam. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2012. 288 p.
31. Mbiti J. S. African Religions and Philosophy. London: Heinemann, 1969. 290 p.
32. Чистякова О. В. Свобода воли и Божественное предопределение в восточной и западной патристике в контексте ортодоксальных (сотериологических) и философских различий // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. С. 6–15.
33. Шапиров А. Д. Свобода воли человека в христианстве и исламе // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2. С. 66–79.
34. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до закатаСПб.: Изд-во РХГА, 2022. 328 с.
35. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2 т. М.: Концептуал, 2025. 1152 с.

REFERENCES

1. Surguladze, V. Sh. (2023). Victimization of Identity: The Problem of De-Identification and De-Sovereignization of the Socio-Humanitarian Sphere. In: *Vlast*, 31-6, 116–126 (in Russ.).
2. Dugin, A. G. (2024). Western Studies: Towards a Sovereign Russian Science. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 7–24 (in Russ.).
3. Kharichev, A. D., Polosin, A. V. & Selezneva, A. V. (2024). *Fundamentals of Russian Statehood: A Study Guide*. Moscow: Delo Publ. (in Russ.).
4. Pereslegin, S. B. & Pereslegina, E. B. (2024). *Wild Cards of the Future. Force Majeure for Humanity*. Moscow: Alistorus Publ. (in Russ.).
5. Rochnyak, E. V. (2025). Modern Futurological Concepts: Content and Features. In: *Bulletin of Tula State University. Humanities*, 2, 179–188 (in Russ.).
6. Bagdasaryan, V. E. & Resnyansky, S. I. (2022). *Russian Eschatology: The History of Russian Social Thought in Focus on Apocalypse*. Moscow: BOS Publ. (in Russ.).
7. Borisov, E. A. (2023). Eschatological problems in the works of modern Russian researchers. In: *Theological-historical collection*, 4, 91–100 (in Russ.).
8. Taubes, J. (2023). *Western eschatology*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).
9. Chernyakhovskaya, Yu. S. (2022). "Big Three" of Soviet artistic futurology. *Political and philosophical understanding of the problems of cultural sovereignty, cultural and civilizational integration and the formation of ideals of the future in the works of I. Efremov, A. Kazantsev, A. and B. Strugatsky: comparative analysis*. M.: Heritage Institute Publ. (in Russ.).
10. Fergusson, D. (2018). *The Providence of God: A Polyphonic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Butterfield, H. (1965). *The Whig Interpretation of History*. N.Y., Norton Company.
12. Fukuyama, F. (2007). *End of History and Last Man*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).
13. Maleichenko, V. N. & Maleichenko, E. A. (2013). The historical process in the mirror of the formation approach. In: *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 4, 296–300 (in Russ.).
14. Yakunin, V. I., Sulakshin, S. S., Baghdasaryan, V. E., Kara-Murza, S. G., Deeva, M. A. & Safonova,

- Yu. A. (2012). *Post-industrialism. Experience of critical analysis*. Moscow: Scientific expert Publ. (in Russ.).
15. Malakhova, E. V. (2023). Technological progress as a cultural phenomenon in the mirror of competing worldview determinants. In: *Society: philosophy, history, culture*, 5, 70–77 (in Russ.).
 16. Abramov, A. V. (2012). Formation of the theory of modernization and alternative concepts of social development. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 3, 35–51 (in Russ.).
 17. Eisenstadt, Sh. (1999). *Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations*. Moscow: Aspect Press Publ. (in Russ.).
 18. Ramazanly, G. D. (2024). The concept of "Challenge-and-Answer" by A. Toynbee in the history of Russia. In: *KANT*, 1, 183–187 (in Russ.).
 19. Maslovsky, M. V. (2025). Dispute about the civilizational approach: essentialism, constructivism and modern historical sociology. In: *Sociological research*, 5, 80–89 (in Russ.).
 20. Persian, O. A. (2025). Primordialism and constructivism in ethnosociology as reflexively symmetrical cognitive positions. In: *Sociological research*, 5, 150–160 (in Russ.).
 21. Leibniz, G. V. (2025). *Monadology*. Moscow: Ripol Classic Publ. (in Russ.).
 22. Baghdasaryan, V. E. & Sylvester, arch. (Lukashenko) (2022). *Traditional values: a strategy for civilizational regeneration*. Yaroslavl: YAGPU Publ. (in Russ.).
 23. Kocherov, S. N. (2025). Epicurus's doctrine of human freedom as a harbinger of the problem of free will. In: *Schole. Philosophical antiquity and classical tradition*, 19-2, 1036–1049 (in Russ.).
 24. Antonyan, A. R. (2022). *The doctrine of predestination in the history of Western Christian thought*. Rostov-on-Don; Taganrog (in Russ.).
 25. Pham, K. T. (2024). John Dewey's Educational Philosophy and Experience for Current Vietnamese Education. In: *Contemporary Pragmatism*, 21, 399–415.
 26. Phillips, D. C. (1995). The Many Faces of Constructivism. In: *Educational Researcher*, 24-7, 5–12.
 27. Eliade, M. (2026). *The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History*. Princeton, New York: Princeton University Press.
 28. Jullien, F. (1995). *The propensity of things: toward a history of efficacy in China*. New York: Zone Books; Cambridge, Mass.: Distributed by MIT Press.
 29. Cook, D. (2021). *Studies in Muslim Apocalyptic*. Berlin: Gerlach Press.
 30. Filiu, J.-P. (2012). *Apocalypse in Islam*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
 31. Mbiti, J. S. (1969). *African Religions and Philosophy*. London: Heinemann.
 32. Chistyakova, O. V. (2018). Freedom of will and Divine predestination in Eastern and Western patristics in the context of orthodox (soteriological) and philosophical differences. In: *Logos et Praxis*, 17, 6–15 (in Russ.).
 33. Shapiro, A. D. (2023). Freedom of the will of man in Christianity and Islam. In: *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, 2, 66–79 (in Russ.).
 34. Baghdasaryan, V. E. & Resnyansky, S. I. (2022). *Soviet Union as a civilization: from heyday to sunset*. St. Petersburg: Russian Agricultural Academy Publ. (in Russ.).
 35. Kara-Murza, S. G. (2025). *Soviet civilization. In 2 vol.* Moscow: Conceptual Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

Научная статья
УДК 325.5
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

НАРРАТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ»

Атаев А. В.^{1,2}, Фролов Е. Р.^{1,3*}

¹ Институт «Царьград»

г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный институт культуры

г. Москва, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при президенте Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: er.frolov@tsargrad.institute

Поступила в редакцию 14.02.2026

После доработки 26.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Аннотация

Цель. Выявить и описать нарративную структуру и технологические механизмы, посредством которых региональная социально-экономическая проблематика «переупаковывается» в деструктивные идеологические конструкции деколонизационного типа, а также показать, каким образом эти конструкции институционализируются через проектно-сетевые формы и закрепляются в информационной среде; на основе полученных результатов сформулировать комплекс прикладных мер противодействия, ориентированных на нейтрализацию ключевых нарративов, снижение уязвимости целевых аудиторий и выстраивание проактивной контрнарративной стратегии.

Процедура и методы. Исследование выполнено в логике качественного дискурсивно-нарративного анализа с опорой на подходы стратегических коммуникаций и анализа информационно-психологического воздействия.

Результаты. В результате исследования установлено, что деколонизационный дискурс представляет собой целостную нарративную конструкцию, в рамках которой исторические, социально-экономические и политические аргументы объединяются в единую схему делегитимации российской государственности. Показано, что ключевым механизмом выступает «переупаковка» региональных дисбалансов развития через селективную фактизацию, эмоционализацию и перевод управленческих проблем в идентичностный конфликт с последующим цифровым масштабированием и квазиисследовательским закреплением интерпретаций. Выявлена воспроизводимость данной технологии на различных региональных кейсах и её институционализация в проектно-сетевых формах, обеспечивающих устойчивое воспроизводство повестки. Тем самым подтверждается, что деколонизационная рамка функционирует не как частная позиция, а как инструмент деструктивных стратегических коммуникаций, направленных против России.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в комплексном осмыслении дискурса «деколонизации России» как инструмента информационно-когнитивной войны. В работе уточняется механизм политизации постколониальных понятий, показывается, каким образом они трансформируются в средства дискурсивной делегитимации государственности и подрыва общегражданской идентичности, а также дополняется теория гибридных конфликтов за счёт анализа когнитивного и нарративного измерений. Полученные выводы могут быть использованы в аналитической и экспертной деятельности органов государственной власти при разработке стратегий противодействия деструктивным информационным воздействиям в системе мониторинга медиасреды, а также в образовательных и методических материалах по вопросам информационной безопасности, национальной политики и стратегических коммуникаций.

Ключевые слова: деструктивные идеологии, деколонизационный дискурс, сепаратизм, этно-сепаратизм, социально-экономические дисбалансы, информационно-психологическое воздействие, деколонизация

Для цитирования:

Атаев А. В., Фролов Е. Р. Нарративы и механизмы институализации проекта «деколонизация России» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 27–40.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

Original research article

NARRATIVES AND MECHANISMS OF INSTITUTIONALIZATION OF THE “DECOLONIZATION OF RUSSIA” PROJECT

A. Ataev¹, E. Frolov^{2*}

¹ *Tsargrad Institute*

Moscow, Russian Federation

² *Moscow State Institute of Culture*

Moscow, Russian Federation

³ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: er.frolov@tsargrad.institute*

Received 14.02.2026

Revised 26.02.2026

Accepted 02.03.2026

Abstract

Aim. To identify and describe the narrative structure and technological mechanisms through which regional socio-economic issues are «repackaged» into destructive ideological constructions of the decolonization type, as well as to show how these constructions are institutionalized through project-based network forms and fixed in the information environment.; Based on the results obtained, formulate a set of applied counteraction measures aimed at neutralizing key narratives, reducing the vulnerability of target audiences and building a proactive counter-narrative strategy.

Methodology. The research is carried out in the logic of qualitative discursive-narrative analysis based on the approaches of strategic communications and analysis of information and psychological impact.

Research implication. As a result of the research, it is established that the decolonization discourse is an integral narrative structure in which historical, socio-economic and political arguments are combined into a single scheme of delegitimization of Russian statehood. It is shown that the key mechanism is the «repackaging» of regional development imbalances through selective factionalization, emotionalization, and the transfer of managerial problems into identity conflict, followed by digital scaling and quasi-exploratory consolidation of interpretations. The reproducibility of this technology in various regional cases and its institutionalization in project-based network forms ensuring sustainable reproduction of the agenda are revealed. This confirms that the decolonization framework does not function as a private position, but as an instrument of destructive strategic communications directed against Russia.

Research implications of the study lies in a comprehensive understanding of the discourse of the “decolonization of Russia” as an instrument of information and cognitive warfare. The paper clarifies the mechanisms through which postcolonial concepts are politicized, demonstrating how they are transformed into tools of discursive delegitimization of statehood and the erosion of a shared civic identity, and contributes to the theory of hybrid conflicts by incorporating an analysis of cognitive and narrative dimensions. The findings can be applied in the analytical and expert activities of public authorities, in the development of strategies to counter destructive information influences, in media environment monitoring systems, as well as in educational and methodological materials on information security, national policy, and strategic communications.

Keywords: destructive ideologies, decolonization discourse, separatism, ethnoseparatism, socio-economic imbalances, informational and psychological impact, decolonization

For citation:

Ataev, A. V. & Frolov, E. R. (2026). Narratives and mechanisms of institutionalization of the “decolonization of Russia” project. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 27–40.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-27-40

Введение

В условиях углубляющегося гибридного противостояния и усиления внешнего идеологического давления на Российскую Федерацию возрастает значение информационно-коммуникационных практик, формирующих деструктивную интерпретацию социальной реальности. Одним из наиболее устойчивых направлений такого воздействия становится использование региональной социально-экономической проблематики в целях делегитимации российской государственности, размывания общегражданской идентичности и подрыва представлений о территориальной целостности¹.

¹ В первую очередь, речь идёт о Республике Саха (Якутия), где социально-экономическая проблематика ресурсной ренты и удалённости регулярно включается в деколонизационную рамку; Республике Башкортостан, где экологические, языковые

Характерным примером является идеология так называемой деколонизации России, функционирующая как интерпретационная рамка, в которой региональные трудности объясняются через тезис о «колониальной эксплуата-

и правоприменительные конфликты интерпретируются через призму «угнетения региона»; Республике Алтай, где вопросы местного самоуправления и земельной политики становились объектом политизированной переинтерпретации; Республике Татарстан, традиционно фигурирующей в дискуссиях о федерализме и договорных отношениях; республиках Северного Кавказа (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика), где историческая проблематика и социальные дисбалансы используются в идентичностной мобилизации; Республике Бурятия и Республике Карелия, которые нередко включаются в проекты «построссийского пространства»; а также в отдельных случаях в отношении Калининградской области и Дальневосточных субъектов Федерации, где акцент делается на территориальной удалённости и экономической специфике.

ции центра» и предъявляются как основание для политического размежевания. В условиях углубляющегося гибридного противостояния и усиления внешнего идеологического давления на РФ возрастает значение информационно-коммуникационных практик, формирующих деструктивную интерпретацию социальной реальности. Одним из наиболее устойчивых направлений такого воздействия становится использование региональной социально-экономической проблематики в целях делегитимации российской государственности, размывания общегражданской идентичности и подрыва представлений о территориальной целостности. В этом контексте показательно заявление президента России В. Путина, подчеркнувшего: «Теперь всё чаще и чаще ведут дело о некой “деколонизации России”, а по сути – расчленении Российской Федерации и нанесении нам всё того же пресловутого стратегического поражения. Несмотря на то, что у них ничего не получалось в течение не только десятилетий, а столетий, можно сказать, тем не менее это всё продолжается»¹.

Тезис о «колониальной эксплуатации центра» в отношении России не возник спонтанно в последние годы, а является результатом поэтапного переноса постколониального понятийного аппарата на российское историко-политическое пространство. Его интеллектуальные истоки связаны с развитием западных постколониальных исследований второй половины XX в. (Э. Саид, Г. Спивак, Х. Бхабха), где категория «метрополия – колония» использовалась для анализа империй. В 1990–2000-е гг. в академической среде появилась концепция «внутренней колонизации» (в частности, в работах А. Эткинды), допускавшая возможность применения колониального языка к континентальным империям [1]. Именно этот

теоретический мост стал основой для последующей политизации категории в отношении России.

В отличие от критики конкретных управленческих решений или обсуждения структурных проблем развития, деколонизационный дискурс формирует нормативно-оценочную модель: описание социально-экономических трудностей превращается в «доказательство» нелегитимности государства, а предлагаемым «решением» становится не институциональная модернизация и развитие, а демонтаж политико-административного единства. Подобная логика особенно эффективна в условиях фрагментированного медиапотребления, когда простые причинно-следственные схемы быстрее закрепляются в массовом сознании, чем комплексные объяснения.

Показательно, что данная рамка всё чаще получает внешнюю институциональную поддержку в публичных высказываниях и документах, где «деколонизация» увязывается с вопросами демократизации и международной безопасности. Это придаёт дискурсу характер не частного публицистического высказывания, а инструмента стратегических коммуникаций, рассчитанного на формирование устойчивых установок и на экспорт интерпретаций во внешнюю аудиторию. Одновременно в российских документах стратегического планирования и публичных оценках компетентных органов подчёркивается рост угроз информационно-психологического воздействия, ориентированного на дестабилизацию, подрыв суверенитета и использование этнического фактора в цифровой среде. В этой связке региональная проблематика оказывается зоной повышенной уязвимости: именно здесь соприкасаются социальный запрос, эмоциональные ожидания справедливости и возможности сетевого масштабирования конфликтных трактовок.

Эмпирическим подтверждением распространённости деколонизационного нарратива служат данные профильных

¹ За рубежом всё чаще говорят о деколонизации России, – заявил Путин // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20251105/putin-2053061518.html> (дата обращения: 11.02.2026).

государственных органов. Согласно публичной информации, озвученной руководством Федерального агентства по делам национальностей по итогам мониторинга за 2025 г. наиболее частой негативной темой в информационном пространстве стал именно «нарратив деколонизации России», который оппоненты власти целенаправленно внедряли в повестку отдельных республик. Наибольший рост подобных сюжетов был зафиксирован в Республике Башкортостан (на 49%), Чувашской Республике (на 20%), Республике Ингушетия (на 8%), Республике Крым (на 7%) и Республике Саха (Якутия) (на 4%). Снижение активности недоброжелательных интерпретаций отмечено лишь в Республике Дагестан (на 19%) и Чеченской Республике (на 10%). Данные показатели демонстрируют, что деколонизационная рамка не носит абстрактного характера, а используется адресно – с учётом региональной специфики, чувствительных тем и существующих социально-экономических дисбалансов, что подтверждает её инструментальный и технологический характер¹.

В силу этого особого внимания требует не столько перечень самих дисбалансов развития, сколько механика их превращения в элементы деструктивных нарративов. Наиболее типичным становится технологический набор, включающий селективный отбор фактов и индикаторов, эмоционализацию через риторику «обиды» и «ущемления», перевод социально-экономического запроса в идентичностный конфликт, сетевое масштабирование через социальные сети и мессенджеры, а также последующее «закрепление» интерпретаций в квази-исследовательских продуктах (карты, доклады, таблицы, псевдостатистика), по-

вышающих видимость объективности. Указанные практики воспроизводимы в различных типах регионов и на разных сюжетах: от инфраструктурных проблем и вопросов местного самоуправления до экологических и правоприменительных конфликтов, что позволяет рассматривать их как устойчивую технологию идеологической инструментализации.

Генезис и институционализация деколонизационной повестки

В современной зарубежной академической и публицистической среде заметна тенденция интерпретировать историческое развитие России через категориальный аппарат постколониальной теории, исходно сформированный для описания опыта европейских империй Нового времени [2]. В рамках такого переноса российское государственное строительство и территориальная интеграция тракуются по модели бинарной оппозиции «метрополия – колония», где «центр» выступает субъектом эксплуатации, а регионы – объектом подчинения и извлечения ресурсов. При этом специфика российской исторической динамики (континентальный характер расширения, многообразие правовых режимов включения территорий, сочетание военных, административных и культурных механизмов интеграции) либо редуцируется, либо подгоняется под заранее заданную схему, в которой любые формы вертикальной координации автоматически описываются как колониальные [3].

Особое место в этом наборе интерпретаций занимает трактовка освоения Сибири и Дальнего Востока как «колониальной экспансии по западному образцу»². В ряде работ и медийных материалов эти процессы описываются как аналог европейской колонизации с акцентом на ресурсное освоение и подчинение коренных групп. В результате исторически

¹ Состоялось заседание Комитета Государственной Думы по делам национальностей // Федеральное агентство по делам национальностей: [сайт]. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/sostoyalos-zasedanie-komiteta-gosudarstvennoj-dumyi-po-delam-nacjonalnostej> (дата обращения: 11.02.2026).

² «Деколонизация»: кто и как продвигает и готовит распад России? [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T2Ma5> (дата обращения: 11.02.2026).

сложная картина многоуровневой интеграции упрощается до морально нагруженного нарратива «завоевание – угнетение – эксплуатация», удобного для современного политико-коммуникационного использования¹.

Важным инструментом такого переноса выступает концепция так называемой «внутренней колонизации», позволяющая распространить колониальный язык не только на периферийные территории, но и на всю систему отношений «центр – регионы» внутри единого государства [4]. В этой оптике региональные различия в уровне развития, бюджетной обеспеченности или инфраструктурной доступности трактуются не как результат географии, демографии, структуры расселения, особенностей транспортной сети и экономики, а как проявление системной эксплуатации: «метрополия» якобы сознательно извлекает ренту и удерживает периферию в зависимом положении. Тем самым социально-экономические дисбалансы получают не управленческое, а нормативно-политическое объяснение: они превращаются в «доказательство» колониального статуса и аргумент в пользу необходимости радикального политического разрыва.

На уровне дискурсивных механизмов это сопровождается переопределением ключевых понятий. Федерализм описывается не как институциональная форма сложного государства, а как «декорация», скрывающая колониальную сущность; вертикальные механизмы управления и перераспределения – как инструменты «рентоизъятия»; русская идентичность – как «навязанная имперская» конструкция. В результате формируется тезис о том, что российская государственность по своей природе является имперской и потому якобы принципиально неспо-

собной к подлинному федерализму [5]. В этой логике любые реформы и модернизационные меры объявляются косметическими, а единственным «рациональным» выходом – демонтаж государства в его нынешних границах.

Существенно, что подобная схема не ограничивается академической дискуссией: она активно переходит в публицистику и политико-экспертные форматы, где начинает функционировать как универсальный объяснительный шаблон для интерпретации самых разных проблем: от качества местного управления и экологии до инфраструктурных дефицитов и миграционных процессов. Через такой шаблон региональные трудности связываются в единый причинный ряд, где «центр» выступает постоянным источником проблем, а региональная субъектность отождествляется с политическим отделением.

Нарративная структура и проектные формы

После 2022 г. деколонизационная рамка в отношении России заметно смещается от преимущественно идеологической и публицистической риторики к формату политико-экспертного инструмента, встроенного в обсуждение международной безопасности и стратегического планирования. Если ранее колониальная оптика применялась главным образом для критики исторического прошлого и политического устройства России, то в пост-2022 период она всё чаще используется как язык описания «желательного будущего» и как технология легитимации сценариев трансформации российского пространства².

В результате дискурс приобретает характер проектного: он не столько интерпретирует события, сколько предлагает рамку для сценарирования и формиро-

¹ Борьба против России пришла из 1990-х: вскрыто гнездо опасных деколонизаторов // Царьград: [сайт]. URL: https://tsargrad.tv/news/udar-po-rossii-prishjol-iz-90-h-vskryto-gnezdo-opasnyh-dekolonizatorov_1191996 (дата обращения: 11.02.2026).

² «Деколонизация»: кто и как продвигает и готовит распад России? [Электронный ресурс]. URL: <https://eiss.ru/upload/iblock/9f0/9f0bfc9192b938bdccad72427118fdcf.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

вания политических ожиданий внешней аудитории. Одним из ключевых проявлений этой эволюции становится распространение концепта «построссийского пространства» (post-Russia), в котором фрагментация России представляется не как риск, а как потенциальный способ «снижения геополитических угроз» и «управления нестабильностью». В рамках данной логики территориальная целостность России переописывается как источник международных рисков, а её возможное дробление – как условие будущей «демократизации», «девестернизации угроз», «демилитаризации» и создания «более предсказуемых» политических субъектов [6].

На уровне содержательных конструкций в дискурсе закрепляются несколько типовых сценарных моделей. Во-первых, моделирование «новых государственных образований» (национальных республик, региональных государств, «конфедераций»), где границы и субъектность будущих единиц обосновываются через этнокультурные и ресурсно-экономические аргументы. Во-вторых, появление картографических и псевдостатистических материалов – «карты будущих государств», «рейтинги колониальной эксплуатации», «таблицы ренты», которые создают видимость объективности и переводят идеологическую конструкцию в режим квазинаучного знания. В-третьих, усиление мотивов «управляемого демонтажа» и «контролируемого транзита»: фрагментация описывается как процесс, который возможно организовать и направлять через внешнее сопровождение, санкционные режимы, международные гарантии и поддержку «демократических сил» в эмиграции.

Отдельным этапом эволюции выступает институционализация дискурса – его закрепление в форматах, типичных для политико-экспертных коммуникаций. Речь идёт о проведении слушаний и брифингов на площадках, связанных с

внешнеполитическим и правозащитным контуром, о профильных экспертных форумах и конференциях, а также о создании сетевых платформ, объединяющих радикальные эмигрантские структуры [7]. Эти платформы выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обеспечивают постоянный канал взаимодействия с международными институтами и парламентскими структурами, с другой – формируют кадровую и коммуникационную инфраструктуру для тиражирования деколонизационных интерпретаций и подготовки к возможным политическим турбуленциям. Важна и логика «разделения ролей» внутри таких сетей: одни акторы производят «экспертные» документы и правозащитные кейсы, другие – медиаповестку и кампании давления, третьи – символическую и идентичностную мобилизацию в адрес целевых региональных аудиторий.

Технологически институционализация ведёт к стандартизации повестки: формируются повторяемые формулы, которые закрепляют идею о необходимости «деколонизации» как нормативную установку.

В контексте задач настоящего исследования данный сдвиг имеет принципиальное значение. Он показывает, что деколонизационная рамка после 2022 г. функционирует не только как идеологема, но и как инструмент стратегических коммуникаций, связывающий (а) внешнюю нормативную легитимацию, (б) проектирование сценариев «пост-пространства», (в) сетевое и цифровое масштабирование и (г) распространение на региональные социально-экономические сюжеты. Именно такая связка обеспечивает превращение реальных региональных дисбалансов в «сырьё» для деструктивной мобилизации: социальная проблематика получает внешне поддерживаемый интерпретационный шаблон, который затем закрепляется в медиасреде и квазиисследовательских форматах.

Нарративная структура и проектные формы

В этой связи особую опасность приобретают нарративы, используемые в деструктивных целях. К примеру, исторический нарратив «Россия – тюрьма народов» представляет устойчивую идеологическую конструкцию, выполняющую функцию моральной делегитимации российской государственности. Его ключевая особенность заключается в ретроспективной унификации разнородных исторических эпизодов в единую причинно-следственную схему: прошлое интерпретируется как непрерывная линия «завоеваний, подавления и репрессий», а современность – как прямое продолжение «колониальной политики». В результате историческая сложность заменяется упрощённой моральной моделью, где государство устойчиво закрепляется в роли «угнетателя», а региональные и этнокультурные сообщества – в роли «жертвы».

Технологически данный нарратив опирается на выборочную интерпретацию и контекстуальную редукцию:

– из исторического массива выделяются преимущественно травматические эпизоды (репрессии, депортации, конфликты, насильственные меры);

– при этом исключаются компенсирующие контексты (различие периодов и политического контекста, правовые и институциональные изменения, реабилитационные решения, динамика социально-экономической модернизации, участие представителей народов в управлении и развитии страны).

Особое место занимают депортации советского периода, которые в идеологической рамке подаются не как конкретный феномен определённого исторического контекста и политической практики, а как универсальное подтверждение «неизменной политики подавления» [6]. Здесь задействуется приём «обобщения по принципу сущности»: единичный (хотя и масштабный) исторический факт превращается в атрибут «природы госу-

дарства». Далее этот атрибут переносится на современную Российскую Федерацию, что создаёт эффект исторической непрерывности угнетения и позволяет радикализировать сегодняшнюю повестку.

Аналогичный механизм применяется к трактовке Кавказской войны и ряда конфликтов XIX в., которые описываются исключительно как «колониальные войны» [8]. В таком описании политические, геостратегические и внутренние факторы эпохи подменяются односторонней моральной рамкой [9]. Более того, разнородные практики интеграции (административные, договорные, социальные, культурные) игнорируются или рассматриваются как формы «колониального управления», что позволяет использовать историю как источник «символического обвинения» и оправдания требований политического размежевания.

Важный компонент нарратива – актуализация исторической схемы через текущие события. Локальные межэтнические конфликты, бытовые инциденты, спорные правоприменительные решения, кадровые ошибки или кризисные ситуации в регионах включаются в заранее заданную рамку «системного угнетения». Происходит перевод частного и ситуативного в «структурное»: событие становится «очередным доказательством» исторической формулы. Этот приём создаёт самоподтверждающуюся логику: любое напряжение интерпретируется как проявление исторически неизменной имперской природы государства. В данном случае контекст империи используется исключительно в негативном ключе.

Данный нарратив выполняет 3 задачи:

1. формирует моральное основание для делегитимации государственности («государство не имеет права на существование в нынешнем виде»);

2. обеспечивает эмоциональную мобилизацию через культивацию травмы, обиды и чувства коллективного унижения;

3. создаёт идеологический мост от прошлого к требованию политического

отделения как «восстановления справедливости».

В данной парадигме особенно важно акцентируется внимание на экономический нарратив «эксплуатации регионов». Он является базовым инструментом деколонизационного дискурса. Его центральная логика строится на утверждении, что различия в уровне развития субъектов Федерации являются не следствием объективных факторов (география, структура экономики, транспортная связанность, плотность населения, демография, исторические траектории индустриализации), а результатом целенаправленной политики центра, якобы выстроенной на «изъятии ресурсов» и поддержании зависимости регионов.

Характерная технологическая особенность данного нарратива – его адаптивность к противоположным типам регионов:

– в богатых ресурсных или индустриальных субъектах продвигается модель «регион-донор», который «кормит центр», но лишён возможности распоряжаться собственными доходами;

– в дотационных территориях – модель «искусственного удержания в бедности», где зависимость от трансфертов трактуется как механизм контроля и подавления субъектности.

Обе версии противоречат друг другу по содержанию, но совпадают по функции: они формируют устойчивую установку, что внутри действующей системы справедливость недостижима, а значит, требуется радикальный политический разрыв.

Особый сегмент нарратива связан с нефтегазовыми и ресурсодобывающими регионами. Здесь используется риторика «колониальной ренты»: природные ресурсы интерпретируются как «собственность региона», а бюджетные механизмы – как «изъятие» и «перекачка». В пропагандистской версии умышленно смешиваются разные уровни экономических отношений (налогообложение,

федеральные стандарты, межбюджетное выравнивание, инфраструктурные инвестиции, участие госкомпаний), а затем создаётся упрощённая моральная схема: «центр забирает – регион страдает». При этом игнорируются распределительные функции федерации, инфраструктурные эффекты единого пространства, а также обратные потоки инвестиций и социальных обязательств [10].

Отдельный элемент – интерпретация федеральных инфраструктурных проектов. В нормальной управленческой логике они представляют инструменты интеграции (снижение транспортных издержек, развитие связанности, расширение рынков труда и услуг). Однако в деколонизационной рамке такие проекты подаются как механизмы контроля: транспортные коридоры – как «инструменты вывоза ресурсов», цифровые инфраструктуры – как «надзор», энергетические и промышленные цепочки – как «зависимость». Это позволяет радикализировать даже позитивные по эффекту инициативы: они превращаются не в решение проблем, а в «доказательство эксплуатации».

Технологически экономический нарратив строится на наборе повторяемых приёмов:

– селективная фактизация – выбор отдельных показателей (низкие зарплаты, стоимость жизни, аварии, износ инфраструктуры) без учёта динамики и контекстов;

– моральная драматизация – перевод экономической темы в язык «несправедливости» и «ограбления»;

– персонализация виновника – «Москва/центр» как единый субъект ответственности;

– подмена управленческого вывода политическим – вместо корректировки политики предлагается «суверенитет» или отделение;

– квазиисследовательская фиксация – доклады, карты, таблицы «выкачки», псевдорасчёты «сколько регион недополучил», создающие видимость доказательности.

Функционально экономический нарратив выполняет 2 ключевые задачи. Во-первых, он формирует психологию безысходности («внутри системы ничего не изменить»), снижая готовность к конструктивным формам участия и институциональным механизмам решения проблем. Во-вторых, он создаёт «рациональную» оболочку для радикальных требований: политическое отделение преподносится не как экстремизм, а как «экономически неизбежный» шаг.

Следующий ключевой нарратив можно назвать «политическим». Политический нарратив «распад как путь к демократии» является одной из ключевых нормативных надстроек деколонизационного дискурса. Его базовая установка сводится к утверждению, что демократическое развитие в принципе невозможно в рамках крупного и/или централизованного государства, а потому разделение на более мелкие политические образования рассматривается как необходимое (и зачастую единственно возможное) условие либерализации, правового государства и «нормализации» отношений с внешним миром [4].

Технологически данный нарратив строится на подмене критерия демократизации: вместо анализа институтов, процедур, политической конкуренции, качества управления и правового режима, «демократия» сводится к параметру территориальной формы. В результате, как подчёркивает кандидат политических наук Н. Э. Демешко, формируется псевдологика, согласно которой крупное и «имперское» государство априори рассматривается как авторитарное, тогда как его дробление объявляется предпосылкой демократизации [11]. Подобная схема переводит дискуссию из сферы институциональных реформ в плоскость геополитического проектирования, где фрагментация страны преподносится как «рациональная технология» трансформации политического режима и одновременно как способ снижения международных

рисков. При этом, по оценке исследователя, «западные проекты практической политики, направленные на формирование национальных противоречий в России, реализуются прежде всего через проведение мероприятий, принятие деклараций об «освобождении» народов России от «колониальной» зависимости и популяризацию информации о необходимости «деколонизации» через СМИ», что свидетельствует о целенаправленном институциональном и медиакоммуникационном сопровождении подобной интерпретационной рамки [12].

В дискурсивной аргументации часто используются исторические аналогии – прежде всего распад СССР и Югославии, реже – распад колониальных государств в XX в. При этом характерен приём селективного сравнения: в качестве доказательной базы выбираются отдельные случаи постфактум демократизации в части новых государств, тогда как системные последствия распада (вооружённые конфликты, этнические чистки, длительные кризисы легитимности, экономическая нестабильность, миграционные шоки) либо маргинализируются, либо объявляются «издержками перехода». В результате аналогия превращается в нормативный аргумент, а не в предмет анализа [8].

На уровне политической психологии данный нарратив формирует ложную дилемму: «либо централизованное государство, либо свобода через фрагментацию». В этой конструкции устраняется промежуточное пространство решений – модернизация федеративных механизмов, повышение эффективности управления, институциональная конкуренция, развитие региональных программ и каналов представительства. Сама возможность эволюционных изменений внутри единого государства описывается как иллюзия, тогда как распад подаётся как «единственная реалистичная стратегия». Именно здесь нарратив сопрягается с описанным в статье эффектом «безысходности»: аудитория предлагается вы-

вод, что социально-экономические проблемы и политические ограничения невозможно решить иначе, кроме как через разрыв с общегосударственной системой.

Важная особенность современной версии нарратива после 2022 г. – его встраивание в язык международной политики: фрагментация России описывается как способ «снижения геополитических рисков» и создания «более управляемых» субъектов. Тем самым распад перестаёт быть лишь внутренним политическим лозунгом и становится элементом внешней стратегической коммуникации. Показательна институциональная фиксация подобной рамки в международных коммуникациях, где «деколонизация России» представляется как условие демократизации и стабильности. Например, резолюция ПАСЕ, принятая в 2024 г., прямо увязывает «*decolonisation of the Russian Federation*» с «демократическими» перспективами страны [13].

Комплексные меры противодействия проектам по деколонизации

Системное противодействие деколонизационной повестке требует перехода от реактивной модели к проактивной стратегии, ориентированной прежде всего на работу с нарративами как ключевыми единицами идеологического воздействия. Речь должна идти не только о пресечении отдельных информационных проявлений и блокировании конкретных материалов, но о нейтрализации интерпретационных схем, через которые социально-экономические и управленческие проблемы регионов «переупаковываются» в доказательства «колониального статуса» и основания для политического размежевания. В центре внимания находятся механизмы закрепления смыслов: устойчивые формулы причинности («центр эксплуатирует – регион страдает – отделение решает»), эмоциональные матрицы («ущемление», «обида», «историческая травма») и псевдодоказательные конструкции (карты, доклады, «рей-

тинги эксплуатации»), формирующие видимость объективности.

Проактивная стратегия в этой логике предполагает, во-первых, выстраивание системы раннего обнаружения нарративных кампаний. Мониторинг должен фиксировать не только «темы» и «упоминания», но и повторяющиеся смысловые связки: какие показатели выбираются для селективной фактизации, какие эпизоды используются для эмоционализации, как социальные вопросы переводятся в идентичностный конфликт, какие квазиисследовательские продукты создаются для легитимации. Такое нарративное картирование позволяет выявлять кампании на этапе формирования интерпретационной рамки – до того, как она станет привычной «очевидностью» для аудитории.

Во-вторых, необходима контрнарративная работа, которая должна строиться не по принципу «опровержения в лоб», а как конкуренция интерпретаций с предоставлением более убедительных причинно-следственных моделей. Это означает:

- разъяснение многопричинности региональных дисбалансов (география, структура экономики, логистика, демография, институциональные ограничения);

- демонстрацию управленческих инструментов и динамики решений;

- перевод дискуссии из моральной схемы «угнетатель – жертва» в плоскость конкретных программ развития и ответственности.

Контрнарратив должен разрушать ложную дилемму «либо империя, либо свобода через распад», возвращая в повестку пространство эволюционных и институциональных решений.

В-третьих, ключевым условием устойчивости является вытеснение деколонизационных мифологем из квазинаучной оболочки. Поскольку значительная часть нарративного давления закрепляется через псевдоэкспертные форматы (доклады, карты, таблицы «ренты», «индексы угнетения»), требуется регулярное про-

изводство альтернативного доказательного контента: верифицируемых данных, прозрачных методик, понятных визуализаций, публичных аналитических записок и региональных справок. Это снижает эффект «псевдообъективности» и лишает деструктивные конструкции статуса «научного знания».

В-четвёртых, работа с нарративами неизбежно включает образовательный и культурно-коммуникационный контур. Целевая аудитория деколонизационных проектов часто вовлекается через эмоциональные и идентичностные триггеры; следовательно, устойчивость формируется через развитие медиаграмотности, навыков критической оценки источников, понимания механизмов манипуляции и умения распознавать подмену социального запроса политической радикализацией. На практике это означает внедрение модулей по анализу информационно-психологического воздействия, истории и политике идентичности, а также обучение региональных лидеров

мнений и работников социальной сферы базовым инструментам нарративной профилактики.

Наконец, контрнарративная стратегия должна быть институционально обеспечена. Необходима координация между экспертным сообществом, органами власти и региональными институтами гражданского общества для выработки единых протоколов реагирования на «нарративные атаки»: чтобы в кризисные моменты не возникал интерпретационный вакуум, заполняемый деколонизационными объяснениями. При этом важен принцип: предметом противодействия являются не социальные проблемы как таковые и не их публичное обсуждение, а именно деструктивная «переупаковка» этих проблем в схемы делегитимации государственности. Такой подход позволяет одновременно сохранять пространство легитимной критики и повышать устойчивость общества к идеологическим технологиям, ориентированным на радикализацию и политическое размежевание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин А. Л., Парфёнов Н. П. «Имперский» федерализм в российской системе государственного управления // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 7. С. 14–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_14
2. Аникин Д. А., Туркин И. А. Постколониализм: между научной теорией и инструментом «культуры отмены» // *Дискурс-Пи*. 2025. № 1. С. 29–42. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29
3. Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 4. С. 7–18.
4. Овчинский А. С., Борзунов К. К., Журавленко Н. И. Информационные войны против России в электронной образовательной среде // *Human Progress*. 2024. № 11. С. 32. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-1
5. Круглый стол «Возможна ли «колонизация» пространства?» / В. Н. Бочарников, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев, Я. А. Барбенко, В. Н. Караман // *Известия Восточного института*. 2020. № 3. С. 128–146.
6. Голубкина С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 1–2. С. 20.
7. Прилепский П. А., Буров А. С. Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2023. № 2 С. 28–48. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-126-140
8. Демешко Н. Э. Политические технологии формирования альтернативной России: «Форум свободных народов/государств пост-России» как инструмент ослабления государственности и фрагментации РФ // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Серия: Философия Политология Культурология*. 2025. № 2 С. 117–133. DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-117-133

9. Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Специфика исторического развития России // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. № 4. С. 104–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-104-114
10. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России / Н. Э. Демешко, Г. Л. Мурадов, А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Регионология. 2024. Т. 32. № 1. С. 10–30. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030
11. Димитрова Ю. Б. Отношения между центром и регионами в России: проблема эффективности // Власть. 2010. № 5. С. 89–92.
12. Исакиева З. С. Из истории насильственного выселения чеченцев и ингушей: к 80-летию депортации (1944–2024 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4. С. 116–121. DOI: 10.24158.fik.2024.4.16
13. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 128–141. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-10-27

REFERENCES

1. Bredikhin A. L. & Parfenov, N. P. (2022). "Imperial" federalism in the Russian system of public administration. In: *Law and state: theory and practice*, 7, 14–17. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_14 (in Russ.).
2. Anikin, D. A. & Turkin, I. A. (2025). Postcolonialism: between scientific theory and the instrument of "cancel culture". In: *Discourse-Pi*, 1, 29–42. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29 (in Russ.).
3. Gapurov, Sh. A., Bugaev, A. M. & Chernous, V. V. (2014). On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: on chronology, causes and content. In: *Scientific thought of the Caucasus*, 4, 7–18 (in Russ.).
4. Ovchinsky, A. S., Borzunov, K. K. & Zhuravlenko, N. I. (2024). Information wars against Russia in the electronic educational environment. In: *Human Progress*, 11, 32. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-1 (in Russ.).
5. Bocharnikov, V. N., Demyanenko, A. N., Kireev, A. A., Barbenko, Y. A. & Karaman, V. N. (2020). Round table "Is it possible to "colonize" space?". In: *News of the Eastern Institute*, 3, 128–146 (in Russ.).
6. Golubkina, S. E. (2016). On some trends in the development of postcolonial research. In: *Bulletin of Mininsky University*, 1-2, 20 (in Russ.).
7. Prilepsky, P. A. & Burov, A. S. (2023). Technologies of external influence on the policy of the Russian Federation in the context of a special military operation in Ukraine. In: *Bulletin of Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 2, 28–48. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-126-140 (in Russ.).
8. Demeshko, N. E. (2025). Political technologies for the formation of an alternative Russia: "Forum of Free Peoples/States of Post-Russia" as an instrument for weakening the statehood and fragmentation of the Russian Federation. In: *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Series: Philosophy Political Science Cultural Studies*, 2, 117–133. DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-117-133 (in Russ.).
9. Harunov, R. Sh. & Harunova, M. M.-B. (2019). Specificity of the historical development of Russia. In: *Izvestia Laboratory of Ancient Technologies*, 4, 104–114. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-104-114 (in Russ.).
10. Demeshko, N. E., Muradov, G. L., Irkhin, A. A. & Moskalenko, O. A. (2024). "Decolonization" and "de-imperialization": modern Western policy regarding the fragmentation of Russia. In: *Regionology*, 32-1, 10–30. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030 (in Russ.).
11. Dimitrova, Yu. B. (2010). Relations between the center and regions in Russia: the problem of efficiency. In: *Power*, 5, 89–92 (in Russ.).
12. Isakieva, Z. S. (2024). From the history of the forced eviction of Chechens and Ingush: to the 80th anniversary of deportation (1944–2024). In: *Society: philosophy, history, culture*, 4, 116–121. DOI: 10.24158.fik.2024.4.16 (in Russ.).
13. Shumilov, M. M. & Gurkin, A. B. (2023). Prerequisites, international context and features of the indirect war of NATO against Russia in Ukraine (2022–2023). In: *Management consulting*, 7, 128–141. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-10-27 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаев Артур Викторович (г. Москва) – кандидат политических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Московского государственного института культуры; руководитель Центра этнорелигиозных исследований Института «Царьград»;
e-mail: arturataev@gmail.com, ORCID: 0009-0006-1759-2681

Фролов Егор Русланович (г. Москва) – магистрант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС); заместитель руководителя Центра этнорелигиозных исследований Института «Царьград»;
e-mail: er.frolov@tsargrad.institute, ORCID: 0009-0003-7793-1540

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ataev Artur Viktorovich (Moscow) – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of General Humanitarian Disciplines, Moscow State Institute of Culture; Departmentally Head, Center for Ethnoreligious Research, Institute «Tsargrad»;
e-mail: arturataev@gmail.com; ORCID: 0009-0006-1759-2681

Frolov Egor Ruslanovich (Moscow) – Postgraduate student, Department of Political Science and Political Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Deputy Head, Center for Ethnoreligious Research of the autonomous non-profit organization, Institute «Tsargrad»;
e-mail: er.frolov@tsargrad.institute; ORCID: 0009-0003-7793-1540

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-41-55

АЦАНГУАРЫ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ

Клемешов А. С.^{1*}, Малышев А. А.²

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Институт археологии Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: klemeshovas@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2026

После доработки 14.02.2026

Принята к публикации 19.02.2026

Аннотация

Цель. Публикация предварительных итогов обследования археологических памятников, выявленных в окрестностях мыса Малый Утриш (полуостров Абрау, Краснодарский край).

Процедура и методы. В статье приведены результаты комплексного обследования археологических памятников в окрестностях мыса Малый Утриш, проведённого в ходе полевых разведочных работ. Для изучения выявленных памятников производилась топосъёмка местности, обмеры сохранившихся строительных остатков, изучались данные аэросъёмки разного времени и отчёты исследователей второй половины XX в. по итогам изучения древностей окрестностей м. Малый Утриш.

Результаты. В ходе архивных исследований и полевых разведочных работ получены данные об истории изучения и современном состоянии каменных стен, возможно, оград для скота, большой протяжённости и сложной планировки в окрестностях мыса Малый Утриш. Судя по особенностям применяемых при возведении таких стен строительных приёмов, их создание можно отнести к времени распространения на Северном Кавказе салтово-маяцкой культуры, носители которой проникают на Малый Утриш с материка во второй половине I тыс. н. э. Аналоги подобным сооружениям широко известны в среднегорных и высокогорных районах Кавказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данные об истории изучения археологических памятников окрестностей м. Малый Утриш, а также об их современном состоянии и результаты их обследования могут быть использованы для дальнейших исследований древностей полуострова Абрау.

Ключевые слова: Малый Утриш, ацангуары, полуостров Абрау, археологические разведки

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы ИА РАН «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации» (№ НИОКТР 126011315523-4).

Для цитирования:

Клемешов А. С., Малышев А. А. Ацангуары полуострова Абрау // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 41–55.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-41-55

Original research article

ATSANGUARS OF THE ABRAU PENINSULA

A. Klemeshov¹, A. Malyshev²

¹ Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Institute of Archaeology of Russian Academy of Science
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: klemeshovas@mail.ru

Received 25.01.2026

Revised 14.02.2026

Accepted 19.02.2026

Abstract

Aim. To publish preliminary results of the survey of archaeological sites identified in the vicinity of Cape Maly Utrish (Abrau Peninsula, Krasnodar Krai).

Methodology. The article presents the results of a comprehensive survey of archaeological monuments in the vicinity of Cape Maly Utrish, conducted in the course of field reconnaissance work. For the study of the identified sites were made topographic survey of the area, measurements of preserved building remains, studied the data of aerial surveys of different times and reports of researchers of the second half of 20th century on the study of antiquities in the vicinity of the Cape Maly Utrish.

Results. In the course of archival research and field reconnaissance work, data were obtained on the history and current state of stone walls, possibly cattle fences, of long length and complex layout in the vicinity of Cape Maly Utrish. Judging by the peculiarities of the construction methods used in the erection of such walls, their creation can be attributed to the time of the spread of the Saltovo-Mayatskaya culture in the North Caucasus, the carriers of which penetrated to Maly Utrish from the mainland in the second half of the 1st millennium AD. Similar structures are widely known in the middle and high mountainous regions of the Caucasus.

Research implications. The data given in the article about the history of the study of archaeological sites in the vicinity of Maly Utrish, as well as their current state and the results of their survey can be used for further studies of the Abrau Peninsula antiquities. The data on the history of the study of archaeological sites in the vicinity of Maly Utrish, as well as on their current state and the results of their survey can be used for further studies of the Abrau Peninsula antiquities.

Keywords: Maly Utrish, atsanguars, Abrau Peninsula, archaeological surveys

Acknowledgment. This work was executed as part of the planned Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences theme «Cultures and Cultural Communities of the Circumpontine Zone and Adjacent Regions in the Paleometal and Early Iron Ages: Contacts, Traditions, and Innovations» (NIOKTR no. 126011315523-4).

For citation:

Klemeshov, A. S. & Malyshev, A. A. (2026). Atsanguars of the Abrau peninsula. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 41–55.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-41-55

Введение

Побережье между палеозаливом, возле которого расположилась античная Горгишия (ныне Анапа), и Цемесской бухтой, на берегах которой локализуется Бата-гавань (ныне Новороссийск), образовано западными отрогами Главного Кавказского хребта. Это побережье представляет собой сплошную каменную гряду, местами разрушенную палеосейсмическими осыпями. Оно прорезано речными долинами рек (Анапка, Сукко, Дюрсо, Озерейка и Цемес), по которым возможен доступ во внутренние районы полуострова Абрау.

Лишь Утришский регион изолирован от остальной территории п-ва Абрау Навагирским хребтом. Пространство между долинами рек Сукко и Дюрсо (далее – окрестности м. М. Утриш») формируют 4 горных отрога, ориентированных по оси СВ–ЮЗ. Отмечено возрастание их высоты с СЗ на ЮВ: наиболее высокий – левый склон Навагирской Щели (гора Сахарная голова – 544 м). Горные массивы прорезают 3 долины. Устье наиболее протяжённой (6 км) долины Широкая Щель перекрыто мощной осыпью (длинной – ок. 500 м, шириной ок. 300 м). Юго-западная половина (ок. 2 700 м) имеет ширину ок. 200 м.

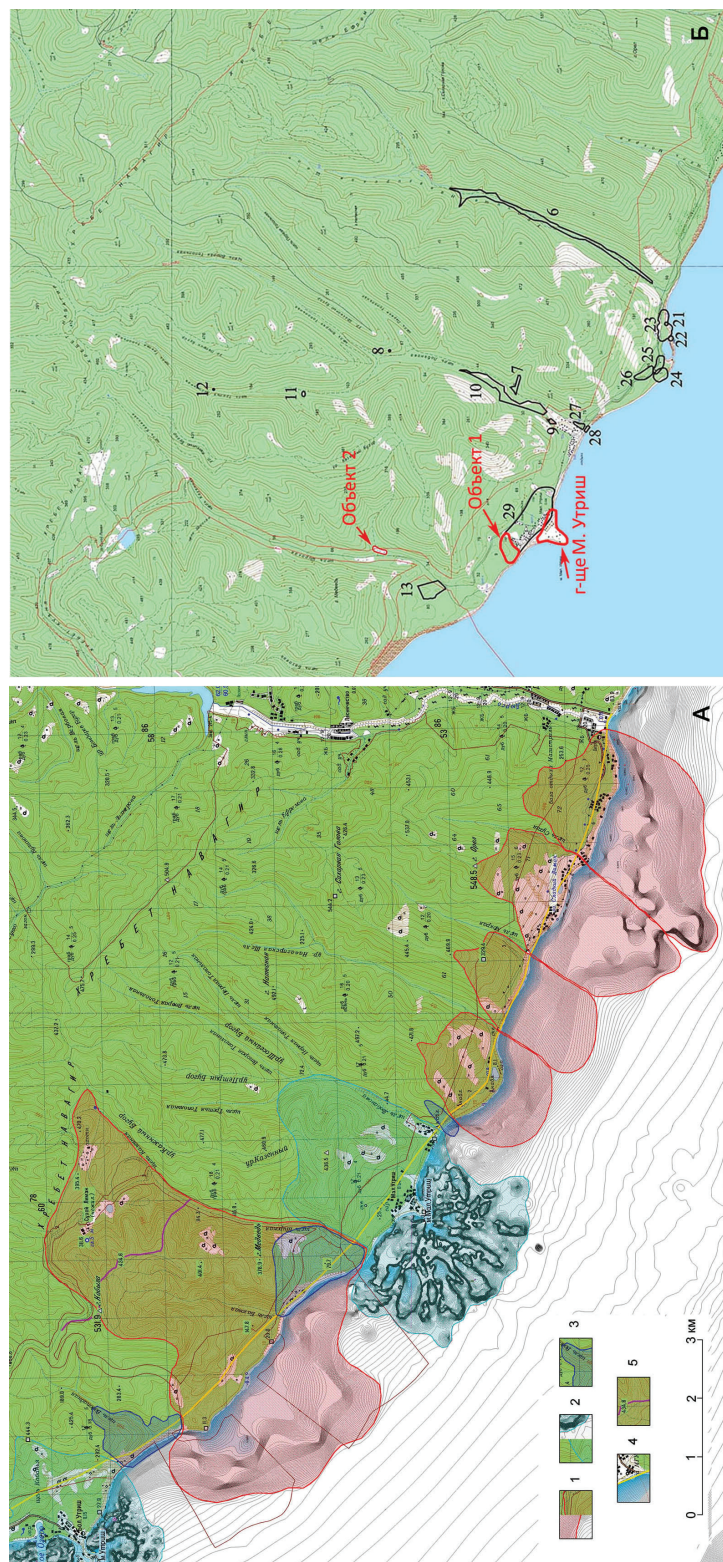
Специалистами отмечается максимальная сейсмогенная переработка береговой зоны на побережье между Большим и Малым Утришом, что объясняется возможным расположением здесь эпицентров землетрясений большой интенсивности. Археологические исследования свидетельствуют об отрицательном воздействии сейсмической активности на развитие антропогенного ландшафта: она привела к сокращению поверхностей, удобных для поселения, и нарушила сложившуюся систему водоснабжения.

Кроме того, археологические разведки обнаружили крайнюю неравномерность распределения археологических памятников в Утришском регионе и тяготение системы расселения к черноморскому побережью (рис. 1).

Особый интерес вызывают небольшие по площади, образованные в результате оползней прибрежные пространства. Наиболее значительный по размеру (ок. 93 га) – это м. М. Утриш и прилегающие к нему пространства: устье долин Широкая и Лобанова. Высотные отметки здесь варьируют в пределах 20 м.

Мыс М. Утриш представляет собой близкий к треугольнику выступ, вершиной направленный на ЮЗ: его ширина в средней части около 200 м. Мыс выдаётся в море на 350 м. С обеих сторон основания мыса имеются небольшие озёра (площадью 0,13 и 0,38 га). Благодаря географическому положению: расположение на морском побережье, между устьями 2 крупнейших долин (Лобанова Щель и Широкая Щель), – центральное место в историческом развитии рассматриваемого региона занимает м. М. Утриш (рис. 2). К сожалению, связанные с ним архивные данные отсутствуют и, как уже отмечалось выше, значительная часть археологических древностей была разрушена в результате интенсивной хозяйственной деятельности во второй половине XX в. Выявленные и изученные здесь впоследствии археологические памятники грандиозны, на п-ве Абрау по своим размерам они сопоставимы с античным центром Горгишией. К сожалению, в научный оборот информация о них практически не введена, и наша статья призвана восполнить этот пробел.

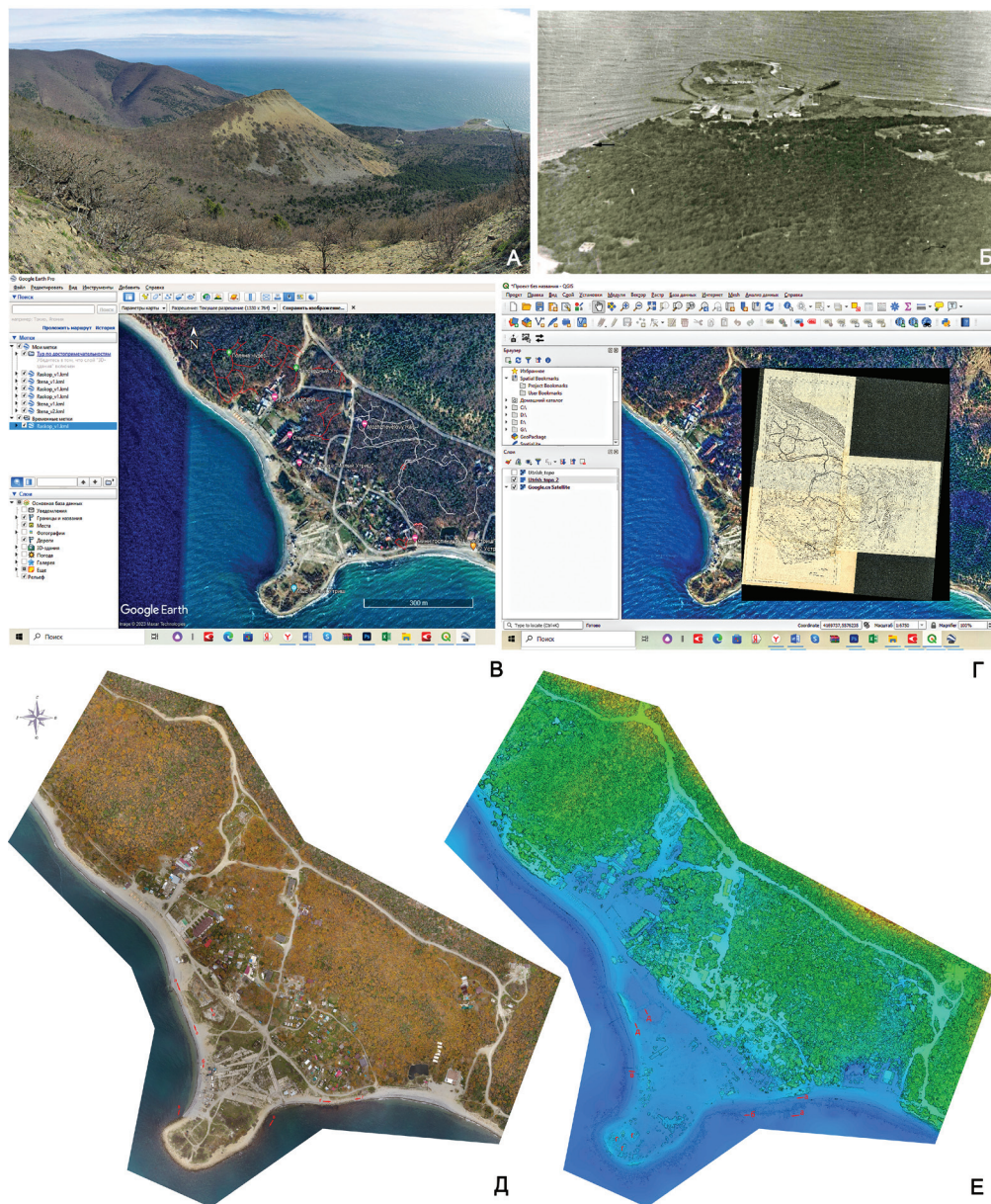
Её целью является публикация предварительных итогов обследования данных археологических памятников, ко-

А – сейсмогравитационные формы (1 – граница сейсмогравитационных тел предыдущей генерации; 2 – граница сейсмогравитационных тел последней генерации; 3 – граница небольших блоков, вовлечённых в движение крупными телами; 4 – тектонические разрывы Сукко–Дюрсо; 5 – перемещённый гребень хребта Навагир);
Б – обнаруженные археологические памятники в регионе

Рис. 1 / Fig. 1. Геоморфологические особенности окрестностей мыса Малый Утриш и памятники археологии / Geomorphologic features of the vicinity of Cape Maly Utrish and archaeological sites

Источник: А5 – [11, рис. 1], Б – [12, с. 73]

А – вид с севера;
 Б – вид с северо-востока;
 В – древние сооружения, привязанные
 к системе координат (GoogleEarth);

Г – топоплан 1988 г.;
 Д – аэрофото окрестностей;
 Е – карта высот окрестностей

Рис. 2 / Fig. 2. Мыс Малый Утриш/ Cape Maly Utrish

Источник: А – [11, рис. 3.3]; Б – Ждановский А. М. Раскопки средневековой крепости на мысе Малый Утриш (Черноморское побережье Краснодарского края) в 1988 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12838. 1988. Рис. 2; В – GoogleEarth; Г – выполнен в системе QGIS; Д, Е – выполнены Д. О. Дрыгой в 2022 г.

торое было проведено в ходе полевых разведочных работ Новороссийской археологической экспедиции. Для изучения выявленных памятников производились топосъёмка местности, обмеры сохранившихся строительных остатков, изучались данные аэросъёмки разного времени и отчёты исследователей второй половины XX в., работавших на полуострове Абрау.

История археологических исследований на м. Малый Утриш

В 1967 г. здесь был обнаружен и представлен в Новороссийский исторический музей-заповедник крупный пифос. В полевом отчёте о работе Новороссийского отряда в 1969 г. Н. А. Онайко дала характеристику выявленным объектам: «Лобанова балка. В 700 м от берега моря, по левую сторону от дороги, обнаружено очень большое, по-видимому, черкесское кладбище. Оно состоит из больших, прямоугольных и квадратных в плане, могил, огороженных камнями. Встречались обломки средневековых амфор и посуды с зелёной поливой.

Малый Утриш. Осмотрели следы турецкого вала. На центральной дороге, при въезде в этот небольшой посёлок рыбаков, видны следы зарытых средневековых пифосов. Эти пифосы когда-то были обнаружены строителями дороги и вновь засыпаны, т.к. не была организована вовремя их раскопка и доставка в музей»¹.

После находки при планировке дороги ещё нескольких пифосов на М. Утрише в 1984 г. А. В. Дмитриевым были проведены разведочные работы, в ходе которых он выявил остатки стен, пересекающих плато в разных направлениях. В частности, в 15 м к северу от местонахождения пифосов были найдены кладки крепостной стены, высотой до 0,7 м и ориентированной по границе основания мыса (СЗ–ЮВ). Стена, которую удалось проследить

на протяжении 300 м, была сооружена в основном по гребню естественного возвышения (рис. 3).

Лучше сохранился юго-восточный участок стены, кладки зафиксированы в береговом обрыве, где, возможно, находилась небольшая прямоугольная в плане башня. Стена имела, как правило, двухметровую ширину, однако на прилегающих к проёму ворот (ширина – около 2,5 м) участках она утолщается с внутренней, мысовой стороны до 2,5–2,7 м, выполняя роль своеобразного контрфорса, который гасит склоновую деформацию. Каменные кладки северо-западного контура крепостной стены практически не сохранились.

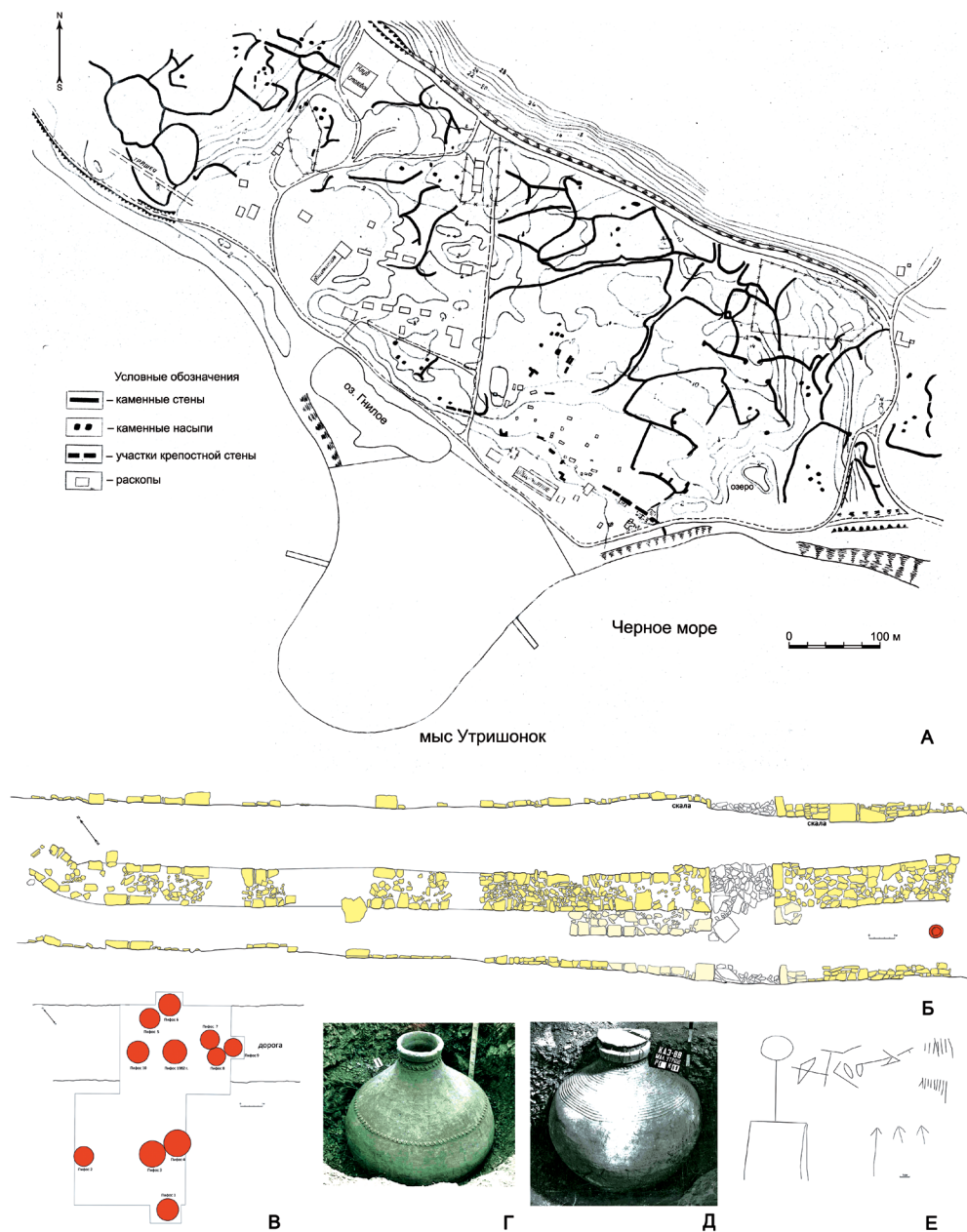
По описанию А. В. Дмитриева, при сооружении стены поверхность не подготовлена: кладка возведена непосредственно на подстилающих скальных выходах. Кладка двухфасная, соответственно, в предвратной части трёхфасная. Камень в кладках необработанный, разного размера, уложен насухо, внутреннее пространство забутовано.

Изолированное от побережья крепостной стеной городище имело обширное хранилище, которое располагалось неподалёку от проездных ворот. Оно могло обеспечить, по-видимому, питьевой водой не только поселение, но и проплывающие суда. Закрытые округлыми, вытесанными из плитняка крышками горла пифосов выявлены на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности. Сосуды впущены в материковый слой, под донья, по наблюдениям А. В. Дмитриева, была подсыпана зола².

Жилая часть поселения располагалась к югу от крепостной стены. Культурный слой поселения, исследованный только в юго-восточной части городища, вдоль

¹ Онайко Н. А. Отчёт о работе Новороссийского отряда в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4253. 1969. С. 18.

² Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой Щели в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в Краснодарском крае в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10615. 1984.

А – план выявленных сооружений;
 Б – крепостная стена с проездным сооружением
 В – хранилище;

Г – пифос;
 Д – пифос;
 Е – граффити на пифосах

Рис. 3 / Fig. 3. Мыс Малый Утриш / Cape Maly Utrish

Источник: А – Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в п. Малый Утриш..., рис. 113; Б – Дмитриев А. В. Указ. соч., чертёж 114; В – Дмитриев А. В. Указ. соч., чертёж 127; Г – Дмитриев А. В. Указ. соч., чертёж 120; Д – Ждановский А. М. Указ. соч., рис. 44ж; Е – Дмитриев А. В. Указ. соч., рис. 120а

крепостной стены, очень слабо насыщен находками, амфорный материал и пифосы [1, с. 115, рис. 71] датируют поселение XII–XIII вв. Не исключено, что разрушение крепости, о котором свидетельствует завал в проездных воротах, связано с катастрофическим землетрясением с очагом в зоне Утришского разлома [2, с. 68–69].

Работы Новороссийской археологической экспедиции на м. М. Утриш

Разведочные работы в 1980-х гг. свидетельствуют о полном уничтожении древнего антропогенного ландшафта¹. Аэрогеодезические материалы (привязанные к системе координат планы исследований в 1984 и 1988 г., а также ортофотоплан и карта высот окрестностей м. М. Утриш площадью 61,4 га), полученные в результате разведочных работ 2022 г., показали необходимость дальнейших исследований.

В настоящее время на территории мыса на протяжении ок. 350 м по оси ЮЗ–СВ отмечен 4 м перепад высот: на самом мысу, а это половина всего указанного расстояния, рельеф в пределах 1 м, в 2–3 м интервале протяжённостью ок. 130 м. Фортификационные сооружения расположены на террасе (уровень – ок. 4 м).

Протяжённость береговой полосы городища м. М. Утриш (площадь – ок. 5,15 га) составляет ок. 800 м. Несмотря на масштабное антропогенное воздействие на рельеф и возможность существенного изменения очертаний берега, причальные сооружения второй половины XX в. могут находиться там же, где и корабельные стоянки средневековья.

В северо-западной части мыса прибрежная полоса (протяжённость ок. 150 м) представляет собой галечный пляж и даёт возможность для швартовки лодок или иных судов с мелкой осадкой. В то же время в юго-восточной части расположена небольшая бухточка, вполне пригодная для якорной стоянки кораблей.

Непосредственно на побережье в галечнике заметны локальные скопления крупных блоков песчаника, которые могут быть связаны с разрушающимися волноприбойной деятельностью постройкиками. В мысовой части, судя по карте высот аэросъёмки, могли сохраниться строительные остатки, которые имеют правильную планировку (размеры возможных сооружений довольно значительны: 30×45 м; 32×30 м; 24×28 м).

Развалы камня в прибрежной зоне у юго-восточной оконечности мыса, по видимому, связаны с фортификационными сооружениями городища. В северной части расположено оз. Гнилое, которое, судя по очертаниям, могло в древности представлять собой врезающийся в основания мыса лиман, причём на «языке» между морем и озером расположена валлообразная насыпь (длина – ок. 7 м), из которой явно вымывается строительный камень. Не менее интересным объектом является пересекающая озеро «дамба» (дл. – 37 м), в основании которой, похоже, тоже развалы камня.

В 2023 г. работами Новороссийской археологической экспедиции был обследован участок м. М. Утриш, где в непосредственной близости от средневекового городища, изученного раскопками А. В. Дмитриева в 1984 г. и А. М. Ждановского в 1988 г. и датированного по находкам византийских амфор и пифосов XII–XIII вв.², выявлена довольно обширная

¹ Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой Щели в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в Краснодарском крае в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10615. 1984; Ждановский А. М. Раскопки средневековой крепости на мысе Малый Утриш (Черноморское побережье Краснодарского края) в 1988 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12838. 1988.

² Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой Щели в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в Краснодарском крае в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10615. 1984.

(разведанная площадь ок. 23 га) «сеть» каменных стен. Рельеф пространств к северо-востоку от оборонительной стены городища представляет собой природный амфитеатр: на промежутке длиной ок. 300 м высота возрастает в 3–4 раза. Наибольшая плотность строительных остатков отмечается в северной и северо-западной частях, что обусловлено во многом удалённостью от современной застройки, что способствовало сохранению кладок. Судя по данным раскопок А. М. Ждановского¹, эти кладки имеются и в непосредственной близости от оборонительной стены, которая в настоящее время является юго-восточной границей ареала этих кладок.

Почти вся обследованная площадь, за исключением самого мыса, поросла низкорослым лесом. Значительная часть территории застроена частными домами. Во многих местах встречаются скальные возвышенности и скальные выходы. Почвенный слой очень незначительный и по большей части перемешан с мелкой щебёнкой. Обнаруженные стены не привязаны к сложному рельефу, а разграниченные ими пространства имеют неправильную форму и разную площадь: от 0,2 до 1,6 га. Сохранность их различна, местами стены достигают метровой высоты при толщине до 1,5 м. Фасы сложены из необработанного камня разного размера насухо, внутреннее пространство забутовано щебнем и мелкими камнями.

Локальные особенности отмечены на северо-востоке ареала этих сооружений: здесь зафиксировано 2 участка взаимопараллельных стен с узкими проходами между ними, протяжённостью свыше 100 м, каменные курганообразные насыпи, зачастую возведённые в торцах стен, и прямоугольное сооружение (помещение «А»), обнаруженное на стыке 4 участков в центральной части терри-

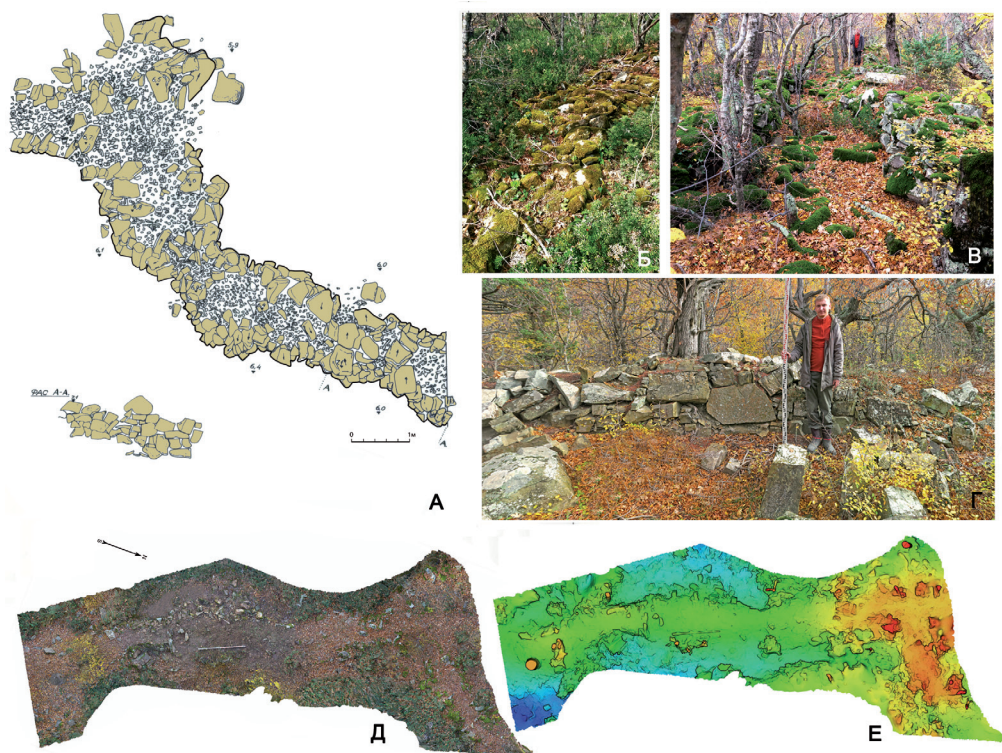
тории. Оно почти квадратное в плане и имеет внутренние размеры 3,8×4 м. Стены ориентированы по странам света с небольшим отклонением, они сохранились в отдельных местах на высоту до 1 м, при толщине от 0,8–0,9 до 0,5 м. Вход, шириной 0,85 м, находился в южной стене, ближе к юго-западному углу. В юго-восточном углу и перед входом найдены обломки 2 небольших пифосов, а в центральной части – небольшое скопление шлака серого цвета (рис. 4).

Почти по всей территории, занятой стенами, встречаются курганообразные насыпи, иногда как башенки, обложенные камнями. Некоторые стены заканчиваются такими насыпями. Их довольно много в юго-восточной части поселения. На многих из них в центре имеются ямы грабительских раскопок. Одна такая насыпь (диам. – 5,2 м, выс. – ок. 0,5 м) в юго-восточной части памятника была исследована в 1984 г., не обнаружены ни строительные остатки, ни погребение. Стратиграфия ям показывает природное образование насыпей². В ходе работ 2023–2024 гг. был обследован ряд таких насыпей из необработанного камня местных пород мелкого и среднего размера, которые продолжают подвергаться грабительским раскопкам. Обращает на себя внимание их расположение в некоторых случаях в непосредственной близости (10–15 м) друг от друга.

Поскольку на аэросъёмке очертания кладок практически не читаются, на территории ГПЗ «Утриш» в 2023 г. были произведены полевые разведочные работы. Участок комплекса каменных кладок, расположенный в квартале 40 Абрауского участкового лесничества, имеет протяжённость по широтной оси 250 м, по меридиональной ок. 200 м, общая площадь

¹ Ждановский А. М. Раскопки средневековой крепости на мысе Малый Утриш (Черноморское побережье Краснодарского края) в 1988 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12838. 1988.

² Дмитриев А. В. Отчёт об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой Щели в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в Краснодарском крае в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10615. 1984.

А. Участок каменной стены;
 Б. Участок каменной стены;
 В. Участок двух взаимопараллельных каменных стен на северо-востоке комплекса;
 Г. Фас кладки на северо-востоке комплекса;
 Д–Е. Фотограмметрия участка и карта высот стены на северо-западе комплекса

Рис. 4 / Fig. 4. Окрестности мыса Малый Утриш и оз. Солёное / Near Cape Maly Utrish and Solyonoye Lake

Источник: А – Малышев А. А. Отчёт об археологических исследованиях в Лобановой Щели и у Солёного озера на территории поселкового совета Абрау-Дюрсо близ г. Новороссийска Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15449. 1990. Рис. 134; Б – фото А.С. Клемешова, 2020 г.; В–Г – фото А. А. Малышева, 2022 г.; Д–Е – выполнено Д.О. Дрыгой и А.В. Мочаловым, 2022 г.

ок. 4 га. Особенностью данного участка является диапазон высот поверхности (5–20 м), тогда как на остальных, как правило, варьировал в пределах 5–15 м. Судя по карте, составленной А. В. Дмитриевым, кладки имеют большую плотность, очерчивая меньшие пространства, по сравнению с юго-восточной частью. Южная часть уничтожена застройкой, что, судя по аэрофото втор. пол. XX в., произошло в последней четверти XX века. В юго-восточной части площадь комплекса

на длину 50 м пререзает пролегающая вдоль побережья дорога (шир. – 5 м) в Широкую Щель.

На первом этапе работ в северо-западной части памятника была сделана фотограмметрия участка стены длиной 20 м (часть стены 1). На наиболее информативном варианте (карте высот) отмечено, что контуры кладки «блуждают», прежде всего, из-за сложного рельефа (перепада высот), а также в связи с разной сохранностью лицевых кладок. В южной части

объекта стена сохранилась на высоту до 0,7 м, ширина неразрушенного участка составила 1,2 м. Контур северо-восточного фаса читается плохо. Кладка сохранилась в южной части на высоту ок. 0,6 м, она сложена из разноформатного камня, в основном это плитняк небольшого размера. Кладка нерегулярная, камень в основном уложен ложком. Юго-западный фас сложен из более массивных камней. Большая часть камней сползла вниз по склону: на 2 м участке стены протяжённость каменного оползня – 0,8 м.

На втором этапе работ было расчищено и зафиксировано 2 участка стен, ориентированных по оси СЗ–ЮВ, общей протяжённостью ок. 140 м на площади 0,5 га. Стены в целом повторяют намеченные в 1984 г. контуры, однако в реальности они смещены в юго-западном направлении на 10 м. Отметим, что контуры стен отражают топографические особенности поверхности, на которой они возведены. Сохранность объектов разная.

Стена 1 расположена в 37 м восточнее стены 2. Она также ориентирована в меридиональном направлении. Исследовано ок. 102 м протяжённости кладки. Участок, исследованный ранее, расположен в средней части. Северо-западное ответвление кладки опоясывает расположенную восточнее возвышенность, восточное пересекает его. Сохранность кладок различная. В южной части объекта прослежен только контур стен из вкопанных вертикально плит. В северо-западной части кладка сохранилась на высоту ок. 0,6 м. Она сложена из разноформатного камня, в основном это плитняк небольшого размера, ширина неразрушенного участка составила 1,2 м. Кладка нерегулярная, камень в основном уложен ложком.

Стена 2 (длина ок. 40 м) расположена в прибрежной части (в 28 м от линии прибоя). Кладки полностью разобраны, прослежен только контур из вкопанных тычком (вертикально) необработанных

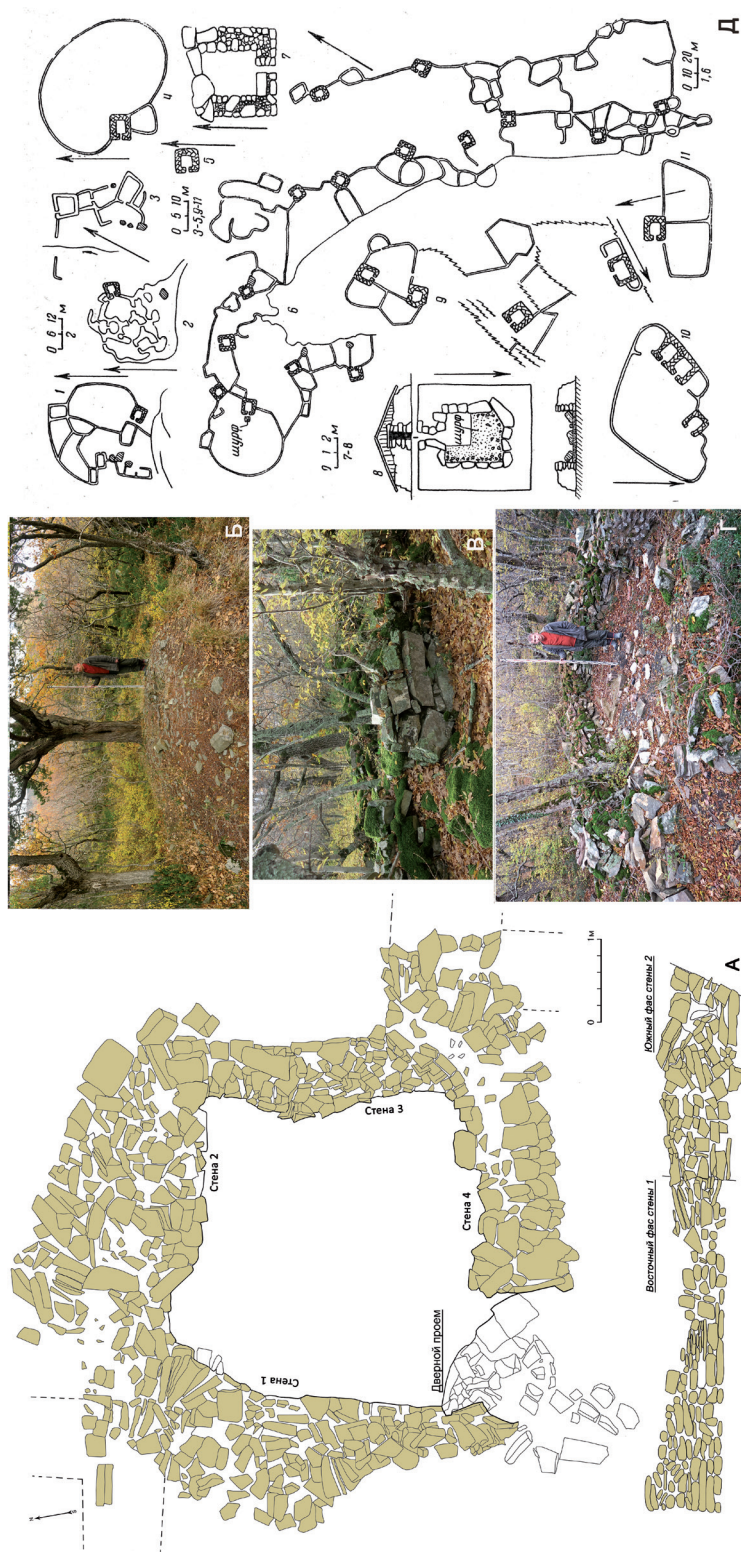
плит толщиной 0,15–0,2 м. Благодаря этим плитам, можно установить ширину стены – ок. 1,5 м. В южной оконечности кладки расчищено скопление камней, расположение которых позволяет предполагать наличие более обширной конструкции.

К сожалению, данные о хронологическом соотношении крепостной стены и «сети» каменных сооружений (стен, каменных насыпей, помещение «А») отсутствуют. На первый взгляд, они возведены в близких строительных традициях: бесфундаментная двухлицевая кладка с внутренней забутовкой на неподготовленной поверхности. Однако несущая конструкция у них различна. Если в крепостной стене это сложенные из довольно крупных блоков лицевые кладки, между которыми забутовка из рваного камня разного размера, то расположенные к северо-востоку от м. М. Утриш стены представляют собой массив из глины и мелкого щебня с каменными панцирями. В северной части п-ва Абрау, на цитадели Верхнегостагаевского городища исследована крепостная стена, шириной ок. 2 м, из массива глины с щебнем с каменными облицовочными панцирями из необработанного камня.

В основе каждого комплекса «домик пастуха», вокруг которого группируются хозяйственные постройки и стены загонных (рис. 5). Как и в утришском помещении «А», внутренние фасы стен вертикальные, тогда как внешние в значительной мере расширяются к основанию [3, с. 35].

Эти строительные приёмы распространяются на Северном Кавказе аланами и хазарами – носителями салтово-маяцкой культуры [4, с. 169–151, рис. 5].

Подобные сооружения, интерпретируемые как загонные для скота, довольно широко известны в среднегорных и высокогорных районах Кавказа. Изучение невысоких каменных стен большой протяжённости, распространённых в Северо-Восточном Причерноморье и полу-

А. Помещение на северо-востоке комплекса;
 Б. Каменная насыпь;
 В. Внешний фас северной стены помещения;

Г. Современное состояние помещения, вид с юга;
 Д. Ацангуары северо-западной Абхазии

Рис. 5 / Fig. 5. Окрестности мыса Малый Утриш / Near Cape Maly Utrish

Источники: А – Дмитриев А. В. Указ. соч., чертеж 128; Б – фото А. А. Малышева, 2022 г.; В – фото А. А. Малышева, 2022 г.; Г – фото А. А. Малышева, 2022 г.; Д – Дмитриев А. В. Указ. соч., рис. 2

чивших название ацангуары (абх. «ограды карликов»), началось в конце XIX в. с описания их ботаником Н. М. Альбовым [6, с. 118].

В работах М. М. Иващенко, Ш. Д. Инал-Ипа, Ю. Н. Воронова, В. Л. Ксенофонтова и А. И. Джопуа была дана характеристика нескольких сотен ацангуаров, выявленных на территории Абхазии и Краснодарского края РФ (до пос. Агой Туапсинского р-на). Двухфасные стены с каменно-щепенчатой забутовкой, сложенные из необработанного камня местных пород, образуют в плане овалы или четырёхугольные конструкции, вписанные в рельеф. Как правило, они имеют высоту от 1 до 2 м и ширину 0,8–1,2 м [6, с. 120] и включают в себя небольшую постройку на каменном основании – «домик пастуха». Функционально такие ограждения, судя по всему, были связаны с местными традициями отгонного овцеводства, непосредственное их использование остаётся дискуссионным, как и датировка их сооружения.

Так, бытование ацангуаров («оград карликов») Абхазии датировано VI–X вв. [3, с. 37], имеются данные о бытовании аналогичных сооружений в центральном Предкавказье практически до современности [7, с. 114]. Аналоги таким сооружениям обнаружены в Прикубанье

и Крыму. Абхазские ацангуары, судя по исследованиям Ю. Н. Воронова, датированы по находке в культурном слое внутри ацангуаров фрагментов тарной керамики ранним средневековьем. При этом сходные конструкции, выявленные близ оз. Донузлав в Крыму исследованиями Т. Н. Смекаловой, датируются бронзовым веком [8; 9; 10].

Заключение

Сравнительно слабая интенсивность хозяйственной деятельности на м. Малый Утриш за пределами современной застройки, уничтожившей часть строительных остатков, позволила сохраниться сети каменных стен, предположительно отождествляемых с широко распространёнными на Кавказе и за его пределами каменными загонами для скота – ацангуарами, в достаточно хорошем состоянии. Ареал их распространения в окрестностях м. Малый Утриш с высокой вероятностью существенно больше выявленного работами 1980-х гг. и последних лет. Обследование в ходе разведочных работ 2022–2024 гг. самого мыса и его окрестностей позволило обнаружить следы строительных конструкций, свидетельствующих об активном хозяйственном и фортификационном использовании этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. 164 с.
2. Овсяченко А. Н. и др. Междисциплинарное датирование Утришских сейсмодислокаций: к локализации очага сильного исторического землетрясения на Западном Кавказе // Вопросы инженерной сейсмологии. 2019. № 3. С. 50–73.
3. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров // Советская этнография. 1973. № 6. С. 30–40.
4. Каминский В. В., Цокур И. В. О фортификации у алан Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Сб. статей. 2001. Вып. 1. С. 168–197.
5. Клемешов А. С., Малышев А. А. Антропогенные ландшафты Раевского городища // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 142–154. DOI: 10/18384/2310-676X-2022-5-142-154
6. Джопуа А. И., Ньюшков В. А. Древние памятники Абхазии – ацангуары в работах Ю. Н. Воронова и новые исследования // Российский Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории, материалы к историко-археологическому изучению региона. Докл. и сообщ. 22 Международного семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. Армавир, 2018. С. 118–123.

7. Коробов Д. С. и др. Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска // Российская археология. 2018. № 2. С. 113–129.
8. Сmealова Т. Н. Новые археологические памятники в верховьях озера Донузлав в Северо-Западном Крыму // Проблемы истории, филологии и культуры. 2017. № 1. С. 149–173.
9. Сmealова Т. Н. Открытие поселений эпохи поздней бронзы с двойными загонами в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов // Проблемы истории, филологии и культуры. 2018. № 4. С. 17–28.
10. Сmealова Т. Н., Лисецкий Ф. Н., Каширская Н. Н., Борисов А. В. Двойные загоны – новые памятники бронзового века в Северо-Западном Крыму: предварительные результаты геофизических, геохимических и микробиологических исследований // Stratum plus. 2021. № 2. С. 109–126.
11. Попков В. И. и др. Результаты исследований сейсмогравитационных форм рельефа полуострова Абрау // Наземные и прилегающие морские экосистемы полуострова Абрау: структура, биоразнообразие и охрана. Т. 4 / отв. ред. С. Ю. Калинина. М., 2017. С. 7–24.
12. Шишлов А. В., Федоренко Н. В. Объекты культурно-исторического наследия // Атлас. Государственный природный заповедник «Утриш». Научные труды. Т. 2 / науч. ред. Г. Н. Огуреева. Анапа, Новороссийск, 2013. С. 72–75.

REFERENCES

1. Jacobson, A. L. (1979). *Ceramics and ceramic production of medieval Taurica*. Leningrad: Nauka, Leningr. dep. Publ. (in Russ.).
2. Ovsyuchenko, A. N., et al. (2019). Interdisciplinary dating of the Utrish seismic dislocations: to the localization of the focus of a strong historical earthquake in the Western Caucasus. In: *Issues of engineering seismology*, 3, 50–73 (in Russ.).
3. Voronov, Yu. N. (1973). On the dating of Abkhaz atsanguars. In: *Soviet ethnography*, 6, 30–40 (in Russ.).
4. Kaminsky, V. V. & Tsokur, I. V. (2001). On fortification at the Alans of the North Caucasus. In: *Materials and research on the archeology of the Kuban*, 1, 168–197 (in Russ.).
5. Klemeshov, A. S. & Malyshev, A. A. (2022). Anthropogenic landscapes of the Raevsky settlement. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 5. Circumpontics, no. IV, 142–154. DOI: 10/18384/2310-676X-2022-5-142-154 (in Russ.).
6. Jopua, A. I. & Nyushkov, V. A. (2018). Ancient monuments of Abkhazia – atsanguars in the works of Yu. N. Voronov and new studies. In: *Russian Caucasus: socio-cultural, economic and political aspects of history, materials for the historical and archaeological study of the region. Doc. and message 22 International Seminar of the Caucasus School of V. B. Vinogradov*. Armavir, 118–123 (in Russ.).
7. Korobov, D. S., et al. (2018). Comprehensive study of stone pens in the vicinity of Kislovodsk. In: *Russian archeology*, 2, 113–129 (in Russ.).
8. Smealova, T. N. (2017). New archaeological sites in the upper reaches of Lake Donuzlav in the North-West Crimea. In: *Problems of history, philology and culture*, 1, 149–173 (in Russ.).
9. Smealova, T. N. (2018). Discovery of settlements of the Late Bronze Age with double pens in the North-West Crimea using remote and geophysical methods. In: *Problems of history, philology and culture*, 4, 17–28 (in Russ.).
10. Smealova, T. N., Lisetsky, F. N., Kashirskaya, N. N. & Borisov, A. V. (2021). Double pens – new Bronze Age monuments in the North-West Crimea: preliminary results of geophysical, geochemical and microbiological studies. In: *Stratum plus*, 2, 109–126 (in Russ.).
11. Popkov, V. I., et al. (2017). Results of studies of seismogravitational landforms of the Abrau Peninsula. In: Kalinina S.Yu., ed. *Terrestrial and adjacent marine ecosystems of the Abrau Peninsula: structure, biodiversity and protection. Vol. 4. Moscow*, 7–24 (in Russ.).
12. Shishlov, A. V. & Fedorenko, N. V. (2013). Objects of cultural and historical heritage. In: Oгуреева, G. N., ed. *Atlas. Utrish State Nature Reserve. Vol. 2. Anapa, Novorossiysk*, 72–75 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клемишов Алексей Станиславович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: klemeshovas@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5091-9427

Мальшиев Алексей Александрович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук;
e-mail: maa64@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3607-1674

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey S. Klemeshov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of World History, Federal State University of Education;
e-mail: klemeshovas@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5091-9427

Alexey A. Malyshev (Moscow) – Cand. Sci. (History), Departmentally Head, Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences;
e-mail: maa64@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3607-1674

Научная статья
УДК 37.378
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-56-64

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСТЬ-ВЫМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ПО ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Герасимова М. П.^{1*}, Герасимова М. Н.²

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
г. Сыктывкар, Российская Федерация

² Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И. А. Куратова
г. Сыктывкар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: gmarinap@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.12.2025

После доработки 16.01.2026

Принята к публикации 28.01.2026

Аннотация

Цель. Изучение деятельности Усть-Вымского педагогического училища в подготовке педагогических кадров в Коми крае.

Процедура и методы. В работе использовались хронологический и ретроспективный методы исследования, которые позволили упорядочить исторические данные деятельности училища, выявить основные этапы его развития и обозначить роль в решении текущих проблем в системе образования Коми края.

Результаты. В результате исследования делаются выводы о роли и инновациях Усть-Вымского педагогического училища в подготовке национальных педагогических кадров в соответствии с модернизационными изменениями.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе обзора и анализа имеющихся источников показаны значение и вклад Усть-Вымского педагогического училища в подготовку квалифицированных специалистов на разных этапах его существования. Внимание обращается на подготовку учителей со знанием коми языка, раскрываются исторические особенности обучения студентов в рассматриваемый период.

Ключевые слова: заочное отделение, консультпункт, педагогические кадры, педагогические курсы, педагогический техникум, педагогическое училище, Усть-Вымская учительская семинария

Для цитирования:

Атаев А. В., Фролов Е. Р. Нарративы и механизмы институализации проекта «деколонизация России» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 56–64.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-56-64

Original research article

ACTIVITIES OF THE UST-VOVSKY PEDAGOGICAL SCHOOL FOR THE TRAINING OF PEDAGOGICAL PERSONNEL OF THE KOMI REPUBLIC

M. Gerasimova^{1*}, M. Gerasimova²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation

² I. A. Kuratov Syktyvkar Humanitarian and Pedagogical College
Syktyvkar, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: gmarinap@yandex.ru

Received 17.12.2025

Revised 16.01.2026

Accepted 28.01.2026

Abstract

Aim. The study of the activities of the Ust-Vym Pedagogical College in the training of teaching staff in the Komi region.

Methodology. The article provides a brief overview of the activities of schools during the period under review, and concludes that there is a shortage of teachers and the need for their training. Based on the review and analysis of available sources, the importance and contribution of the Ust-Vym Pedagogical College to the training of qualified specialists at various stages of its existence are shown. Attention is drawn to the training of teachers with knowledge of the Komi language, and the historical features of student education during the period under review are revealed.

Results. In conclusion, the conclusions about the role and innovations of the Ust-Vym Pedagogical College in the training of national teaching staff in accordance with modernization changes are presented.

Research implications. Based on the review and analysis of available sources, the significance and contribution of the Ust-Vymsky Pedagogical School to the training of qualified specialists at different stages of its existence are shown. Attention is drawn to the training of teachers with knowledge of the Komi language, the historical features of the training of students in the period under review are revealed..

Keywords: correspondence department, consultation center, teaching staff, teaching courses, pedagogical technical school, pedagogical college, Ust-Vym Teachers' Seminary

For citation:

Gerasimova, M. P. & Gerasimova, M. N. (2026). Activities of the Ust-Vovsky pedagogical school for the training of pedagogical personnel of the Komi republic. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 56–64.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-56-64

Введение

Осознание пользы обучения в дореволюционной России выражалась в стремлении всех слоёв населения к широкому открытию школ, для которых были необходимы квалифицированные учителя.

В Коми крае первые школы появились только в XIX в. До этого обучение шло путём индивидуального ученичества [1, с. 5], однако, начиная с 1804 г., в крае развивается народное образование: открываются училища и школы.

Исследования Я. Н. Безносикова показали, что к 1870 г. в Коми крае насчитывалось порядка 70 школ, к 1869 г. – 85 школ, к 1911 г. – 292 школы, к началу 1917 г. – более 300, к 1920 г. – 354 школы [1, с. 4]. По его же свидетельствам, большинство учителей школ (порядка 72%) имели низшее и домашнее образование и только 23% – высшее и среднее светское и духовное образование [1, с. 15]. Как отмечает в своих исследованиях О. Е. Бондаренко, в крае был большой дефицит квалифицированных учителей, удовлетворяющих растущие потребности народного образования [2, с. 29–31], поскольку до Октябрьской революции действовала одна учительская семинария (Усть-Сысольская мужская учительская семинария, открытая в 1916 г.) и учительские курсы в с. Мохча (открыты в 1916 г.). Неохотно приезжающие в край учителя не знали коми язык, на котором говорила большая часть населения.

Целью данной статьи является рассмотрение истории развития Усть-Вымского педагогического училища и обзор его деятельности в контексте актуального временного периода его существования. Используя хронологический метод исторического исследования материалов Национального архива Республики Коми, были упорядочены исторические данные деятельности Усть-Вымского педагогического училища с момента его открытия в 1912 г. и до 1954 г. Ретроспективный метод позволил нам показать вклад педагогического училища в решение актуальных на то время вопросов системы образования.

О деятельности Усть-Вымского педагогического училища в Коми крае материалов очень мало. В Национальном архиве Республики Коми находится только 2 единицы хранения с описанием некоторых событий из деятельности педагогического училища. Вместе с тем изучение этих материалов даёт некоторые представления о его деятельности.

Создание и функционирование Усть-Вымской смешанной учительской семинарии (1918–1921 гг.)

Долгое время вопрос подготовки учителей для школ, особенно на окраинах России, игнорировался государственными чиновниками, боявшихся разжигания революционных настроений. Однако с развитием социокультурной жизни Коми края, ростом его населения и необходимости углублённого образования возникла потребность в грамотных специалистах. Население не раз писало прошения об открытии школ и училищ для подготовки грамотных специалистов [3, с. 172]. В связи с этим в июне 1918 г., когда Яренский уезд вошёл в созданную Северо-Двинскую губернию, Совет крестьянских депутатов Яренского уисполкома ходатайствовал перед руководством о создании в с. Усть-Вымь зырянской учительской семинарии на базе высшего начального училища, образованного в сентябре 1912 г. Училище располагалось в приспособленном здании, где работал достаточно квалифицированный состав педагогов. Ходатайство об открытии семинарии было удовлетворено Народным Комиссариатом по просвещению РСФСР уже 1 июля 1918 г. Власти края поддерживали инициативы населения и расходы по содержанию Усть-Вымской смешанной зырянской учительской семинарии легли на общегубернскую смету.

Исследования Л. Т. Россохина свидетельствуют о том, что задача семинарии состояла в подготовке учителей для зырянских школ [4, с. 13]. Усть-Вымская смешанная учительская семинария начала свою работу с сентября 1918 г. В год открытия в неё был принят 61 человек. По сообщению газеты «Известия Яренского уезда Совета крестьянских депутатов» от 14 августа 1918 г.¹, семинария состояла из 2 классов, в 1-й из которых принимались по конкурсу аттестатов лица обоёго

¹ Образование Коми автономной области. Сборник документов. Сыктывкар, Коми книжное издательство. 1971 г. С. 28.

пола, окончившие начальные училища или 4 класса гимназий. Во 2-й класс принимались по испытанию лица, закончившие двуклассные и низшие начальные училища, а также лица, прошедшие курс 1 класса других учительских семинарий¹. Важно, что помимо всех предметов, в семинарии изучали коми язык, на котором говорила большая часть населения.

Однако активной деятельности Усть-Вымской учительской семинарии помешало несколько обстоятельств:

1. *Гражданская война* (1917–1922 гг.) проходила и на территории Коми края. 1918–1919 гг. были наиболее активными, когда в крае не только устанавливалась советская власть, но и проходили боевые действия, когда отдельные города и районы переходили из рук в руки то большевикам, то белогвардейцам. В этих условиях учительская семинария была переведена в д. Айкино, а позже оттуда в г. Яренск;

2. *Преобразование семинарий в курсы*: реформы образования, отмеченные в постановлениях правительства «Об организации дела народного образования в Российской республике» (июнь 1918 г.), «О единой трудовой школе» (октябрь 1918 г.) и декрете об отдалении церкви от школы, наметившие пути расширения школьного образования и подготовки учителя нового типа для единой трудовой школы. Проведение реформ сильно замедлялось недостатком учителей. Для устранения этой проблемы, Народный Комиссариат просвещения РСФСР начал преобразование семинарий в постоянные трехгодичные или одногодичные педагогические курсы для подготовки учителей для единой трудовой школы². По данным Великоустюгского центрального архива, в феврале 1919 г. в школах Усть-Выми работало только 7 учителей при 187 учащихся, в с. Гам – 4 учителя

на 157 учащихся, с. Тохтино – 3 учителя на 106 учеников³. Поэтому в Усть-Выми на базе работавшей учительской семинарии было принято решение открыть одногодичные педагогические курсы для подготовки школьных работников национальных школ I ступени. Действовать они начали лишь с мая 1919 г., когда край был освобожден от белой армии. На одногодичных педагогических курсах обучались как школьные работники с недостаточной подготовкой, так и работники других сфер. Изучались общеобразовательные предметы (литература, математика, биология и другие), специальные дисциплины (педагогика, психология, гигиена и другие), основное внимание уделялось изучению частных методик и практике в школах [5, с. 148].

Исследования Л. Т. Россохина показывают, что к 1920 г. в Коми крае был значительный кадровый дефицит. Ощущалась нехватка 500 учителей для школ I ступени и 150 учителей школ II ступени, в то время как в крае действовало 338 школ I ступени и 75 школ II ступени [4, с. 17].

Изучая вопрос состояния педагогических кадров, Областной комитет просвещения 26 октября 1921 г. отметил недостаточно эффективные результаты подготовки учителей на одногодичных курсах, действовавших в крае, а также обозначил проблему не скорой подготовки учителей в только что открывшемся Институте народного образования [6, с. 222].

Деятельность Усть-Вымского педагогического техникума (1921–1937 гг.)

Поэтому в 1921 г. вместе с образованием Коми автономной области в крае по решению I съезда Советов Коми автономной области открылось сразу 2 педагогических техникума: Усть-Сысольский и вновь Усть-Вымский педагогические техникумы нормального вида с дошколь-

¹ Образование Коми автономной области. Сборник документов. Сыктывкар, Коми книжное издательство. 1971 г. С. 28.

² НАРК. Ф. 184. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. д. 57.

³ ВУЦА. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 35.

ным и школьным отделениями со сроком обучения 4 года. Поскольку в крае по прежнему большая часть населения говорила на коми языке, то задачей Усть-Вымского техникума была подготовка национальных учительских кадров. В первый год его работы на обучение было принято 17 человек.

Однако к этому времени материально-техническая база техникума, бывшей семинарии, значительно обветшала. Организаторы столкнулись с проблемой не только с поиском подходящих помещений для размещения классов для обучения студентов, жилья для учащихся и преподавателей, но и с острой нехваткой бюджетных средств для приобретения пособий, оборудования и мебели. Отдельным вопросом для решения был некомплект преподавательского состава. В техникуме работало всего 3 постоянных штатных педагога. Всё это в 1923 г. поставило вопрос о переводе Усть-Вымского техникума в Усть-Сысольск и преобразовании его в педагогический техникум нормального типа для подготовки учителей начальных школ I ступени. Усть-Вымский техникум, готовивший учителей снова прекратил своё существование.

С 1928 по 1930 г. вновь актуализировался вопрос подготовки учителей. Прошли июньский Пленум ЦК ВКП(б) и ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) постановлениями которых были обозначены проблемы дефицита кадров для сфер экономики России. Постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов» наметил конкретные меры по расширению сети вузов и техникумов, увеличению численности студентов и улучшению учебно-воспитательной работы во всех типах специальных учебных заведений [1, с. 76]. Постановление «Об ускорении подготовки кадров» обязал Наркомпрос разработать план подготовки специалистов, в том числе и средней квалификации и строительства новых техникумов в соответствии с конкретными потребностями регионов, улучшить каче-

ство и расширить подготовку педагогических кадров¹. Принятое в марте 1929 г. постановление ЦК партии «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей» сделало упор на получение учителями среднего педагогического образования. Техникумы были переведены на трёхлетний срок обучения. По мнению О. В. Золотарёва, это решение было продиктовано грядущим переходом к всеобучу и необходимостью обеспечить образовательные учреждения работниками, имевшими хотя бы минимальную педагогическую подготовку [7, с. 76–77].

К 1930 г. Коми облисполком планировал развитие сети школ в крае, что привело к необходимости увеличения числа подготовленных специалистов. Исследования О. В. Золоторева показывают, что к 1930 г. в крае работало порядка 500 школ с 60 тыс. обучающимися и почти 100 детских садов [6, с. 63]. Опираясь на декрет ВЦИК 1924 г. «О мерах к переходу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» Совет Коми автономной области принял решение о принятии государственными языками как русского, так и коми. Перевод начальных школ на обучение на коми языке начался в 1927 г., тогда же в школах-семилетках вводилось обучение на коми языке в качестве эксперимента. Коми язык изучался как предмет со второго класса [8, с. 624–627].

Для обеспечения школ учителями в области рассматривался вопрос их подготовки. Так, например, в 1930 г. в целях реализации постановления «Об ускорении подготовки кадров» IX Коми областной съезд Советов рассматривал возможность открытия в с. Ижма педагогического техникума. Однако из-за отсутствия

¹ Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 10–17 ноября 1929 г. Резолюции пленума. О кадрах народного хозяйства // Печатается по тексту газеты «Правда», 1929, 18, 19, 21 и 29 ноября, № 268, 269, 271 и 279 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445877> (дата обращения: 07.05.2025).

материальной базы (помещений для обучения, общежития, педагогических кадров) этот проект не состоялся. В этот же период власти вновь вернулись к идее восстановления педагогического техникума в с. Усть-Вымь на базе школы II ступени. Село в 1930-х гг. было достаточно большим и экономически растущим, являлось районным центром.

Педагогический техникум нормального типа с 4-летним сроком обучения для подготовки учителей I ступени в с. Усть-Вымь был восстановлен решением Северных районов 5 августа 1931 г. и начал работу с 1 октября 1931 г. Решение было принято не случайно. В с. Усть-Вымь имелось помещение для работы техникума (бывший дом купца П. Камбалова) и нашлись преподаватели (истории ВКП(б), политэкономии, русского, коми языков и литературы, математики, физики, педагогики, физкультуры, географии, музыки, педагогической практики, естествознания, химии, ИЗО, столярного ремесла), которые могли бы там работать, имелся опыт работы такого учреждения в селе. Хотя штатных преподавателей в техникуме было всего 3, совместителями в нём в разное время работало от 15 до 19 педагогов [9, с. 81].

Усть-Вымский педагогический техникум должен был готовить специалистов для начальных классов и детских садов. Первыми студентами техникума в этот период стали 23 учащихся, переведённые из школы II ступени села, и 37 принятых обучающихся, 24 из которых закончили его в 1933 г. Из сохранившихся документов мы знаем, что приём в техникум шёл из числа лиц в возрасте от 16 до 25 лет на основании нескольких документов: заявления, документах об окончании школы, социальном положении, справках о возрасте и здоровье. Вступительные экзамены принимались в объёме 7-летней школы¹.

¹ Газета «ВОДЗО». 1933. № 42. 15 июня [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-184643806_1020?ysclid=lvw7cm1bo3519599807 (дата обращения: 07.05.2025).

Первые 2 курса были общеобразовательными с педагогическим уклоном; 3-й курс – специально педагогический, общий для всех учащихся, 4-й курс – специально-педагогический с подразделениями на школьное и дошкольное отделения. Сельскохозяйственный уклон педагогического техникума сделал естественнонаучные дисциплины преобладающими в учебном плане, а для проведения педагогической практики к техникуму была прикомандирована опытно-показательная начальная школа, имеющая в своём составе коми и русские классы, где студенты проводили, в т. ч. внеклассную и пионерскую практику.

Учебная работа по ряду дисциплин шла по программам, составленным самими преподавателями этих дисциплин. Для согласования программ и увязки однородного материала между родственными дисциплинами были созданы предметные комиссии. Методом работы был лекционный.

Успешная деятельность педагогического техникума, его материальная база и квалифицированные кадры позволили открыть в техникуме в 1933 г. не только заочное отделение для обучения учителей, не имевших соответствующего образования, но и платные вечерние курсы по изучению английского, немецкого и коми (по новой азбуке) языков для всех желающих. Об этом свидетельствуют записи в юбилейных датах Усть-Вымского района². К 1937 г., по свидетельству Л. Т. Россохина, на заочных отделениях при Усть-Вымском и Печерском (Мохченском) педучилищах обучалось порядка 506 учителей, из них 96 – экстерном [4, с. 70].

Трансформация в педагогическое училище, деятельность в годы войны и ликвидация (1937–1954 гг.)

В 1937 г. педагогические техникумы были преобразованы в педагогические

² Юбилейные даты Усть-Вымского района [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T2wRi> (дата обращения: 19.02.2025).

училища. В это же время приказом по Коми педагогическому институту от 21 ноября 1937 г. «Об организации консультпунктов для заочников крупных сел» для студентов-заочников стала открываться сеть консультационных пунктов, в том числе и на базе педучилища в с. Усть-Вымь [10, с. 206].

Сложности с обучением в училище начались в годы Великой отечественной войны. Например, на заочное обучение в этот период вместо 88 студентов явилось только 48, многие преподаватели ушли на фронт. К 1944 г. руководство республики предприняло меры к решению проблемы подготовки учителей. Постановление СНК Коми АССР «Об улучшении работы педагогических училищ» августа 1945 г. включало меры по улучшению учебной и политико-воспитательной работы, материальной поддержки училищ, освобождение студентов-заочников от оплаты за обучение, от выполнения общественных обязанностей, обеспечивались оплатой проезда к месту обучения, которые, к сожалению, не привели к эффективному результату. Кроме того, этим документом ликвидировалась практика краткосрочной подготовки учителей из числа лиц, не имеющих полного среднего образования. Поэтому в 1954 г. Усть-Вымское педагогическое училище было слито с Сыктывкарским педагогическим училищем, о чём свидетельствуют статистические данные: «Общее число средних учебных заведений уменьшилось на 1. В 1954 г. Сыктывкарское и Усть-Вымское школьные педагогические училища объединились в одно Сыктывкарское» [11, с. 202].

Заключение

Таким образом, учительская семинария, преобразованная сначала в курсы, педагогический техникум, а затем в Усть-Вымское училище, являлась одним из первых средних специальных педагогических учреждений по подготовке учителей и дошкольных работников. Автор-

ское исследование, основанное на анализе имеющихся материалов показало, что развивалось оно в соответствии с модернизационными изменениями в России того времени и сыграло значительную роль в подготовке педагогических кадров из числа коренного населения Коми края. Изучение событий в их временной последовательности показало, что развитие училища включало периоды активной работы и преобразований на разных этапах его существования.

Однако значение деятельности Усть-Вымского педагогического училища трудно переоценить, поскольку оно не только готовило учителей в связи с запросами края и преобразовывалось в соответствии с запросами реформ образования, но и заложило основы инновационного для того времени педагогического образования в Коми крае с включением опытно-показательной школы для проведения педагогической практики, созданием предметных комиссий, открытием заочного отделения и консультпунктов. Ретроспективный анализ привёл к выводу о причинно-следственных связях между социальными и политическими изменениями в стране и изменениями в деятельности училища. В этом и заключается теоретическая значимость исследования.

Обращение к опыту его деятельности показывает, что за время своей работы с 1931 по 1954 г. Усть-Вымское педучилище осуществило 21 выпуск более чем 400 учителей и дошкольных работников, решая задачу подготовки педагогических кадров для Коми края. Среди его выпускников немало известных людей: З. В. Панев – председатель Совета министров Коми АССР и председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР, Н. И. Козлов – первый заместитель министра народного просвещения Коми АССР, Е. А. Панева (Шукина) – заслуженный учитель Коми АССР, Е. П. Выборова – заслуженный учитель Коми АССР, заслуженный учитель РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 175 с.
2. Бондаренко О. Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т., 1998. 190 с.
3. Герасимова М. П., Герасимова М. Н. Подготовка учительских кадров в Коми Крае в дореволюционный период // Человек. Культура. Образование. 2025. № 3. С. 172–180.
4. Россохин Л. Т. Профессиональное образование в Республике Коми в первой половине XX век. Сыктывкар: КРИРОиПК, 2004. 102 с.
5. Мацук А. М. Подготовка кадров средней квалификации как один из путей трансформации социальной структуры населения Коми АССР в 1950-е гг. // Социальные трансформации северного региона: исторический опыт и современность: сборник статей / отв. ред. А. А. Попов. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСИУ, 2021. С. 146–153.
6. Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014: сборник материалов, и воспоминаний / гл. ред. В. Н. Исаков. Сыктывкар: Изд. СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. 774 с.
7. Золотарёв О. В. Коми учительство. Краткий очерк истории. Сыктывкар, 2015. 187 с.
8. Попов А. А. «Зырянизация» школьного образования в Коми Автономии в 20–30-е годы XX века // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России / под ред. Н. Г. Зайцевой и др. Петрозаводск, 2014. 665 с.
9. Мацук А. М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н.С. Хрущёва в СССР) // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия: История и филология. 2021. № 4. С. 79–86.
10. Коми пединститут: становление и развитие (1932–1941): документы, материалы, воспоминания / отв. ред. В. Д. Захаров. Сыктывкар: Изд Коми пед. инст, 2007. 346 с.
11. Система среднего специального образования в Коми АССР в предреформенный период и первые годы реформы народного образования Н. С. Хрущёва в СССР (1951–1955) / сост. А. М. Мацук. Сыктывкар, 2023. 205 с.

REFERENCES

1. Beznosikov, Ya. N. (1973). *Development of public education in the Komi ASSR*. Syktyvkar (in Russ.).
2. Bondarenko, O. E. (1998). *Educational institutions in the Komi region in the late 19th – early 20th centuries*. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ. (in Russ.).
3. Gerasimova, M. P. & Gerasimova, M. N. (2025). Training of teachers in the Komi region in the pre-revolutionary period. In: *Man. Culture. Education*, 3, 172–180 (in Russ.).
4. Rossokhin, L. T. (2004). *Vocational education in the Komi Republic in the first half of the 20th century*. Syktyvkar: KRIROiPK Publ. (in Russ.).
5. Matsuk, A. M. (2021). Training of secondary-skilled personnel as one of the ways to transform the social structure of the population of the Komi ASSR in the 1950s. In: Popov, A. A., ed. *Social transformations of the northern region: historical experience and modernity*. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, 146–153 (in Russ.).
6. Isakov, V. N., ed. (2022). *Komi Pedagogical Institute: time of innovative development. 1973–2014*. Syktyvkar (in Russ.).
7. Zolotarev, O. V. (2015). *Komi teaching. Brief history*. Syktyvkar: IYALI KOMI NU Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russ.).
8. Popov, A. A. (2014). “Zyryanization” of school education in Komi Autonomy in the 20–30s of the 20th century. In: Zaitseva, N. G., Mullonen, I. I., et al. *Finno-Ugric languages and cultures in the sociocultural landscape of Russia: collection of articles*. Petrozavodsk (in Russ.).
9. Matsuk, A. M. (2021). Secondary specialized pedagogical education in the Komi ASSR in the mid-1950s – early 1960s (on the effectiveness of N. S. Khrushchev’s education reform in the USSR). In: *Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series: History and Philology*, 4, 79–86 (in Russ.).
10. Zakharov, V. D., ed. (2007). *Komi Pedagogical Institute: formation and development (1932–1941): documents, materials, memoirs*. Syktyvkar: Publishing House of Komi Pedagogical Institute (in Russ.).
11. Matsuk, A. M., ed. (2023). *The system of secondary specialized education in the Komi ASSR in the pre-reform period and the first years of N. S. Khrushchev’s public education reform in the USSR (1951–1955)*. Syktyvkar (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасимова Марина Петровна (г. Сыктывкар) – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина;
e-mail: gmarinap@yandex.ru

Герасимова Мария Николаевна (г. Сыктывкар) – преподаватель Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа имени И. А. Куратова;
e-mail: mashen_ka_90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina P. Gerasimova (Syktyvkar) – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Pedagogy and Psychology of Education of the Institute of Pedagogy and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University;
e-mail: gmarinap@yandex.ru

Maria N. Gerasimova (Syktyvkar) – Lecturer, I. A. Kuratov Syktyvkar Humanitarian and Pedagogical College;
e-mail: mashen_ka_90@mail.ru

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-65-78

ПРОБЛЕМА НЕОЖИДАННОСТИ НАПАДЕНИЯ 22 ИЮНЯ 1941 Г.

Шульц Э. Э.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: nuar1@yandex.ru*

Поступила в редакцию 27.01.2026

После доработки 17.02.2026

Принята к публикации 24.02.2026

Аннотация

Цель. Выявить уровень информированности руководства СССР и Красной армии о предстоящем нападении Германии и степени реагирования на угрозу.

Процедура и методы. В исследовании использованы контент-анализ и сравнительный анализ мемуарной литературы, донесений разведки и приказов по подготовке к войне с Германией.

Результаты. Источники позволяют заключить, что руководство Советского Союза знало о подготовке вторжения в СССР и готовилось к предстоящим событиям – в западные регионы перемещались значительные силы, – но надеялось на перенос даты нападения. Обвинения руководства страны и Красной армии в историографии и общественной мысли, что «поверили Гитлеру», «не выдвинули войска к границе», «несвоевременно отдали приказы» и т. д. противоречат источникам и являются данью политического и социального заказа, формируемой исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться для продолжения исследований по истории СССР периода к. 1930-х – начала 1940-х гг. и анализа Великой Отечественной войны. Материалы исследования и выводы могут использоваться в преподавании курса Истории России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РККА, 22 июня 1941, готовность к войне, исторические мифы

Для цитирования:

Шульц Э. Э. Проблема неожиданности нападения 22 июня 1941 г. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 65–78.
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-65-78

Original research article

SURPRISE ATTACK PROBLEM JUNE 22, 1941

E. Shults

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: nuap1@yandex.ru

Received 27.01.2026

Revised 17.02.2026

Accepted 24.02.2026

Abstract

Aim. To identify the level of awareness of the leadership of the USSR and the Red Army about the upcoming German attack and the degree of response to the threat.

Methodology. The study used content analysis and comparative analysis of memoir literature, intelligence reports and orders to prepare for war with Germany.

Results. Sources suggest that the leadership of the Soviet Union knew about the preparations for the invasion of the USSR and was preparing for the upcoming events – significant forces moved to the western regions, but hoped to postpone the date of the attack. The accusations of the country's leadership and the Red Army in historiography and public thought that they "believed Hitler," "did not advance troops to the border," "untimely gave orders," etc. contradict the sources and are a tribute to the political and social order formed by the historical memory of the Great Patriotic War.

Research implications. The conclusions of the study can be used to continue research on the history of the USSR period. 1930s - early 1940s and analysis of the Great Patriotic War. Research material and conclusions can be used in teaching the course of Russian History.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, June 22 1941, readiness for war, historical myths

For citation:

Shults, E. E. (2026). Surprise attack problem June 22, 1941. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 65–78.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-65-78

Введение

Великая Отечественная война всегда была объектом повышенного внимания отечественной историографии и общественной мысли, и в последнее десятилетие снова привлекает повышенное внимание, что обусловлено расширением исследовательских возможностей и так называемыми «войнами памяти» [1; 2; 3; 4; 5]. Начальный этап войны, проблемы готовности СССР к войне и поражения первых месяцев всегда были одной из самых значимых научных проблем.

Принцип неожиданности нападения Германии как ошибки Сталина, который

не поверил Гитлеру, не поверил советской разведке и различным сообщениям, в связи с чем войска не были приведены в боевую готовность и не были готовы к нападению, стал доминирующим в историографии со времени руководства страной Н. С. Хрущёвым и почти не пересматривался в последующее время [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]¹.

¹ Из доклада Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС // СССР–Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / сост. Ю. Фельштинский. Телекс, 1983. С. 256; Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС, [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков.

Информация о дате нападения

Начнём с информации о дате нападения.

Черчилль в апреле 1941 г. предупредил Сталина о нападении Германии (это точно известно¹). В марте 1941 г. разведка докладывала о готовящемся нападении Германии на СССР предстоящей весной², затем конкретизируя – в конце апреля или начале мая³. В апреле по дипломатическим каналам приходило, что нападение состоится в начале или в конце мая⁴. В мае 1941 г. поступали сведения, что нападение на СССР произойдёт в середине мая⁵, затем – в конце мая⁶, потом – 15 июня⁷, 20 июня⁸, между 20–25 июня⁹. О дате 21 или 2 июня сообщил источник в Софии¹⁰, – Чан Кайши¹¹. Донесение раз-

ведки от 19 июня говорило о начале войны в течение 3–4 недель¹².

Заместитель председателя правительства СССР (СНК) и Нарком иностранных дел В. М. Молотов оставил по этому поводу интересное замечание: «Мы знали, что с ним (Германией как военным противником – Э.Ш.) придётся иметь дело, но в какой день и даже месяц... Известно, что было 14 сроков¹³. Про различные сообщения о надвигающейся войне: «Да можно ли было Черчиллю верить в этом деле? Он был заинтересован как можно быстрее столкнуть нас с немцами... Очень многие намекали (про войну – Э.Ш.), чтобы ускорить столкновение»¹⁴. И про работу с разведывательными донесениями: «Когда я был Предсовнаркома, у меня полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие только сроки ни назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше»¹⁵.

Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 138–140.

¹ Черчилль У. С. Вторая мировая война. Т. 3: Великий союз / пер. с англ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998. С. 179–182.

² Из сообщения Берлинской резидентуры НКГБ СССР о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, 9 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1, кн. 2: Накануне. 1 янв. – 21 июня 1941 г. М.: АО «Кн. и бизнес», 1995. С. 46 (далее – Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне).

³ Сообщение Берлинской резидентуры НКГБ СССР о подготовке Германского Генерального штаба авиации к военным действиям против СССР, 24 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 61–62.

⁴ Телеграмма Министерства иностранных дел Турции турецкому послу в Москве, 16 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 101.

⁵ Доклад начальника Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания. Оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР» // 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1. Т. 1. СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина», 2011. С. 312–316.

⁶ Агентурное сообщение «Шиллера» из Шанхая, 9 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2 / сост. Л. Е. Решин и др. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 336–337.

⁷ Из сообщения агента 2-го управления НКГБ СССР о подготовке фашистской Германии к войне с СССР, 3 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 307–308; Сообщение, полученное внешней разведкой НКГБ СССР из Швеции [не позднее 15 июня 1941 г.] // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 365.

⁸ Из сообщения агента 2-го управления НКГБ СССР о подготовке фашистской Германии к войне с СССР, 3 июня 1941 г. // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 307–308.

⁹ Сообщение резидента НКГБ в Риме «Тит» о сроках нападения Германии на Советский Союз, 19 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 391.

¹⁰ Из телеграфного донесения «Руководителя» из Софии начальнику разведуправления Красной армии, 20 июня 1941 г. // 1941. Документы и материалы. С. 395.

¹¹ Из дневника генерального секретаря исполкома Коминтерна Г. М. Димитрова, 21 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 416.

¹² Спецсообщение НКГБ СССР № 1/545 в НКГБ СССР о военно-мобилизационных приготовлениях фашистской Германии к войне против СССР, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1, кн. 2: Накануне. 1 янв. – 21 июня 1941 г. М.: АО «Кн. и бизнес», 1995. С. 262.

¹³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 31.

Высокая информированность советского руководства о делах в Германии и её планах – это вопрос дискуссионный. Так, разведуправление Генштаба Красной армии уже в конце марта 1941 г. докладывало, что для наступления на СССР создаются 3 армейские группы для удара на Ленинград (фон Бок), на Москву (фон Рундштедт) и на Киев (фон Лееб)¹. Кроме ошибочной даты нападения 20 мая, единственная ошибка – перепутаны местами командующие группами армий Ф. фон Бок и Г. фон Рундштедт. С другой стороны, были и очевидные ошибки, и отсутствие информации.

Герман Гейер, командующий IX армейским корпусом, высказывал мысль, что позднее начало восточной кампании было связано со стремлением обмануть русских, которые ожидали войны в мае и начале июня, а удар в конце июня стал полной неожиданностью². Если это так, то обман получился достаточно странным: такое позднее начало войны лишало вермахт 4–7 недель благоприятной погоды, на отсутствие которых немецкие генералы и Гитлер стали жаловаться уже в декабре 1941 г.

Ложные донесения советской разведки под влиянием иностранных агентов были распространённым явлением (показателен, например, случай, разобраный на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 г.³).

¹ Доклад начальника Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания. Оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР», 20 марта 1941 г. // 1941. Документы и материалы. С. 315.

² Гейер Г. IX армейский корпус в восточном походе 1941 года // От Буга до Кавказа / пер. с нем. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 36.

³ Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 года. Стенограмма // Зимняя война 1939–1940. Книга вторая: И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)) / отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. М.: Наука, 1999. С. 211–212.

В данном контексте интересно сообщение агентуры от 11 июня 1941 г. По информации от агента в министерстве и штабе авиации Третьего рейха, согласно проходящим через его руки документам, объектами главного удара будут северное и южное направления, а «германское командование будет стремиться путём обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать “клевцы”, которые постепенно будут сжиматься в целях окружения Красной Армии, расположенной на границе генерал-губернаторства»⁴. Данное сообщение показательное с точки зрения 2 фактов. Во-первых, в июне 1941 г. План Барбароссы уже точно имел окончательное оформление, но источник не знает (или не докладывает) о том, что удар будет в 3 направлениях, а основной – по Западному особому военному округу, – т. е. уровень разведывательной информации оставлял желать лучшего, и основания не полностью доверять агентурным данным имелись. Во-вторых, основной удар по южному направлению брался за приоритет в руководстве Красной армии не на пустом месте.

В любом случае, даже если бы руководство СССР имело высокий уровень информированности, то смогло бы прочитать, что в официальных документах руководства Германии и вермахта установленная дата нападения постоянно получала оговорку: что в случае подтверждения решения о начале войны 21 июня войска получают специальный сигнал⁵. Немецкий генералитет утверждал, что узнал о предстоящей 22 июня 1941 г. войне с Россией 18 июня⁶.

⁴ Сообщение агента Берлинской резидентуры НКГБ СССР «Старшины» о готовящемся нападении фашистской Германии на СССР, 11 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 220.

⁵ См.: Распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками Германии // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 340–341.

⁶ Протокол допроса генерал-полковника Р. Шмидта, 16.03.1948 // Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. С. 151.

Эти сведения – яркое подтверждение тому, почему любые разведанные и предупреждения могут восприниматься как попытки дезинформации противника немецкой стороной, что, кстати сказать, генштаб и разведка вермахта часто успешно использовали.

Разведанные о подготовке вторжения

Рассмотрим имеющиеся у руководства страны разведанные по этому вопросу.

В начале февраля 1941 г. Берлинская резидентура НКГБ СССР докладывала, что «военно-хозяйственный отдел статистического управления Германии получил от верховного командования распоряжение о составлении карт расположения промышленных предприятий СССР по районам»¹. Также в начале февраля НКГБ СССР докладывал о распространяющихся слухах о предстоящем нападении Германии на СССР среди дипломатического корпуса в Москве. Согласно этим слухам, Германия нападёт на СССР после разгрома Англии или, что более вероятно, до разгрома Англии, чтобы обеспечить себе тыл в войне с Англией. Причём целью нападения будут богатые ресурсами южные районы СССР².

9 марта 1941 г. Берлинская резидентура сообщала информацию от 2 немецких генерал-фельдмаршалов о готовящемся нападении на СССР предстоящей весной³. 11 марта 1941 г. поступило донесе-

ние НКГБ об информации, поступившей в английское посольство в Москве, что Германия готовит нападение на СССР, вероятно, уже летом. При том, что Гитлер будет пытаться избежать войны на 2 фронта, «но если он убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападёт на СССР, т. к. в этом случае он будет иметь только один фронт»⁴. В марте же 1941 г. получено донесение, что комитет по 4-летнему плану Третьего рейха получил задание составить расчёты объёмов сырья и продовольствия, которые можно получить в результате оккупации европейской части СССР⁵.

В конце марта 1941 г. Берлинская резидентура сообщала о полученной информации от сотрудника министерства авиации Германии, что там «ведётся интенсивная работа на случай военных действий», а также, что «среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая»⁶. Агентура в Германии докладывала в начале апреля «о полной подготовке и разработке плана нападения на Советский Союз» и что «вопрос о нападении на Советский Союз является решённым». При этом там же сообщалось, что Германия прекратит «частные поставки по немецким железным дорогам, а «кампания в прессе должна начаться с 15-го

¹ Из сообщения агента Берлинской резидентуры НКГБ СССР «Корсиканца о подготовке Германии в войне с СССР, [Не позднее 8 февраля 1941 г.] // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 30.

² Из сообщения 2-го управления НКГБ СССР о распространяющихся среди дипломатического корпуса в Москве слухах о готовящемся нападении Германии на СССР, 7 февраля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 26.

³ Из сообщения Берлинской резидентуры НКГБ СССР о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, 9 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 46.

⁴ Из сообщения НКГБ СССР №421/М в ЦК ВКП(Б) и СНК СССР о данных, полученных из английского посольства в Москве, относительно подготовки фашистской Германии к нападению на СССР, 11 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 47–48.

⁵ Из сообщения Берлинской резидентуры НКГБ СССР о планах Германии в отношении Советского Союза, [Не позднее 6 марта 1941 г.] // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 44.

⁶ Сообщение Берлинской резидентуры НКГБ СССР о подготовке Германского Генерального штаба авиации к военным действиям против СССР, 24 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 61–62.

числа»¹. Полученная в начале апреля информация о телеграмме МИД Турции в Турецкое посольство в Москве говорила о предстоящем нападении Германии на СССР сразу после завершения вермахтом кампании на Балканах в конце мая 1941. При этом надо учитывать, что информацию турки получили в доверительной беседе от одного полковника швейцарского генерального штаба².

В начале апреля 1941 г. Берлинская резидентура сообщала, что американские дипломаты в Берлине уверены, что после Югославской кампании Германия нападёт на СССР³. НКГБ в регулярных сводках сообщал о телеграмме Министерства иностранных дел Турции турецкому послу в Москве от 16 апреля 1941 г., в которой говорилось, что приехавший из Берлина источник получил подтверждение от некоторых лиц, «что немцы концентрируют войска против России и что в начале или в конце мая они нападут на Россию»⁴. 30 апреля 1941 г. Берлинская резидентура докладывала, что по информации в штабе германской авиации, Министерства иностранных дел Германии референта по русским делам при внешнеполитическом отделе НСДАП, «вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решён окончательно и начало его следует ожидать со дня на день»⁵.

¹ Из справки подразделения внешней разведки НКГБ СССР № 106 по агентурным сообщениям Берлинской резидентуры о планах нападения фашистской Германии на Советский Союз, [Не ранее 2 апреля 1941 г.] // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 70–73.

² Телеграмма Министерства иностранных дел Турции турецкому посольству в Москве, 7 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 77.

³ Сообщение агента Берлинской резидентуры НКГБ СССР «Юна» о планах Германской агрессии против СССР, [Не ранее 10 апреля 1941 г.] // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 93–94.

⁴ Телеграмма Министерства иностранных дел Турции турецкому послу в Москве, 16 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 101.

⁵ Сообщение Берлинской резидентуры НКГБ СССР

Известны приписываемые Сталину слова в сообщении о встрече югославского посла с ним в Кремле 7 апреля 1941 г. на предупреждение о предстоящей агрессии Германии: «Мы готовы, если им угодно – пусть придут»⁶. Эти слова в телеграмме 7 апреля 1941 г. передавал посол Турции в Москве в Турецкий МИД. Слова эти могли быть выдуманы любой стороной коммуникации, но можно точно констатировать, что турецкая сторона уверена в готовности Сталина к нападению Германии. Несмотря на заявленный нейтралитет Турции, немецкое влияние в стране и высокий уровень работы немецкой разведки там были известны, и данная передача могла быть целенаправленной для уведомления немецкой стороны и союзников в качестве предостережения.

Очевидно, что для воздействия на противника с целью отсрочить войну, немецкий военный атташе в апреле 1941 г. был ознакомлен с заводами в Сибири, выпускавшим новейшие танки и самолёты, а советская разведка через резидентуру распространяла слухи, что длительная война с СССР обернётся трагедией для Германии⁷ (Руководство рейха посчитало эту демонстрацию блефом советской стороны [22, с. 33–34]).

16 июня Берлинская резидентура сообщала, что «все военные мероприятия для нападения на СССР полностью подготовлены и удар можно ожидать в любое время»⁸. Розенберг выступил в Министерстве хозяйства перед теми, кто вы-

№ 2904 о планах нападения Германии на Советский Союз, 30 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 122–123.

⁶ Телеграмма турецкого посольства в Москве Министерству иностранных дел Турции, 7 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 76.

⁷ Судоплатов П.А. Победа в тайной войне, 1941–1945 годы. М.: Алгоритм, 2019. С. 115.

⁸ Сообщение резидента НКГБ СССР в Берлине о сроках нападения Германии на Советский Союз, 16 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 236.

делен для работы по «оккупированной» территории СССР, и заявил, «что понятие “Советский Союз” должно быть стёрто с географической карты»¹.

Не позднее 16 июня 1941 г. Берлинская резидентура, ссылаясь на источник в штабе немецкой авиации, сообщала, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время»².

Резидентура из Рима докладывала 19 июня, что в МИД Италии пришла телеграмма итальянского посла в Берлине, сообщающая, что «высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года»³.

НКГБ докладывал 19 июня 1941 г. о телеграмме из Хельсинки в Министерство иностранных дел Италии, которая сообщала, что Финляндия находится на военном положении, неофициально объявленная всеобщая мобилизация завершена, «продолжается прибытие германских вооружённых сил, включая авиационные части... Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР»⁴. Того же 19 июня НКГБ сообщал о телеграмме итальянского посольства в Москве в Министерство иностранных дел Италии, что германский посол не получил из Берлина «ни окончательных сведений, ни точных инструкций», но в

конфиденциальной беседе сказал, что на его взгляд, «вооружённый конфликт неизбежен и что он может разразиться через 2–3 дня, возможно в воскресенье»⁵. Также 19 июня от источника из МИДа Италии было получено донесение, что там получена телеграмма из итальянского посольства в Берлине, в которой сообщается об информировании высшим военным командованием Германии о начале военных действий против СССР между 20 и 25 июня⁶.

НКГБ докладывал, что 20 июня телеграмма из Бухареста предупреждала японского посла в СССР, что «Германия полностью завершила подготовку от Северной Финляндии и до южной части Чёрного моря и уверена в молниеносной победе»⁷.

НКВД и НКГБ СССР с начала 1941 г. в связи с усиленным продвижением немецких войск к границе СССР, «начиная с декабря 1940 г.»⁸, формировали регулярные сводки о концентрации германских войск на границе с СССР с указанием количества подразделений и их перемещении⁹.

¹ Сообщение резидента НКГБ СССР в Берлине о сроках нападения Германии на Советский Союз, 16 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 237.

² Сообщение из Берлина, [Не позднее 16 июня 1941 г.] // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 237.

³ Сообщение резидента НКГБ в Риме о сроках нападения Германии на Советский Союз, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 269.

⁴ Телеграмма из Хельсинки в Министерство иностранных дел Италии, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 266.

⁵ Телеграмма итальянского посольства в Москве в Министерство иностранных дел Италии, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 267.

⁶ Сообщение резидента НКГБ в Риме о сроках нападения Германии на Советский Союз, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 269.

⁷ Телеграмма из Бухареста японскому послу в Москве, 20 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 280.

⁸ Из спецсообщения НКВД УССР № А-1250/СН в ЦК КП(б) Украины о передвижении немецких войск на территории оккупированной Польши, 9 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 82; Сообщение начальника внешней разведки НКГБ СССР № 2/1/809м Народному комиссару обороны СССР маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко о продвижении германских войск к границе СССР, 31 марта 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 65.

⁹ Здесь см. материалы из «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Докладная записка НКВД УССР № 1061/СВ в НКВД СССР о военных мероприятиях Герма-

По состоянию на 5 мая разведывательные органы СССР обладали информацией о концентрации «против ЗаОВО – 29 дивизий; против КОВО – 31–34 дивизии; в Прикарпатской Украине 4 дивизии; в Молдавии и Северной Добрудже – 10–11 дивизий¹. Концентрация частей фиксировалась не только в Польше и Восточной Пруссии, но и в Венгрии, Румынии и Финляндии.

Агентурные данные из Румынии сообщали в начале июня, что румынские войска производят разминирование мо-

нии и Венгрии в пограничной с СССР полосе по состоянию на 25 апреля 1941 г., 30 апреля 1941 г. (С. 123–127); Из сообщения НКГБ СССР № 1452/М в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о военных приготовлениях Германии на оккупированной территории Польши, 5 мая 1941 г. (С. 134–135); Из спецсообщения разведывательного управления РККА № 660477сс в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о группировке немецких войск на Востоке и Юго-Востоке на 5 мая 1941 г., 5 мая 1941 г. (С. 136–137); Из спецсообщения УНКГБ УССР по Львовской области № 16/15602 в НКГБ УССР о военных мероприятиях Германии, 12 июня 1941 г. (С. 224–227); Из справки заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 20 июня 1941 г., 20 июня 1941 г. (С. 280–282); Из справки заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 14 июня 1941 г., 14 июня 1941 г. (С. 229); Из справки заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 17 июня 1941 г., 17 июня 1941 г. (С. 251–252); Из справки заместителя Наркома внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии и происшествиях на границе, 6 июня 1941 г. (С. 209–211); Разведывательная сводка НКГБ СССР № 1510 о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз, 20 июня 1941 г. (С. 282–283); Сообщение начальника внешней разведки НКГБ СССР № 2/7/2575 в разведывательное управление Генерального штаба Красной армии о концентрации немецких войск на Советско-Германской границе, 10 апреля 1941 г. (С. 88–93); Сообщение НКВД СССР № 1196/Б в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР о полученных пограничными отрядами НКВД разведывательных данных относительно концентрации немецких войск на Советско-германской границе, 21 апреля 1941 г. (С. 108–110); Сообщение НКВД СССР № 1798 Б в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о полученных пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР сведениях относительно военных приготовлений немцев вблизи границы с СССР, 2 июня 1941 г. (С. 202–203); Спец-

стов, дорог и участков вблизи границы СССР, заминированных в 1940–1941 гг., а к границе подтягиваются крупные части немецкой и румынской армий². Нападение планируется на 8 июня 1941 г.³

14 июня поступает сообщение, что немецкая армия приведена в боевую готовность в приграничных районах⁴. Разведсводка НКГБ 20 июня сообщала, что в приграничье немцами официально населению объявлено о больших манёврах германской армии, а агентура в СССР направляется на 3–4 дня, направляемые на 10–15 суток «инструктируются о том, что

сообщение НКГБ БССР № 1/545 в НКГБ СССР о военно-мобилизационных приготовлениях фашистской Германии к войне против СССР, 19 июня 1941 г. (С. 254–264); Справка заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 12 июня 1941 г., 12 июня 1941 г. (С. 221–224); Справка заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии и происшествиях на границе, 18 июня 1941 г. (С. 252–253); Справка заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 2 июня 1941 г., 2 июня 1941 г. (С. 199–200); Справка заместителя Наркома внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 9 июня 1941 г., 9 июня 1941 г. (С. 213–214); Справка заместителя Наркома внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 10 июня 1941 г., 10 июня 1941 г. (С. 214–215).

¹ Из спецсообщения разведывательного управления РККА № 660477сс в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о группировке немецких войск на Востоке и Юго-Востоке на 5 мая 1941 г., 5 мая 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 136.

² Телеграмма уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Молдавии С. А. Гоглидзе в ЦК ВКП(б) о концентрации крупных частей немецкой и румынской армий на границе с СССР, 2 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 200–201.

³ Телеграмма уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Молдавии С. А. Гоглидзе в ЦК ВКП(б) о концентрации крупных частей немецкой и румынской армий на границе с СССР, 2 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 200.

⁴ Из справки заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии по состоянию на 14 июня 1941 г., 14 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 229.

в случае перехода германскими войсками границы до их возвращения в Германию они должны явиться в любую германскую часть, находящуюся на советской территории»¹.

«Неожиданность нападения»

Разведывательные сообщения утверждали, что военные приготовления ведутся открыто, немецкие военнослужащие открыто говорят о предстоящей войне с СССР, целью которой является Украина, и что победа будет обеспечена «хорошо работающей на территории СССР “пятой колонной”»². Среди населения открыто, в т. ч. солдатами вермахта, распространяются слухи о предстоящей войне с СССР³, «всё население Варшавы говорит о предстоящем в ближайшие дни вступлении Германии в войну с СССР»⁴.

Открытые приготовления могли вводить в заблуждение: подготовкой войны на другом фронте (против Англии, например) и отвлечением внимания. В этом же направлении могли работать и постоянно нереализуемые даты нападения в течение апреля – начала июня. Однако масштабная подготовка не могла нестораживать.

Разведка сообщала, что проводимые в приграничных районах мероприятия

свидетельствуют «об ускоренной подготовке театра войны», но кроме форсированного строительства и ремонта дорог (идуших к границам СССР и рокадных)⁵, ведётся «усиленная инженерно-сапёрная подготовка... трассировка и отрывка окопов... строятся огневые точки и другие оборонные сооружения»⁶, проводятся мероприятия по выселению с приграничной зоны населения и эвакуации из приграничных территорий учреждений и ценностей⁷. Разведывательная информация всех уровней подтверждала строительство на границе с СССР серьёзной укрепленной линии и отдельных укрепленных районов⁸.

⁵ Докладная записка НКВД УССР № 1061/СВ в НКВД СССР о военных мероприятиях Германии и Венгрии в пограничной с СССР полосе по состоянию на 25 апреля 1941 г., 30 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 123; Сообщение начальника внешней разведки НКГБ СССР № 2/7/2575 в разведывательное управление Генерального штаба Красной армии о концентрации немецких войск на Советско-Германской границе, 10 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 88.

⁶ Докладная записка НКВД УССР № 1061/СВ в НКВД СССР о военных мероприятиях Германии и Венгрии в пограничной с СССР полосе по состоянию на 25 апреля 1941 г., 30 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 123.

⁷ Из спецсообщения разведывательного управления РККА № 660477сс в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о группировке немецких войск на Востоке и Юго-Востоке на 5 мая 1941 г., 5 мая 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 137; Разведывательная сводка НКГБ СССР № 1510 о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз, 20 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 283.

⁸ Из сообщения НКГБ СССР № 1452/М в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о военных приготовлениях Германии на оккупированной территории Польши, 5 мая 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 135; Из спецсообщения УНКГБ УССР по Львовской области № 16/15602 в НКГБ УССР о военных мероприятиях Германии, 12 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 225; Спецсообщение НКГБ БССР № 1/545 в НКГБ СССР о военно-

¹ Разведывательная сводка НКГБ СССР № 1510 о военных приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз, 20 июня // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 283.

² Из сообщения НКГБ СССР № 1452/М в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР о военных приготовлениях Германии на оккупированной территории Польши, 5 мая 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 135.

³ Справка заместителя Наркома Внутренних дел УССР о военных мероприятиях Германии и происшедших на границе, 18 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 253.

⁴ Спецсообщение НКГБ БССР № 1/545 в НКГБ СССР о военно-мобилизационных приготовлениях фашистской Германии к войне против СССР, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 260.

Создание оборонительных линий могло говорить о подготовке к возможному наступлению со стороны СССР и свидетельствовать против готовящейся войны Германией, однако вряд ли это могло ввести в заблуждение руководство СССР и Красной армией.

О возможностях маскировки и введения противника в заблуждение относительно предстоящего удара Г. К. Жуков докладывал на декабрьском 1940 г. совещании высшего командного и политического состава Красной армии, рассказывая о наступательной операции на Халхин-Голе: мероприятия «сводились к тому, чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться. Для этого были приняты все меры, включая дезинформацию и применение широкоэвещательной станции, имитирующей по ночам окопные и всякие инженерные работы. Были выпущены различные специальные листовки с целью обеспечения проведения оборонительных мероприятий и т. д. По радио передавались различные сводки, характеризующие настроение командования по подготовке оборонительной операции. И японцы, как потом выяснилось, действительно до часа удара не предполагали и не знали о готовящемся наступлении»¹.

Странно предполагать после такого, что руководство страны и Красной армии были обмануты похожими действиями Германии на границе с СССР. Более того, в оперативно-стратегической игре в январе

1941 г. в действиях за «западных» генерал армии Г. К. Жуков опирался на укрепленные районы Восточной Пруссии, чтобы не допустить вторжения противника, и провёл несколько ударов и наступательную операцию против генерал-полковника танковых войск Д. Г. Павлова, командовавшего «восточными»². Таким образом, оборонительная линия могла быть фундаментом для наступательных действий, и выстраиваемые оборонительные сооружения не говорили исключительно в пользу готовящейся оборонительной войны Германии.

Изложенное даёт представление о той сложной картине, которую приходилось анализировать и делать выводы. Эта картина, с одной стороны, представляла надвигающуюся угрозу советским границам, с другой стороны – оставляла шанс на то, что даты нападения будут снова сдвинуты, учитывая, что лучшее время – конец мая – начало июня – уже упущено.

Г. К. Жуков, который выступил в поддержку Хрущёва и обвинял в середине 1950-х Сталина в игнорировании сообщений о нападении, признавал одновременно с этим, что не было внезапности нападения³. Впоследствии в интервью К. М. Симонову Г. К. Жуков объяснял, что «неожиданность» была не в том, «что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалась внезапной ударная мощь немецкой армии; для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказалось внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны»⁴.

мобилизационных приготовлениях фашистской Германии к войне против СССР, 19 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 259; Сообщение начальника внешней разведки НКГБ СССР № 2/7/2575 в разведывательное управление Генерального штаба Красной армии о концентрации немецких войск на Советско-Германской границе, 10 апреля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 88, 91.

¹ Жуков Г. К. Характер современной наступательной операции // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 131.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. 565. Л. 2.

³ Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС, [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 2001. С. 137–140.

⁴ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 313–314.

А. М. Василевский в мемуарах давал ответ на вопрос «почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, всё же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность?»: «Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в её международном положении. Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооружённые Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг ещё при первых признаках агрессивных устремлений Германии»¹.

Теперь рассмотрим ответные действия советской стороны.

В. М. Молотов говорил после войны, что руководство страны и армия находились в напряжённом ожидании войны с мая месяца².

Целая серия приказов и постановлений июня 1941 г. свидетельствуют о подготовке к отражению агрессии: «об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов» (16 июня)³, «о маскировке войсковых частей и важных военных объектов округов» (19 июня)⁴, «о маскировке самолётов, взлётно-посадочных полос и аэродромных сооружений» (19 июня)⁵. Приказ начальника

погранвойск НКВД Белорусского округа об усилении охраны границы от 20 июня 1941 г.⁶ указывал: немедленно вернуть личный состав, находящийся на сборах; не предоставлять выходных дней до 30 июня 1941 г.; усилить пограннаряды в ночное время (с 23.00 до 5.00); в ночных нарядах все ручные пулемёты использовать в наиболее важных направлениях.

С конца апреля в западные округа начали перебрасывать части (по так называемым Большим учебным сборам), для пополнения войск было призвано более 750 тыс. человек военнообязанных запаса. На запад передислоцировались части из внутренних округов, в т. ч. Сибири и Дальнего Востока⁷.

В мае 1941 г. произведён досрочный выпуск из военных училищ, в июне до полного штата военного времени довели 21 дивизию приграничных округов, согласно директиве НКО от 12 июня 1941 г. в приграничных округах ряд частей стали подтягивать ближе к границе⁸. Показательно, что целый ряд военных училищ с территорий приграничных округов передислоцированы за Урал и за Волгу⁹.

Несмотря на довлеющий принцип в мемуарах писать о неожиданности нападения и о том, что нападение 22 июня стало «как гром среди ясного неба», це-

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983. С. 105.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 39.

³ Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов», 16 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 376–377.

⁴ Приказ о маскировке аэродромов, войсковых частей и важных военных объектов округов, 19 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 280–281.

⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О маскирующей окраске самолётов, взлётно-посадочных полос, палаток и аэродромных сооружений», 19 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 387–388.

⁶ Приказ начальника погранвойск НКВД Белорусского округа об усилении охраны границы, 20 июня 1941 г. // 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 399.

⁷ Баграмян И. Х. Так начиналась война. Киев: Политиздат Украины, 1988. С. 58; Казаков М. И. Над картой былых сражений. М.: МО СССР, 1971. С. 64; Мерецков К. А. На службе народу. М.: Вече, 2015. С. 206; Руденко С. И. Крылья Победы. М.: Воениздат, 1976. С. 4–5.

⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983. С. 103; Владимирский А. В. На киевском направлении: По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне – сентябре 1941 г. М.: Воениздат, 1989. С. 52; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 410; Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 36–37; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. С. 28.

⁹ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 212–214.

лая группа высокопоставленных авторов мемуаров свидетельствует о том, что нападение ждали, ожидали с мая месяца и конкретно в ночь на 22 июня¹.

Проблема выдвижения частей к границе, отсутствие которых или не своевременное выдвижение, в которых обвиняют руководство страны и Красной армии с 1955 г., уже получила ответ из уст Г. К. Жукова, А. М. Василенко, С. М. Штеменко и ряда других военачальников, когда политические установки не действовали на их выступления и мемуары. Жуков после многих лет размышлений пришёл к выводам, что немецкое командование как раз рассчитывало на максимальное стягивание частей Красной армии к границе для быстрого окружения и уничтожения, которое создало бы пустые пространства до Москвы, которые нечем бы было защищать². Как и Жуков в поздних выступлениях и мемуарах, А. М. Василевский был уверен, что Красной армии не удалось бы остановить первый удар вермахта, даже если бы все части запад-

ных округов были выдвинуты к границе, и Красной армии всё равно пришлось бы отступить³. С. М. Штеменко, отвечая на упрек, что все части Красной армии не были сосредоточены у границы, напомнил о принципах эшелонирования в глубину, который никто не отменял⁴.

Заключение

Источники позволяют заключить, что руководство СССР знало о подготовке вторжения в СССР, но могло надеяться на перенос даты нападения. При этом в западные регионы перемещались значительные силы, генералитет знал о предстоящем нападении и необходимости готовиться. Обвинения руководства страны и Красной армии в историографии и общественной мысли, что «поверили Гитлеру», не выдвинули войска к границе, несвоевременно отдали приказы и т. д. противоречат источникам и являются данью политического и социального заказа, формируемой исторической памяти о Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э., Журавлёв В. В., Ларионов А. Э. и др. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. 304 с.
2. Багдасарян В. Э., Ларионов А. Э., Реснянский С. И. и др. Информационные факторы формирования исторического сознания молодёжи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 34–49.
3. Шульц Э. Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41
4. Шульц Э. Э. СССР вступает во Вторую мировую.... М.: Проспект, 2025. 224 с.

¹ Баграмян И. Х. Так начиналась война. Киев: Политиздат Украины, 1988. С. 40; Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983. С. 107–108; Захаров Г. Н. Повесть об истребителях. М.: Воениздат, 1985. С. 98–99, 101; Казаков М. И. Над картой былых сражений. М.: МО СССР, 1971. С. 64; Калинин Н. В. Это в сердце моём навсегда. М.: Воениздат, 1967. С. 7; Калядин И. С. За каждую пядь земли... М.: Воениздат, 1983. С. 8; Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 38, 226; Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1989. С. 11; Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966. С. 3, 328–329; Мерецков К. А. На службе народу. М.: Вече, 2015. С. 208; Петров В. С. Прошлое с нами. Кн. 1. Киев: Политиздат Украины, 1988. С. 162, 169; Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Вече, 2013. С. 9; Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Вече, 2015. С. 62; Сандалов Л. М. На московском направлении. М.: Наука, 1970. С. 61; Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 313–314; Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М.: Вече, 2015. С. 13; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 42; Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Высшая школа, 1984. С. 55.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 260.

³ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983. С. 106.

⁴ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. С. 21–22.

5. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., et al. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // *Linguistics and Culture Review*. 2021. № 5(S3) DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
6. Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. М.: Анкил-воин, 1995. 189 с.
7. Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1962. 222 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. Происхождение и начало войны / редкол. А. Э. Сердюков и др. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
9. Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте: сб. статей. М.: Инсан, 2010. 896 с.
10. Зубов И. В., Надточий З. Ю. Высшее военное руководство СССР – главный виновник разгрома Красной армии в начальный период // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2023. № 2. С. 26–32.
11. Ивашутин П. И. Докладывала точно // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 5. С. 55–59.
12. Иринархов Р. С. 1941: Пропущенный удар. Почему Красную Армию застали врасплох? М.: Яуза; Эксмо, 2011. 576 с.
13. Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: РО-СПЭН, 2020. 703 с.
14. Начальный период войны. (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны) / под общ. ред. С. П. Иванова. М.: Воениздат, 1974. 357 с.
15. Некрич А. М. 22 июня. М.: Наука, 1965. 174 с.
16. Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне. Т. I: Операции Советских Вооружённых Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1958. 736 с.
17. Полканов В. Д., Титова Е. А., Набатова Н. Н. Причины поражения Красной армии в первый период Великой Отечественной войны // *Омский научный вестник*. 2011. № 3. С. 5–9.
18. Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 646 с.
19. Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / отв. ред. С. П. Платонов. М.: Воениздат, 1961. 984 с.
20. Хорьков А. Г. Грозной июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1991. 240 с.
21. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2022. № 1. С. 20–29.
22. Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. / пер. с англ. Мн.: Харвест, 2003. С. 33–34.

REFERENCES

1. Baghdasaryan, V. E., Zhuravlev, V. V., Larionov, A. E., et al. (2022). *Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, memory wars and images of the future in the post-Soviet space*. Moscow: Prospect Publ. (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E., Larionov, A. E., Resnyansky, S. I., et al. (2022). Information factors in the formation of the historical consciousness of young people (on the example of studying ideas about the Great Patriotic War). In: *Questions of history*, 8-1, 34–49 (in Russ.).
3. Schulz, E. E. (2023). The Great Patriotic War in the context of the importance of historical events for modern Russian society. In: *Science. Society. Defense*, 4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41 (in Russ.).
4. Schulz, E.E. (2025). *USSR enters the Second World War...* Moscow: Prospect Publ. (in Russ.).
5. Larionov, A., Baghdasaryan, V., Fedorchenko, S., et al. (2021). Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. In: *Linguistics and Culture Review*, 5(S3). DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
6. Anfilov, V. A. (1995). *Grozny summer 41 years old*. Moscow: Ankil-warrior Publ. (in Russ.).
7. Anfilov, V. A. (1962). *The beginning of the Great Patriotic War (June 22 – mid-July 1941). Military history essay*. Moscow: Voениzdat Publ. (in Russ.).

8. Serdyukov, A. E., et al. (2015). *The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 2. Origin and outbreak of war*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ. (in Russ.).
9. Gareev, M. A. (2010). *Battles on the military-historical front*. Moscow: Insan Publ. (in Russ.).
10. Zubov, I. V. & Nadtochiy, Z. Yu. (2023). The highest military leadership of the USSR is the main culprit in the defeat of the Red Army in the initial period. In: *Problems of social and humanitarian sciences*, 2, 26–32 (in Russ.).
11. Ivashutin, P. I. (1990). Reported accurately. In: *Military History Journal*, 5, 55–59 (in Russ.).
12. Irinarchov, R. S. (2011). *1941: Missed blow. Why was the Red Army taken by surprise?* Moscow: Yauza; Eksmo Publ. (in Russ.).
13. Lopukhovskiy, L. N., Kavalerchik, B. K. (2020). *June 1941. Programmed defeat*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
14. Ivanova, S. P., ed. (1974). The initial period of the war. (According to the experience of the first campaigns and operations of the Second World War). Moscow: Voenizdat Publ. (in Russ.).
15. Nekrich, A. M. (1965). *June 22*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
16. (1958) *Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War. Vol. I: Operations of the Soviet Armed Forces during the repulse of the Nazi Germany attack on the USSR (June 22, 1941 – November 18, 1942)*. Moscow: Voenizdat Publ. (in Russ.).
17. Polkanov, V. D., Titova, E. A. & Nabatova, N. N. (2011). Reasons for the defeat of the Red Army in the first period of World War II. In: *Omsk Scientific Bulletin*, 3, 5–9 (in Russ.).
18. Samsonov, A. M. (1975). *The collapse of fascist aggression. 1939–1945. Historical essay*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
19. Platonov, S. P., ed. (1961). *Strategic sketch of the Great Patriotic War, 1941–1945*. Moscow: Politizdat Publ. (in Russ.).
20. Khorkov, A. G. (1991). *Grozova June: The tragedy and feat of the troops of the border military districts in the initial period of the Great Patriotic War*. Moscow: Politizdat Publ. (in Russ.).
21. Schulz, E. E. (2022). Stereotypical images of the Great Patriotic War: Stalin, the globe and rifles. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 1, 20–29 (in Russ.).
22. Schwabedissen, V. (2003). *Stalin's falcons: Analysis of the actions of Soviet aviation in 1941–1945*. Mn.: Harvest Publ., 33–34 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc Prof, Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University; Assoc. Prof., Department of Russian history, Federal State University of Education;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 821.111`42(092)+94(47)"1945/1991"

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-79-89

ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ – ПРОВОДНИК НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Бахтин В. В.¹, Припадчев А. А.²

¹ Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко
г. Воронеж, Российская Федерация

² Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
г. Воронеж, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: pedagogika51@mail.ru

Поступила в редакцию 05.01.2026

После доработки 27.01.2026

Принята к публикации 08.02.2026

Аннотация

Цель. Выявить условия формирования народной дипломатии между деятелями культуры Великобритании и Советского Союза, а также проанализировать поездку английского писателя Джон Б. Пристли (1894–1984 гг.) в СССР, его встречи, культурные контакты с деятелями науки и искусства и оценку им героического подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Процедуры и методы. Основным исследовательским методом стал контент-анализ. Проанализированы материалы советской периодической печати «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Огонёк», «Советская Абхазия», «Московский большевик», «Вечерняя Москва», «Ленинградская правда», а также научные публикации. Также осуществлён анализ творческого наследия писателя, в частности, сборник публицистики «Записки на полях», включающий шесть эссе о поездке английского писателя по территории СССР в 1945 г. Методологической базой исследования послужили принципы историзма и научной объективности. В статье использовались историко-генетический, сравнительно-исторический и хронологический методы.

Результаты. В 1930-е гг. Джон Б. Пристли был убеждённым антифашистом и проявлял симпатии к Советскому Союзу. Его творчество имело ярко выраженный социальный характер с акцентом на важные бытовые, психологические и криминальные сюжеты. Английский писатель возглавлял секцию писателей Британского общества культурных связей между Британским содружеством и СССР. Пристли был сторонником народной дипломатии и развития активного культурного диалога и обмена между СССР и Великобританией.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во вкладе английского писателя Джона Б. Пристли в развитие народной дипломатии в послевоенный период, а также в оценке потенциала межкультурного диалога в контексте современной международной напряжённости.

Ключевые слова: Британское общество культурных связей между Британским содружеством и СССР, Всесоюзное общество культурных связей с границей, героическое прошлое, Джон Б. Пристли, культурный диалог, народная дипломатия, публицистика

Для цитирования:

Бахтин В. В., Припадчев А. А. Джон Бойнтон Пристли – проводник народной дипломатии Великобритании в послевоенном Советском Союзе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 79–89.
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-79-89

Original research article

JOHN BOYNTON PRIESTLEY – A GUIDE TO GREAT BRITAIN'S PUBLIC DIPLOMACY IN THE POST-WAR SOVIET UNION

V. Bakhtin¹, A. Pripadchev²

¹ Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko
Voronezh, Russian Federation

² Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
Voronezh, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: e-mail: pedagogika51@mail.ru

Received 05.01.2026

Revised 27.01.2026

Accepted 08.02.2026

Abstract

Aim. To identify the conditions for the formation of public diplomacy between cultural figures in Great Britain and the Soviet Union, and to analyze the trip of the English writer John Boynton Priestley (1894–1984) to the USSR, his meetings, cultural contacts with scientists and artists, and his assessment of the heroic deeds of the Soviet people during the Great Patriotic War.

Methodology. Content analysis was the primary research method. Materials from the Soviet periodicals Pravda, Izvestia, Komsomolskaya Pravda, Ogonyok, Sovetskaya Abkhaziya, Moskovsky Bolshhevik, Vechernyaya Moskva, and Leningradskaya Pravda, as well as scholarly publications, were analyzed. An analysis of the writer's creative legacy was also conducted, in particular, the collection of journalism «Notes in the Margins», which includes six essays about the English writer's trip through the USSR in 1945. The principles of historicism and scientific objectivity served as the methodological basis for the study. The article utilized historical-genetic, comparative-historical, and chronological methods.

Results. In the 1930s, John B. Priestley was a staunch anti-fascist and sympathetic to the Soviet Union. His work had a distinctly social character, emphasizing important everyday, psychological, and criminal themes. The English writer headed the writers' section of the British Society for Cultural Relations between the British Commonwealth and the USSR. Priestley was a supporter of public diplomacy and the development of active cultural dialogue and exchange between the USSR and Great Britain.

Research implication lies in the contribution of the English writer John B. Priestley to the development of public diplomacy in the post-war period, as well as in the assessment of the potential of intercultural dialogue in the context of contemporary international tensions.

Keywords: British Society for Cultural Relations between the British Commonwealth and the USSR, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, heroic past, John B. Priestley, cultural dialogue, public diplomacy, journalism

For citation:

Bakhtin V. V., Pripadchev A. A. (2026). John Boynton Priestley – a guide to Great Britain’s public diplomacy in the post-war Soviet Union. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 79–89.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-79-89

Введение

В настоящее время в исторической науке усиливается интерес к народной дипломатии, об этом свидетельствуют научные публикации С. И. Когана [1], С. Ш. Саидова [2], К. П. Макдэниэл [3], Т. А. Пеньковой [4]. В то же время вклад отдельных культурных деятелей в становление и развитие различных форм народной дипломатии недостаточно полно изучен. К их числу относится Джон Б. Пристли. В СССР и Российской Федерации исследователи Ю. И. Кагарлицкий [5], С. Г. Комаров [6], Ю. В. Черновой [7] и другие анализировали филологическую направленность творчества Джона Б. Пристли, а его участие в народной дипломатии оказалась вне рамок специалистов.

Будущий писатель появился на свет 13 сентября 1894 г. в семье учителя в г. Бадфорд, расположенном в графстве Уэст-Йоркшир на севере Англии. В годы Первой мировой войны Пристли находился на службе в пехотных подразделениях. Он принимал участие в боевых действиях в этот период [7, с. 79–80]. После окончания войны поступил в Кембриджский университет, где изучал английскую литературу (историю, политические науки). В 1921 г. он завершил обучение и начал заниматься литературной деятельностью.

Создавал пьесы, романы и повести, затрагивающие важные бытовые, социальные, психологические и криминальные сюжеты. Писатель также увлекался жанрами научной фантастики и фэнтези.

К началу Второй мировой войны Джон Б. Пристли был одним из наиболее

популярных писателей. Его литературная слава – это амплуа «серьёзного писателя», стратегия успеха которого не в заигрывании с публикой, не приработок в доходных сферах (журналистика, киноиндустрия), а в возможности открытого диалога с аудиторией [8, с. 735]. Произведения стали составлять основу театрального репертуара в Англии, многие из которых были экранизированы. В 1940 г. Пристли вёл воскресную передачу «Postscripts» на BBC Radio¹. Она вызвала большой резонанс среди слушателей благодаря честности, откровенности и искренности автора при обсуждении проблем войны, политики, патриотизма и др. Часто аудитория передачи слышала резкую критику деятельности правительства У. Черчилля. За это его именовали голосом народа. Выпуски передачи собирали 16 миллионов слушателей. Джон Б. Пристли заявлял, что после завершения войны необходимо уделить внимание простым людям, избавиться от устаревших классовых стереотипов и создать «страну, достойную героев», что было обещано, но впоследствии забыто после окончания Первой мировой войны. У. Черчилль резко отреагировал на популярность писателя и заявил: «Цели войны мистера Пристли не совпадают с моими целями войны»². Рейтинги передач с его участием на BBC Radio резко возросли. СМИ стали называть его вторым по популярности после консерватора У. Черчилля. Подобная конкуренция не понравилась властям и

¹ Чернова Ю.В. Указ. соч. С. 79.

² How JB Priestley’s Inspector first called on the USSR // The Guardian. 2015. 29 August.

вскоре воскресная передача «Postscripts» была закрыта [9, с. 8].

Цель данного исследования – изучить обстоятельства, которые способствовали развитию народной дипломатии между представителями творческой интеллигенции Великобритании и Советского Союза в послевоенный период.

Задачи:

- проанализировать визит английского литератора Джона Б. Пристли в СССР;
- охарактеризовать итоги его встреч с советскими деятелями науки и культуры;
- рассмотреть взгляды писателя на роль и значение самоотверженной борьбы советского народа с нацизмом в период Великой Отечественной войны;
- проследить влияние впечатлений от поездки на последующее творчество.

Для достижения намеченной цели и выполнения поставленных задач использовался метод контент-анализа. Этот научный приём позволил осуществить анализ большого массива публикаций советской периодической печати, в котором освещалась поездка Джона Б. Пристли 1945 г. Методологической основой данной статьи послужили принципы историзма и научной объективности, сравнительно-исторический, историко-генетический и хронологический методы.

Джон Бойнтон Пристли – антифашист

Джон Б. Пристли разделял антифашистскую позицию, проявлял симпатию к Советскому Союзу. В 1935 г. писатель вошёл в бюро Международной ассоциации писателей, стремящейся защищать культуру. В президиум этой ассоциации входили такие личности, как М. Горький, а также известные «друзья Советского Союза» – французские писатели А. Жид, Р. Роллан, испанский писатель Р. Валье-Инклан, ирландский писатель Б. Шоу и др. В каждой стране были созданы национальные секретариаты, объединения которых составляли международную

ассоциацию писателей. В СССР президиум возглавил М. Горький, М. Е. Кольцов (секретариат), членами являлись М. А. Шолохов, В. М. Киршон, А. А. Лахути, И. К. Микитенко, Ф. И. Панферов, Б. Л. Пастернак, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, С. М. Третьяков, И. Г. Эренбург¹.

Творчество Джона Б. Пристли пользовалось популярностью в СССР, т. к. оно сочетало социальную критику с глубоким психологизмом и было близко советскому читателю и зрителю [10, с. 19]. Во время Великой Отечественной войны в нашей стране вышли 2 его романа, вызвавшие большой интерес: «Затемнение в Грэтли» и «Дневной свет в субботу». Пьесы шли с большим успехом на советской сцене. Его пьесу «Опасный поворот» ставили все крупные театры страны. Премьера новой пьесы Джона Б. Пристли «Инспектор пришёл» состоялась в Москве, а не в Англии².

Существуют документальные свидетельства о том, что кандидатура Джона Б. Пристли рассматривалась для включения в комиссию по расследованию преступлений, совершённых немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях. Советский физик П. Л. Капица в письме И. В. Сталину предлагал создать «интернациональную следственную комиссию», которая дала бы возможность почувствовать всем порядочным людям мира, какие зверства совершали фашисты. И в качестве члена комиссии П. Л. Капица предлагал английского писателя Джона Б. Пристли³. Данная идея не получила поддержку. И созданная Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фа-

¹ Резолюции международного конгресса писателей в защиту культуры // Известия. 1935. 27 июня.

² Джон Пристли в Москве // Огонёк. 1945. № 39. С. 7.

³ Письмо директора института физических проблем АН СССР П. Л. Капицы об организации в Москве интернациональной следственной комиссии для расследования преступлений нацизма // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 540. Л. 1.

шистских захватчиков и их сообщников будет состоять только из отечественных представителей [11].

Джон Б. Пристли – проводник культурного диалога

Пристли состоял в Британском обществе культурных связей между Британским содружеством и СССР, созданном в 1924 г., и возглавлял секцию писателей, в которую входили всемирно известные писатели, а именно: ирландский драматург Ш. О'Кейси, английский писатель С. Моэм, английский поэт и прозаик С. Спендер. Основная задача писательской секции – «заложить фундамент подлинного сотрудничества между писателями обеих стран и организовать обмен литературой»¹.

4 ноября 1944 г. в Лондоне проходил конгресс дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, на котором присутствовали более 100 представителей английской общественности, сторонников диалога между Великобританией и СССР². На нём с яркой речью выступил писатель Джон Б. Пристли, призвавший университеты к налаживанию обмена студентами и профессорско-преподавательскими составами: «Мы хотим читать их книги и смотреть их пьесы. И мы хотим, чтобы они читали наши книги и смотрели наши пьесы. Мы хотим смотреть их балет и хотим, чтобы они слушали наши симфонические оркестры»³.

Среди части английской молодёжи идеи популярного писателя об установлении культурного диалога между странами вызвали большой интерес. Многие молодые люди в Англии хотели больше узнать о героической борьбе советского народа и о жизни в Советском Союзе. 20 ноября 1944 г. в театре Гаррика в

Лондоне состоялся митинг лондонской молодёжи, оказывавшей волонтерскую помощь детям-сиротам, чьи родители погибли на фронтах Великой Отечественной войны. На митинге выступил с речью Джон Б. Пристли: «Страдания и жертвы, принесённые русским народом чрезвычайно тяжелы. Однако русские знают, что они будут делать после войны. Они называют войну перерывом в проводимом ими славном созидании нового общества, и они продолжают свою работу»⁴.

Приглашение Джона Б. Пристли Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей в СССР

После окончания Великой Отечественной войны Джон Б. Пристли был приглашён в Советский Союз Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС). Вместе с ним была приглашена его вторая жена Джейн. Она с интересом отнеслась к предстоящей поездке и стала увлечённо изучать русский язык. В интервью английский писатель сказал журналистам, что «...она изучала ваш богатый русский язык – язык Толстого, Чехова, которых мы хорошо знаем и любим. Но, к сожалению, она овладела им в недостаточной мере. Зато дочь моя (у меня 6 детей) специально занимается им в Лондонском университете»⁵.

10 сентября 1945 г. супруги Пристли приехали в Москву с целью познакомиться с жизнью советских людей – рабочих, крестьян, интеллигенции⁶. На Центральном аэродроме их встречали заместитель председателя правления ВОКС А. В. Караганов и другие лица⁷.

За время своего пребывания в Москве Джон Б. Пристли посетил Государственную Третьяковскую галерею, в Большом театре спектакли – «Князь Игорь», «Евге-

¹ Приём в английском Обществе культурной связи с Советским Союзом // Комсомольская правда. 1944. 25 ноября.

² К предстоящему конгрессу дружбы и сотрудничества с СССР в Лондоне // Правда. 1944. 27 октября.

³ На заседании конгресса дружбы и сотрудничества с Советским Союзом // Правда. 1944. 6 ноября.

⁴ Митинг молодёжи в Лондоне // Известия. 1944. 22 ноября.

⁵ Джон Пристли в Москве // Огонёк. 1945. № 39. С. 7.

⁶ У Джона Б. Пристли // Московский большевик. 1945. 16 сентября.

⁷ Приезд Дж. Пристли // Вечерняя Москва. 1945. 11 сентября.

ний Онегин». В Камерном театре побывал на представлении своей пьесы «Он пришёл». Кроме культурных учреждений, он посетил детский сад фабрики «Ява»¹.

12 сентября 1945 г. в редакции газеты «Советское искусство» состоялась встреча английского писателя с советскими деятелями культуры и науки. На ней присутствовали народные артисты РСФСР А. Я. Таиров и Н. П. Акимов, заслуженные деятели искусств С. В. Герасимов, Г. В. Александров, С. И. Юткевич, артистка Е. В. Юнгер, академик Академии медицинских наук СССР М. А. Морозов. На встрече присутствующие высказались о развитии двустороннего культурного обмена между Советским Союзом и Великобританией².

В ВОКСе состоялся торжественный приём в честь английского писателя. На нём присутствовали государственные и общественные деятели, кинорежиссёры, артисты, писатели, художники, представители советской и иностранной печати, в т. ч. М. А. Шолохов, Н. С. Тихонов, С. Я. Маршак. Для приглашённых гостей был организован концерт, в котором выступили народный артист Грузинской ССР Д. А. Гамрекели, заслуженные артистки РСФСР В. А. Давыдова и Л. А. Русланова, лауреаты всесоюзных конкурсов Н. П. Емельянова и Д. Б. Шафран. Джон Б. Пристли поблагодарил за тёплый приём и выразил глубокий интерес к творчеству советских писателей, в частности, М. А. Шолохова, «... которому он «просто завидует» как писателю, сочетающему широту темы с глубиной и образностью мысли»³.

«Я поражён огромными возможностями, которые имеются в Советском Союзе для одарённых и талантливых людей»: знакомство Джона Б. Пристли со страной

Из столицы Советского Союза супруги Пристли отправились в столицу Советской Украины на поезде. Выбор республики объяснялся писателем следующим образом: «Я поехал на Украину потому, что это вторая по богатству и значению республика; численность населения там почти такая же, как в Англии, а территория гораздо больше» [9, с. 241]. В Киеве супруги ознакомились с историко-культурными достопримечательностями города, побывали в театрах и Киевской киностудии. Украинское Общество культурной связи с заграницей организовало торжественный приём гостей из Англии. Кроме столицы писатель с супругой посетили передовой колхоз «Жовтень» Бориспольского района Киевской области. Их знакомство с Советской Украиной продолжалось всего 2 дня с 27 по 28 сентября 1945 г.⁴.

Следующим пунктом ознакомительной поездки Дж. Б. Пристли была Грузинская ССР: «Из Москвы мы полетели на Южный Кавказ, в Тбилиси, столицу Грузии. Это было нелёгкое десятичасовое путешествие... Грузины – романтичный и красивый народ...» [9, с. 243]. В Грузинской ССР он познакомился с народными обычаями, национальной кухней. На поезде Тбилиси – Ереван английский писатель с супругой прибывает в столицу Советской Армении.

В Армянской ССР они подробно ознакомились со столицей, её промышленностью и культурными учреждениями. В частности, английский писатель побывал в Ереванском государственном университете, в Музее изобразительных искусств, присутствовал на спектаклях и концертах в театре оперы и балета имени

¹ Приём в честь Джона Б. Пристли // Известия. 1945. 15 сентября.

² У Джона Б. Пристли // Московский большевик. 1945. 16 сентября.

³ Приём в ВОКСе в честь Джона Б. Пристли // Правда. 1945. 15 сентября.

⁴ Джон Б. Пристли в Киеве // Комсомольская правда. 1945. 28 сентября.

А. Спендиарова, в драматическом театре имени Г. Сундукяна, в Армянской государственной филармонии.

Писатель продемонстрировал знание трагических страниц в истории Армении, связанных с геноцидом армян в годы Первой мировой войны: «Я уверен, что армянский народ будет всегда помнить, что во время больших трагедий, которые постигали его в прошлом, сочувствие англичан было на его стороне»¹. Джон Б. Пристли предлагал налаживать взаимоотношения Англии и Советской Армении с помощью армян, проживавших в США. В качестве первого культурного обмена должна была стать поездка одного из ансамблей Армении и выставки достижений армянского искусства, чтобы англичане знали, что «...армянский народ процветает в великом Советском Союзе, как один из его равноправных членов»².

Из Еревана на самолёте Джон Б. Пристли с супругой 12 октября 1945 г. пребывает в Сухуми³. Руководство Абхазской АССР организовало насыщенную культурную и экскурсионную программу: посещение Сухумского драматического театра, летний театр Абхазской Госфилармонии, концертов Грузинского ансамбля танца под художественным руководством и при участии лауреатов Всесоюзного конкурса артистов эстрады, заслуженного артиста Грузинской ССР И. И. Сухишвили и Н. Ш. Рамишвили, встречи с народным поэтом Абхазской АССР Д. И. Гулиа, со 147-летним колхозником Шхангери Бжания, жителем с. Тамыш Очамчирского района. Семейная чета Пристли была поражена широтой кавказского гостеприимства, энергией народных танцев. На одном из концертов заслуженный артист Грузинской ССР И. И. Сухишвили от лица своего творческого коллектива по-

дарил Джону Б. Пристли кинжал старинной кавказской работы. Писатель был доволен тёплым приёмом: «Актёры играли с таким увлечением, что это увлечение перешло и мне. Я получил большое удовольствие... Это были самые замечательные танцы, которые я когда-либо видел»⁴.

«Прежде всего на меня потрясающее впечатление произвели колоссальные разрушения, совершённые немецкими фашистами»: Джон Б. Пристли в Сталинграде и Ленинграде

Из Сухуми Джон Б. Пристли вылетел в Сталинград. Пребывание в городе было однодневным. Он осмотрел места сражений, посетил металлургический завод «Красный Октябрь» и встретился с его работниками. Местные руководители организовали концерт творческих коллективов города, посещение и осмотр предметов, вручённых городу в качестве символов признательности и уважения мировой общественности к защитникам Сталинграда и победе в Сталинградской битве. Сталинград для писателя был символом героического города, где «... ошеломлённый Паулюс сдался. Это стало началом того ужасного конца, который мы сами видели в Берлине. Здесь, в этом русском городе в тысяче двухстах милях от Берлина, был, можно сказать, подписан смертный приговор фашизму» [9, с. 247].

Как убеждённый антифашист, он предусмотрел посещение ещё одного героического советского города, за обороной которого наблюдал весь мир – это Ленинград. В него супруги Пристли прибыли 21 октября 1945 г. На вокзале их встречали писатели и журналисты. Председатель Ленинградского отделения Союза советских писателей, поэт А. А. Прокофьев, приветствовал английского писателя и вручил его супруге букет цветов⁵.

¹ К пребыванию Дж. Пристли в Армении // Правда. 1945. 14 октября.

² Там же.

³ Джон Б. Пристли в Сухуми // Советская Абхазия. 1945. 14 октября.

⁴ Пребывание Джона Б. Пристли в Абхазии // Советская Абхазия. 1945. 19 октября.

⁵ Приезд Джона Б. Пристли в Ленинград // Правда. 1945. 22 октября.

Находясь в Ленинграде, Джон Б. Пристли посетил завод «Электросила» имени С. М. Кирова. Главный инженер завода Д. В. Ефремов для гостей провёл ознакомительную экскурсию, в которой акцентировал внимание на работе завода в годы блокады¹. Кроме этого предприятия, писатель посетил табачную фабрику им. М. С. Урицкого и первую государственную меховую фабрику «Рот фронт». Большой приём был организован в Ленинградском государственном университете, в Петровском зале которого состоялся разговор писателя с профессорско-преподавательским составом и студентами. Обращаясь к студентам, он отметил: «Я счастлив, что нахожусь в вашей стране. Я говорю со всей искренностью, что такой молодёжи, как советская, нет во всём мире, что Советская страна лучшая страна для молодёжи. Я непременно ещё раз буду вашим гостем. Рад и горжусь дружбой с вами»².

В Доме учёных имени М. Горького Академии наук СССР Джон Б. Пристли встретился с научными работниками города. Писатель ответил на многочисленные вопросы, рассказал о своей родине, поделился своими творческими планами. В своём заключении он подчеркнул: «Я хочу заявить ясно и откровенно следующее: хотя Советский Союз имеет ещё недоброжелателей в высших кругах Англии, он, несомненно, имеет во всём народе гораздо больше друзей, чем вы представляете. Я хочу обратиться к вам как коллега и друг. Я уверен, что лучшая политика сегодняшнего дня – это политика наибольшего сближения, постройки новых мостов между нашими странами»³.

В Ленинградском доме писателя имени В. В. Маяковского состоялся торжественный приём деятелей культуры в честь Джона Б. Пристли и его супруги

Д. Уиндли-Льюс. С приветственными словами выступили поэт А. А. Прокофьев, а также писатели М. М. Зощенко, Н. Н. Никитин, Е. Л. Шварц, народный артист СССР Ю. М. Юрьев, народный артист РСФСР А. А. Брянцев, академик Е. Н. Павловский и другие. В своём ответном слове Джон Б. Пристли отметил: «... одна из самых худших черт капитализма заключается именно в том, что через печать и различные общественные учреждения он постоянно толкает молодых людей к тому, чтобы они погрязали в пошлостях жизни, к тому, чтобы у них не было не только высоких стремлений, но и каких-либо стремлений вообще. Ваша же молодёжь считает само собою разумеющимся, что служение обществу абсолютно необходимо, что наука, знание, культура есть нечто чрезвычайно важное и что быть молодым, уверенным, полным надежд – не заблуждение, которое пройдёт с годами, а чудесная возможность»⁴.

В Ленинграде у семейной пары Пристли состоялась насыщенная культурная программа – посещение музеев и театров. Они побывали в Государственном Эрмитаже, где экскурсоводом выступил директор музея академик АН СССР И. А. Орбели⁵. Ознакомились с выставкой «Героическая оборона Ленинграда», где были поражены масштабом трагедии и одновременно восхищены героизмом ленинградцев в годы блокады [12, с. 101]. Джон Б. Пристли с супругой посмотрели спектакль «Дворянское гнездо» (по одноимённому роману И. С. Тургенева) в Ленинградском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина⁶ и комедию «Парусиновый портфель» М. М. Зощенко в Ленинградском государственном драматическом театре⁷.

¹ Пребывание Джона Б. Пристли в Ленинграде // Известия. 1945. 23 октября.

² К пребыванию Джона Б. Пристли в Ленинграде // Известия. 1945. 25 октября.

³ Там же.

⁴ Выступление Дж. Б. Пристли по радио в Ленинграде (перед отъездом из Советского Союза) // Комсомольская правда. 1945. 6 ноября.

⁵ Пребывание Джона Б. Пристли в Ленинграде // Комсомольская правда. 1945. 23 октября.

⁶ Там же.

⁷ Пребывание Джона Б. Пристли в Ленинграде // Ленинградская правда. 1945. 24 октября.

25 октября 1945 г. супруги Пристли покинули СССР¹.

Заключение

В годы Великой Отечественной войны СССР и Великобритания были союзниками по антигитлеровской коалиции. Деятели культуры обеих стран вносили свой вклад в борьбу с нацизмом. Героическая борьба советского народа со смертельной угрозой вызывала восхищение во всём мире и способствовала росту международного авторитета СССР. Писатель Джон Б. Пристли с интересом наблюдал за развитием событий на советско-германском фронте, искренне желая победы антифашистских сил. В победоносном 1945 г. писатель посетил СССР. Данная поездка и общение с советскими гражданами произвели на него неизгладимое впечатление. В декабре 1945 г. в Лондоне в театральной секции английского Общества культурной связи с СССР прошёл доклад писателя о советском театре. После его выступления представители прессы задавали вопросы о работе советских театров и жизни актёров². Писатель заявил журналистам, что поездка по Советскому Союзу была одним из самых вдохновляющих впечатлений в его жизни³.

Писатель питал симпатии к Советскому Союзу и до поездки, но во время посещения в 1945 г. Москвы, Киева, Тбилиси,

Еревана, Сухуми, Сталинграда и Ленинграда он ещё больше проникся уважением к советскому народу, особенно к молодёжи. Джон Б. Пристли испытывал глубокое восхищение отвагой и самоотверженностью советских граждан, которые сыграли значительную роль в победе над нацизмом в годы Второй мировой войны.

В 1946 г. вышла книга Джона Б. Пристли «Russian Journey» («Поездка в Россию»), в которой он подробно описал впечатления от визита в СССР в 1945 г. Советская действительность нашла отражение и в последующем литературном творчестве английского писателя. Литературоведы считают, что книга «Путешествие вниз по радуге» (1955 г.), написанная под влиянием от увиденного в СССР, содержит критику американского общественного устройства⁴.

Английский писатель был сторонником народной дипломатии и развития активного культурного диалога и обмена между СССР и Великобританией. Многие его идеи актуальны в современных политических реалиях, когда в государствах – членах НАТО усиливаются антироссийские настроения, происходит «отмена русской культуры». Однако здравомыслящая часть общества Западной Европы, США и других государств осознают значимую роль русской культуры в развитии мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коган С. И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 94–98.
2. Саидов С. Ш. «Народная дипломатия» как социально-политическое явление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-1. С. 178–180.
3. Макдэниэл К. П. Советско-американская культурная дипломатия. Американский дебют Большого театра. СПб.: Библиороссика, 2025. 350 с.
4. Пенькова Т. А. Оттепель как поворот к культурной дипломатии (на примере советско-американских культурных связей) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 63–74.

¹ Отъезд Джона Б. Пристли из Ленинграда // Комсомольская правда. 1945. 26 октября.

² Доклад Пристли о советском театре // Правда. 1945. 13 декабря.

³ Беседа с английским писателем Джоном Б. Пристли // Комсомольская правда. 1945. 26 октября.

⁴ Аникин Г. В. История английской литературы: учеб. пособие для студентов педагог, ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1975. С. 477.

5. Кагарлицкий Ю. И. Пристли // История западноевропейского театра. Т. 7. М.: Искусство, 1985. С. 232–254.
6. Комаров С. Г. Традиции «Вишнёвого сада» в драмах Дж. Б. Пристли и Э. Бонда // Русский язык за рубежом. 2010. № 4. С. 82–88.
7. Чернова Ю. В. Джон Бойнтон Пристли: становление драматурга в литературном и историческом контексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-1. С. 79–80.
8. Макаренко Л. В. «Серьёзный писатель» Джон Б. Пристли: стратегии творческого успеха писателя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3. С. 731–736.
9. Пристли Дж. Б. Заметки на полях: худож. публицистика. М.: Прогресс, 1988. 467 с.
10. Скальная Ю. А. Формирование образа Дж. Б. Пристли на страницах «Литературной газеты» в 1930-е – 1960-е гг. // Universum: филология и искусствоведение. 2024. № 12. С. 18–26.
11. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Основание и деятельность чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник БГУ. 2020. № 4. С. 12–13.
12. Бахтин В. В., Припадчев А. А. «Пусть сотни и сотни тысяч людей пройдут здесь, волнуясь, гордясь, учась и готовя себя к новым боям и трудам». Сохранение военно-мемориального наследия подвига защитников и жителей Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: от выставки к музею (1942–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2026. № 2. С. 96–103.

REFERENCES

1. Kogan, S. I. (2012). Public Diplomacy as a Form of Cultural Cooperation between the USSR and Great Britain During World War II and in the Post-War Period. In: *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 1, 94–98 (in Russ.).
2. Saidov, S. Sh. (2020). «Public Diplomacy» as a Socio-Political Phenomenon. In: *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*, 11-1, 178–180 (in Russ.).
3. McDaniel, K. P. (2025). *Soviet-American Cultural Diplomacy: The Bolshoi Theater's American Debut*. St. Petersburg: Bibliorossika Publ. (in Russ.).
4. Penkova, T. A. (2025). The Thaw as a Turn to Cultural Diplomacy (Based on Soviet-American Cultural Relations). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 63–74 (in Russ.).
5. Kagarlitsky, Yu. I. (1985). Priestley. In: *History of Western European Theatre. Vol. 7*. Moscow: Iskusstvo Publ., 232–254 (in Russ.).
6. Komarov, S. G. (2010). Traditions of «The Cherry Orchard» in the Dramas of J. B. Priestley and A. Bond. In: *Russian Language Abroad*, 4, 82–88 (in Russ.).
7. Chernova, Yu. V. (2017). John Boynton Priestley: The Development of a Playwright in the Literary and Historical Context. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 7-1, 79–80 (in Russ.).
8. Makarenko, L. V. (2023). «The Serious Writer» John B. Priestley: Strategies for a Writer's Creative Success. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 3, 731–736 (in Russ.).
9. Priestley, J. B. (1988). *Notes in the Margins: Artistic Journalism*. Moscow: Progress Publ. (in Russ.).
10. Skalnaya, Yu. A. (2024). The Formation of J. B. Priestley's Image on the Pages of the Literary Gazette in the 1930s–1960s. In: *Universum: Philology and Art Criticism*, 12, 18–26 (in Russ.).
11. Alferova, I. V. & Blokhin, V. F. (2020). The Foundation and Activities of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders (1942–1945). In: *BSU Bulletin*, 4, 12–13 (in Russ.).
12. Bakhtin, V. V. & Pripadchev, A. A. (2026). «Let Hundreds and Hundreds of Thousands of People Pass Here, Excited, Proud, Learning, and Preparing Themselves for New Battles and Labors». Preservation of the Military Memorial Heritage of the Feat of the Defenders and Residents of Leningrad During the Great Patriotic War: From Exhibition to Museum (1942–1945). In: *Military History Journal*, 2, 96–103 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахтин Виктор Викторович (г. Воронеж) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко;

e-mail: pedagogika51@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4735-7440

Припадчев Андрей Александрович (г. Воронеж) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I;

e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9689-1984

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Bakhtin (Voronezh) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Pedagogy and Humanities at N. N. Burdenko Voronezh State Medical University;

e-mail: pedagogika51@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4735-7440

Andrey Aleksandrovich Pripadchev (Voronezh) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History, Philosophy, and Socio-Political Disciplines, The Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University;

e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9689-1984

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 930.1(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-90-97

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ РОССИИ XIX В.

Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2*}, Иерусалимская С. Ю.¹, Иерусалимская А. Ю.¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
г. Ярославль, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: rectorat@uniyar.ac.ru

Поступила в редакцию 30.01.2026

После доработки 15.02.2026

Принята к публикации 22.02.2026

Аннотация

Цель. Выявить основные закономерности становления и развития отечественной исторической литературы (до начала XX в.) о морских экспедициях России XIX столетия.

Процедуры и методы. Проведён историографический анализ основных работ XIX в. освещающих историю морских экспедиций России указанного периода.

Результаты. В центре внимания находятся особенности интерпретации экспедиционной деятельности Российской империи в различные исторические периоды XIX в. и эволюция исследовательских подходов авторов, совершающих и изучающих отечественные морские путешествия и географические открытия. Показано, что историческая литература XIX в. формировалась преимущественно на основе трудов непосредственных участников экспедиций и отличалась описательно-документальным характером, ориентацией на практические задачи мореплавания, научные открытия и государственные интересы Российской империи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Делается вывод о том, что комплексное рассмотрение различных аспектов отечественной исторической литературы до XX в. позволяет глубже понять значение российских морских экспедиций как важного фактора формирования политического, научного и символического пространства Российской империи XIX столетия. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в преподавании общих и специальных курсов по истории России, историографии и исторической географии, при изучении истории географических открытий и научной жизни России XIX в.

© СС ВУ Иерусалимский Ю. Ю., Иерусалимская С. Ю., Иерусалимская А. Ю., 2026.

Ключевые слова: историческая литература, морские экспедиции, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллингаузен, Г. И. Невельской, Ф. Ф. Веселаго

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00171 в Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова, <https://rscf.ru/project/25-18-00171/>

Для цитирования:

Иерусалимский Ю. Ю., Иерусалимская С. Ю., Иерусалимская А. Ю. Становление и развитие отечественной исторической литературы о морских экспедициях России XIX в. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 90–97.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-90-97

Original research article

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE ON RUSSIAN MARITIME EXPEDITIONS OF THE 19TH CENTURY

Yu. Ierusalimskiy^{1,2*}, S. Ierusalimskaya¹, A. Ierusalimskaya¹

¹ P. G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: rectorat@uniyar.ac.ru

Received 30.01.2026

Revised 15.02.2026

Accepted 22.02.2026

Abstract

Aim. To identify the main patterns of the formation and development of Russian historical literature (before the beginning of the 20th century) about the 19th century Russian maritime expeditions.

Procedures and methods. A historiographical analysis of the main works of the 19th century covering the history of Russia's maritime expeditions during this period has been conducted.

Results. The focus is on the features of the interpretation of the expeditionary activities of the Russian Empire in various historical periods of the 19th century and the evolution of research approaches of authors who conducted and studied Russian maritime voyages and geographical discoveries. It is shown that historical literature of the 19th century was formed primarily on the basis of the works of direct participants in the expeditions and was characterized by a descriptive and documentary nature, an orientation towards the practical tasks of navigation, scientific discoveries, and the state interests of the Russian Empire.

Research implications. The article concludes that a comprehensive examination of various aspects of Russian historical literature before the 20th century allows us to gain a deeper understanding of the significance of Russian maritime expeditions as an important factor in shaping the political, scientific, and symbolic landscape of the 19th century Russian Empire. The materials and findings of the article can be used in teaching general and specialized courses on Russian history, historiography, and historical geography, as well as in studying the history of geographical discoveries and the scientific life of 19th century Russia.

Keywords: historical literature, maritime expeditions, I. F. Krusenstern, F. F. Bellingshausen, G. I. Nevelskoy; F. F. Veselago

Acknowledgements: The research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation no. 25-18-00171 at P. G. Demidov Yaroslavl State University, <https://rscf.ru/project/25-18-00171/>

For citation:

Jerusalemkiy, Yu. Yu., Jerusalemkaya, S. Yu. & Jerusalemkaya, A. Yu. (2026). The formation and development of Russian historical literature on Russian maritime expeditions of the 19th century. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 90–97. DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-90-97

Введение

XIX в. стал для России эпохой интенсивного морского и океанического освоения, сопряжённого с научными, военными и геополитическими задачами. Кругосветные плавания, антарктические исследования, экспедиции в Тихом океане и на Дальнем Востоке формировали не только картину мира, но и особый корпус текстов – дневников, отчётов, историко-географических описаний, а впоследствии и научных исследований. Историография морских экспедиций России XIX в. прошла определённую эволюцию: от описаний, тесно связанных с практикой мореплавания изучаемого столетия до создания обобщённых, пусть и кратких, трудов по истории русского флота.

Историческая литература о морских экспедициях XIX в. формировалась преимущественно самими участниками плаваний или их современниками. Для неё характерны документальность, внимание к навигационным, географическим и этнографическим деталям, а также ориентация на государственные и научные задачи.

Становление исторической литературы первой трети XIX в.: описательность и практико-научный подход

Классическим примером являются труды участников первых русских кругосветных плаваний. Эти плавания стали закономерным итогом борьбы за север Тихого океана между Россией, Англией и Испанией [1]. Первая в Российской им-

перии кругосветная экспедиция состоялась в начале XIX в. По её завершении капитан И. Ф. Крузенштерн опубликовал сочинение «Путешествие вокруг света в 1803–1806 годах». Этот труд написан научно-описательным жанром, имеются его личные наблюдения и географические и океанографические исследования¹. При этом важно помнить, что существует и иная точка зрения об этом плавании, высказанная камергером Н. П. Резановым [2]. Этой экспедиции современники посвятили немало трудов [3].

Аналогичную роль сыграла публикация, посвящённая кругосветной экспедиции Ф. Ф. Беллингаузена и М. П. Лазарева. Книга, изданная в 2 частях в 1831 г. в Санкт-Петербурге, стала первым подробным описанием этого знаменитого путешествия². Экспедиция проходила в период острого соперничества с Англией на Тихом океане [4], что наложило отпечаток на дальнейшие отчёты капитанов

¹ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. По повелению его императорского величества Александра Первого, на кораблях Надежде и Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга, Крузенштерна, Государственного Адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук члена. СПб.: Морская типография, 1809–1812. Ч. 1. 1809. 379 с.; Ч. 2. 1810. 471 с.; Ч. 3. 1812. 449 с.

² Беллингаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершённые на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством капитана Беллингаузена, командира шлюпа «Восток». Шлюпом «Мирный» начальствовал лейтенант Лазарев. СПб.: типография И. Глазунова, 1831. Ч. 1. 407 с.; Ч. 2. 331 с.

и подготовку книги. Ф. Ф. Беллинсгаузен детально описал маршрут экспедиции и научные наблюдения, привёл свои личные впечатления. В публикации приводились карты, схемы, рисунки, гравюры, картины и карандашные зарисовки, выполненные во время экспедиции её штатными участниками².

В этом же году вышел в свет «Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена». Атлас состоит из 19 карт и 45 литографий. Карты были составлены, по-видимому, самим Ф. Ф. Беллинсгаузеном, среди них «Генеральная карта Южного полушария с показанием вновь открытых островов», карты о. Георгия, Южных Сандвичевых и Южных Шетландских островов, о. Петра I, берега Александра I и др. Литографии для «Атласа» выполнены в императорской академии художеств на основе акварелей художника экспедиции П. Михайлова. На картинах изображены иностранные порты, острова и поселения, портретные зарисовки аборигенов тихоокеанских островов, образцы экзотической флоры и фауны [5].

Ф. Ф. Беллинсгаузен стремился к скорейшей публикации этого издания. Ещё в 1824 г. он предоставил Адмиралтейскому департаменту все материалы экспедиции для публикации: описания, карты, рисунки. Это было очень важно, т. к. именно в это время состоялись переговоры по определению границ между Россией, Великобританией и США¹. Однако издание состоялось только в 1831 г. тиражом не 1 200, как предполагалось изначально, а лишь 600 экземпляров.

Издания участников первых отечественных кругосветных плаваний стали важным вкладом в развитие мировой географической науки и доказали высокий уровень русского мореплавания первой половины XIX в.

¹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном Ледовитом океане и вокруг света в продолжении 1819, 1829 и 1821 годов / рисунки с натуры П. Михайлов. СПб.: [б. и.], 1831. [4] с., 64 л. ил.

Работы Г. И. Невельского

В середине XIX в. значительное место занимает литература, связанная с исследованиями Дальнего Востока. Труды Г. И. Невельского, прежде всего «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», представляют собой синтез мемуарного повествования и историко-географического анализа². Здесь морские экспедиции представляются как инструмент территориального и политического утверждения России. С чувством собственного достоинства и законной гордостью за своих сослуживцев и всю нашу страну, которую представлял российский военно-морской флот, Г. И. Невельской в одной из своих статей отметил: «Господь Бог, случай и обстоятельства мне дозволили сделать в Амурском крае, – всегда было моими единственными и надёжными адвокатами, и я смело могу сказать, что с теми ничтожнейшими средствами и при том положении, в каком я и все мои сослуживцы там находились, сделано всё, что мы только могли сделать»³.

«Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» Г. И. Невельского – это мемуарно-исторический труд, посвящённый освоению и исследованию Дальнего Востока России в середине XIX в. Автор – Г. И. Невельской – морской офицер, руководитель Амурской экспедиции, один из ключевых практиков дальневосточной политики Российской империи. Книга написана непосредственным участником и организатором экспедиций русского военно-морского флота. С точки зрения историографии труд Невельского занимает пограничное положение между мемуарами, официальным отчётом и историко-географическим описанием. Автор реконструирует

² Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 гг. Приамурский и Приуссурийский край. СПб.: Русская скоропечатня, 1878. 424 с.

³ Невельской Г. И. Ответ на письмо г-на Бошняка в редакцию Морского Сборника // Морской сборник. 1860. № 3. С. 76.

ход экспедиций, аргументирует их государственную значимость, полемизирует с оппонентами, в т. ч. внутри бюрократического аппарата Российской империи.

Основное содержание труда посвящено морским и речным экспедициям в Приамурье и на Сахалине, доказательству судоходности р. Амур, обоснованию принадлежности дальневосточных территорий России, роли морских офицеров в освоении региона. Невельской последовательно доказывает ключевой тезис: Дальний Восток – стратегически и географически неотъемлемая часть России, а морские экспедиции – основной инструмент его включения в имперское пространство.

В книге Г. И. Невельского морские экспедиции представлены прежде всего как конкретно-практическая деятельность, а не как чисто академическая наука. Морские экспедиции по аргументированному мнению офицера теснейшим образом связаны с государственными и военными задачами и выступают средством географического «доказательства» прав России на регион. Согласно Г. И. Невельскому, экспедиция – это разведка берегов, гидрографические съёмки, установление флагов и постов, контакт с местным населением. Научная составляющая (развитие картографирования, составление навигационных карт) в экспедициях присутствует, но подчинена задаче государственного закрепления территории.

Ключевая фигура книги – морской офицер-исследователь. Он представлен одновременно в 3 ипостасях: как носитель дисциплины и знания; как представитель государства и как человек долга и инициативы. Невельской формирует особый тип нарратива: морской офицер – это одновременно учёный, военный и администратор. Этот образ станет устойчивым в описании морских экспедиций в литературе второй половины XIX в.

Для отечественной историографии труд Г. И. Невельского важен сразу в нескольких аспектах: как первичный ис-

точник по истории дальневосточных экспедиций, как пример экспедиционного нарратива XIX в, как текст, формирующий имперскую аргументацию, как свидетельство взаимодействия науки, флота, политики и геополитики.

Для исторической литературы морских экспедиций XIX в. работа Г. И. Невельского выступает в качестве одного из ключевых трудов. Книга ценна не как нейтральная история, а как репрезентация экспедиционного мышления эпохи.

Труды Ф. Ф. Веселаго

Для раскрытия нашей темы показательно обобщающие труды по истории Русского флота и географических открытий, где экспедиции XIX в. анализируются в системной связи с государственным развитием и международными отношениями. Остановимся на работах Ф. Ф. Веселаго. Феодосий Фёдорович Веселаго – профессиональный морской историк, офицер, специалист по архивам Морского ведомства. Это принципиально важно: исследования написаны изнутри морской традиции, а не «со стороны» гражданской историографии.

В небольшом по объёму биографическом очерке Ф. Ф. Веселаго «Адмирал Иван Фёдорович Крузенштерн»¹ показана многоплановая деятельность и экспедиции знаменитого русского мореплавателя, включая первое российское кругосветное плавание в 1803–1806 гг. В «Краткой истории Русского флота» (вып. 2) автор довёл ход событий до конца правления Александра I².

В его работах по существу даётся история флота как государственной институции. Ф. Ф. Веселаго рассматривает русский флот как инструмент внешней политики, важный элемент военной и научной мощи государства, структура, тесно связанная с экономикой.

¹ Веселаго Ф. Ф. Адмирал Иван Фёдорович Крузенштерн. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. 16 с.

² Веселаго Ф. Ф. Краткая история Русского флота. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. 462 с.

Для изучения развития отечественного военно-морского образования важную роль играет книга Ф. Ф. Веселаго «Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет» (СПб., 1852), где упоминается в начале в качестве кадета, а много лет спустя в качестве директора корпуса адмирал И. Ф. Крузенштерн и другие русские мореплаватели XIX столетия¹. В 1852 г. Ф. Ф. Веселаго за данную работу получил Демидовскую премию.

Вышеперечисленные классические обобщающие труды по истории российского военно-морского флота и в наши дни активно используются исследователями. Работы Ф. Ф. Веселаго – это сжатое, но системное изложение истории флота от его зарождения до первой четверти XIX в. включительно. Его книги отличаются высокой насыщенностью фактическим материалом.

Флот у Ф. Ф. Веселаго – не просто корабли и сражения, а эффективно работающая система: кадры, училища, экспедиции, научные задачи. Хотя его публикации на первый взгляд посвящены только военно-морской истории, в них можно выяснить, что морские экспедиции, и, в частности, первой четверти XIX в. – это естественное продолжение развития флота и внимания к нему со стороны государства.

В контексте XIX в. Ф. Ф. Веселаго показывает кругосветные плавания, исследования Мирового океана, гидрографические и картографические работы. Экспедиции у него рассматриваются как эффективный способ подготовки офицерских кадров; как средство научного и геополитического присутствия России.

Для нашей темы особенно важно, что период с конца XVIII до середины XIX в. у Ф. Ф. Веселаго занимает важное место, потому что именно тогда российский флот превращается в профессиональную систему; мореплавание соединяется с

наукой; экспедиции становятся регулярными и планируемыми государством. Морские путешествия XIX в. трактуются не как «отдельные подвиги», а как структурный элемент развития флота.

Из работ Ф. Ф. Веселаго видно, что экспедиционная деятельность в XIX столетии являлась органической частью всего предшествующего развития военно-морского флота Российской империи и рассматривалась государством как важнейший элемент военно-научной подготовки и внешнеполитического присутствия. При этом персональный героизм мореплавателей несколько отступал на второй план, уступая место изучению роли государства, императоров и руководителей военно-морского ведомства как организаторов экспедиций².

Заключение

Проведённый анализ дореволюционной исторической литературы, посвящённой морским экспедициям России XIX в., позволяет говорить о поступательной и в то же время неоднородной эволюции исследовательских подходов к данной теме. Изменение научных парадигм отражалось на способах интерпретации экспедиционного наследия, выборе источников и постановке исследовательских задач. Историография XIX столетия заложила фундамент документального осмысления российских морских экспедиций. Труды участников плаваний и их современников сформировали корпус историографических источников, который до настоящего времени сохраняет высокую научную ценность. В этих работах экспедиции рассматривались прежде всего как акт служения государству и науке, а географические открытия, навигационные наблюдения и этнографические описания осмысливались в логике прогресса и роста национального престижа России. При этом для работ 1830-х – 1890-х гг. характерны геро-

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 192, приложение с. 30 и др.

² Веселаго Ф. Ф. Краткая история Русского флота. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. 462 с. и др.

изация российских мореплавателей и законная гордость за результаты освоения империей Мирового океана и совершённых географические открытия.

Таким образом, комплексное рассмотрение различных аспектов отечественной исторической литературы 1830-х –

1890-х гг. позволяет глубже понять этапы становления историографии темы и выяснить значение российских морских экспедиций XIX в. как важного фактора формирования политического, научного и символического пространства Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров А. Ю., Троицкая Л. М. Изучение Россией, Великобританией и Испанией возможностей колонизации северо-запада Тихого океана в XVIII веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 619–631.
2. Петров А. Ю. Формирование внешнеполитической программы России на севере Тихого океана в начале XIX века (новые источники) // Американский ежегодник / отв. ред. проф. В. В. Согрин. 2024. М.: Весь мир, 2024. С. 322–339. DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-322-339
3. Нешкес О. В. Медиа России о Первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 годов // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 3. С. 76–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-3-76-86
4. Петров А. Ю. Россия и Великобритания в борьбе за Тихоокеанский рынок в первой половине XIX века // Евразийский ежегодник. 2025. № 3. С. 38–58. DOI: 10.22455/2949-5865-2025-3-38-58
5. Петров А. Ю. Договоры о границе на Аляске между Россией, США и Великобританией, 1824–1825 годы // Новая и новейшая история. 2025. № 5. С. 31–44. DOI: 10.7868/S3034600225050039

REFERENCES

1. Petrov, A. Yu. & Troitskaya, L. M. (2025). The Study of Colonization Possibilities in the Northwest Pacific Ocean by Russia, Great Britain, and Spain in the 18th Century. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 24-4, 619–631 (in Russ.).
2. Petrov, A. Yu. (2024). The Formation of Russia's Foreign Policy Program in the North Pacific Ocean at the Beginning of the 19th Century (New Sources). In: Sogrin, V. V., ed. *American Yearbook 2024*. Moscow: Ves' Mir Publ., 322–339. DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-322-339 (in Russ.).
3. Neshkes, O. V. (2025). Russian Media on the First Russian Round-the-World Expedition of 1803–1806. In: *Humanitarian Vector*, 20-3, 76–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2025-20-3-76-86 (in Russ.).
4. Petrov, A. Yu. (2025). Russia and Great Britain in the Struggle for the Pacific Market in the First Half of the 19th Century. In: *Eurasian Yearbook*, 3, 38–58. DOI: 10.22455/2949-5865-2025-3-38-58 (in Russ.).
5. Petrov, A. Yu. (2025). Treaties on the Alaskan Boundary between Russia, the USA, and Great Britain, 1824–1825. In: *Modern and Contemporary History*, 5, 31–44. DOI: 10.7868/S3034600225050039 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский Юрий Юрьевич (г. Ярославль) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, ведущий научный сотрудник Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID:0000-0003-4189-3055

Иерусалимская Светлана Юрьевна (г. Ярославль) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID: 0000-0001-9587-7216

Иерусалимская Анастасия Юрьевна (г. Ярославль) – стажёр-исследователь Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri Yu. Ierusalimskiy (Yaroslavl) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department of Russian Medieval and Modern History, Leading Researcher at the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values at P. G. Demidov Yaroslavl State University; Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID:0000-0003-4189-3055

Svetlana Yu. Ierusalimskaya (Yaroslavl) – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P. G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; ORCID: 0000-0001-9587-7216

Anastasia Yu. Ierusalimskaya (Yaroslavl) – Research Intern, Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P. G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Научная статья

УДК 93(94)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

АНАЛИЗ ЭПОХИ НАРОДНИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Л. Н. ТОЛСТОГО, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И И. С. ТУРГЕНЕВА

Камнева Г. П.¹, Сотников А. А.^{1*}, Сотников С. А.²

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Главный информационно-вычислительный центр министерства культуры России

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: microlabussssss@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2025

После доработки 28.12.2025

Принята к публикации 15.01.2026

Аннотация

Цель. Анализ отражения идей народничества в русской литературе XIX – начала XX вв. В качестве примера рассмотрены взгляды Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева.

Процедура и методы. Проведён анализ народнического движения через призму мировоззрения писателей русской литературы в историческом осмыслении, историографический анализ взглядов и оценок отечественных исследователей на протяжении эпох. Теоретико-методологическая база исследования: описательный метод (приёмы наблюдения, сопоставления, обобщения), источниковедческий анализ, биографический метод, метод анализа и метод моделирования.

Результаты. Показана взаимосвязь творчества русских писателей и идей революционных народников.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы для проведения внеурочной проектной деятельности.

Ключевые слова: движение народовольцев, радикализация общественного движения, мировоззрение русских писателей, анализ эпохи народничества, оценка отечественных исследователей народничества

Для цитирования:

Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Эпоха народничества через призму мировоззрения писателей русской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 98–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

Original research article

ANALYSIS OF THE POPULISM ERA THROUGH THE LENS OF THE WORLDVIEW OF RUSSIAN WRITERS: L.N. TOLSTOY, F.M. DOSTOEVSKY, AND I.S. TURGENEV

G. Kamneva¹, A. Sotnikov^{1*}, S. Sotnikov²

¹ Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

² Main Information and Computing Center of the Russian Ministry of Culture Moscow,
Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: microlabussssss@mail.ru

Received 16.11.2025

Revised 28.12.2025

Accepted 15.01.2026

Abstract

Aim. An analysis of how populist ideas were reflected in Russian literature of the 19th and early 20th centuries. The views of Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Ivan Turgenev are examined as examples.

Methodology. The analysis of the populist movement through the prism of the worldview of Russian literature writers in historical reflection, historiographical analysis of the views and assessments of domestic researchers throughout the ages. Theoretical and methodological base of research: descriptive method (observation, comparison, generalization techniques), source analysis, biographical method, analysis method and modeling method.

Results. The study demonstrates a connection between the works of Russian writers and the ideas of the populist movement.

Research implications. The practical significance of this research lies in the fact that historical materials can be used for extracurricular project activities.

Keywords: populist (Narodnik) movement, radicalization of the social movement, worldviews of Russian literary writers, analysis of the populist (Narodnik) era, assessment of Russian researchers of populist movement (Narodnikism)

For citation:

Kamneva, G. P., Sotnikov, A. A., Sotnikov, S. A. (2026). The populism era Through the Lens of the Worldviews of Russian Writers: Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Ivan Turgenev In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 98–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-98-110

Введение

Народничество – социальное идеологическое течение в России второй половины XIX в., в рамках которого главной целью объявлялось сближение интеллигенции с народом для построения общинного социализма.

В интеллигенцию входили люди, имевшие высшее образование и занимавшие-

ся умственным трудом: представители дворянского сословия, разночинцы, военные и гражданские чиновники и многие другие. Но большую часть населения Российской Империи составляли именно крестьяне, которые имели низкий уровень образования и жизни в целом.

Народническая философия была связана с критикой того обстоятельства, что

образованное общество потеряло связь с крестьянским сословием, и этот разрыв становился всё сильнее с каждым годом. Связь нужна для строительства социалистического общества, где больше не существует никаких сословий, и все люди равны между собой. Главная опора социализма – бесправные земледельцы, на которых сосредоточено всё внимание. Только в них есть истинная справедливость, т. к. они не подвержены влиянию извне. Они сильнее страдают, переносят тяготы жизни, и при этом их абсолютное большинство. А значит, они являются настоящим лицом русской нации.

Война 1812 г. развила чувство национальной идентичности, способствовала формированию русского языка. Идеология была сформирована путём искусственной изоляции, когда у интеллигенции появилась жажда сближения, стремление разрушить стены.

«Социалисты-революционеры» (именно так называли себя народovolьцы) не отказались от мысли поднять крестьянство на социальную революцию, по-прежнему видя в нём, а не в рабочих, свою главную силу. Правда, в отличие от своих предшественников, самостоятельность народных масс, их политическое и гражданское сознание они собирались развить уже после свержения самодержавия. Поражение «Народной воли», резкий спад практического революционного движения после событий 1 марта 1881 г., неудачные попытки создать новую организацию народников – всё это означало, что крестьянский общинный социализм в качестве революционной теории и главного знамени освободительного движения себя исчерпал [1].

1 марта 1881 г. в истории России произошли 2 судьбоносных, но почти противоположных по своему значению события. Во-первых, император Александр II дал согласие на обсуждение 4 марта в Совете министров проекта, подготовленного министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, о созыве 2 комиссий по

административно-хозяйственным и финансовым вопросам для обсуждения будущих реформ, получившего впоследствии в историографии название «конституция М. Т. Лорис-Меликова». Несмотря на то, что это не было конституционным проектом в прямом смысле, его реализация действительно могла способствовать постепенной эволюции государственного строя Российской империи в направлении конституционной монархии. Во-вторых, в этот день народovolьцы совершили очередное покушение на Александра II, в результате которого он был убит. Убийство императора резко изменило политическую ситуацию в стране и поставило под сомнение реализацию проекта М. Т. Лорис-Меликова, учитывая консервативные взгляды наследника престола великого князя Александра Александровича и влияние на него ещё большего консерватора К. П. Победоносцева [2].

Народничество во многом предопределило будущее России. И в наше время заметны его отголоски. Критика капитализма, стремление к коллективизму и вера в особый путь – все эти характерные черты впервые были сформулированы народovolьцами.

Творчество писателей той эпохи стало отражением происходивших событий. Произведения знаменитых авторов являлись способом высказаться и передать свои мысли не только современникам, но и будущим поколениям. Романы «Бесы», «Отцы и Дети» стали классикой русской литературы.

Оценки историками представления народничества в русской литературе претерпевали изменения в зависимости от изменения политической ситуации в России [3].

«Первые русские социалистические идеи были буквальным переносом, воодушевлением тем или иным из западноевропейских идей – при этом и в 1830-е, и в 1840-е очень далёкими от политических импликаций сами по себе, оказываясь политически значимыми через сочетание с

другими устремлениями – республиканского, демократического плана» [4, с. 49].

Помимо произведений классиков русской литературы, для понимания заданной темы необходим также анализ работ классиков народнической мысли: трудов П. Л. Лаврова (например, «Исторические письма, и народники-пропагандисты», где прослеживается мнение учёного о значимости истории и других наук); труда М. А. Бакунина «Исповедь и письмо Александру II», написанного в тюрьме, где он отрекается от своих былых политических взглядов, признаёт свою вину и понимает высокую значимость самодержавия. Благодаря этому историческому источнику можно проследить как и каким образом тюрьма оказывает давление на заключённого. Изучены монографии современных исследователей: Г. Н. Мокшина [5], А. В. Воронихина [6], Б. Н. Тихомирова [7], Ю. А. Зеленина [8] и др. Мокшин рассматривает дискуссии и полемику в историографии между историками (в частности историка Троицкого), Зеленин – различные оценки историков о принадлежности Л. Н. Толстого к движению народничества [9]; Б. Н. Тихомиров – историю «Катехизиса революционера», роль этой доктрины и отношение участников к этому документу; Н. Д. Литвинов в работе «Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны» [10] изучает происшедшие события с точки зрения внешней политики и взаимоотношений с Западом, где Европа является главным виновником в формировании террористических кружков. Работа является поверхностной, и деятельности Веры Засулич уделено мало внимания. Игнорируются и другие внутренние проблемы того времени: системный кризис, нерешённые вопросы касательно земли и крестьянства. Самодержавие как явление показывается только с лучшей стороны. Однако, в отличие от других авторов, эта монография поднимает тему иностранного вмешательства, что с точки зрения геополитики является возможным.

В. А. Китаев рассмотрел отношение писателя И. Тургенева к революционному делу через его оценку революции 1848 г. во Франции и материальную помощь революционерам-эмигрантам. Ю. С. Финько изучила взгляд Ф. Достоевского на движение народничества на основе дневников писателя и его произведений, обозначив основные черты его концепции христианского народнического социализма [11]. Писатели, в т. ч. Достоевский, подмечали и отражали в своих произведениях появление «новых людей» и присущих им новых взглядов. В. Ю. Захаров поднял вопрос о проекте «конституции» М. Т. Лориса-Меликова [2], которую можно рассматривать и в контексте реакции власти на идеи народников, и в связи с борьбой придворных группировок за власть (линия Лорис-Меликов – Победоносцев), а также в контексте борьбы внутри царской семьи в связи с планами Александра II объявить детей от княгини Екатерины Долгоруковой законными наследниками.

Любой исторический процесс оказывается средоточием разных интересов и общественных процессов. В результате чего, стремясь к одному, политические деятели очень часто вызывают совершенно иные, подчас прямо противоположные, последствия. Несомненно, взгляды писателей оказывают влияние на умы молодёжи (см., например [12]), становясь самостоятельным фактором и часто раздувая до невероятных размеров то, что могло бы быстро затухнуть.

Народничество во взглядах классиков русской литературы (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского)

Русская классическая литература всегда служила точным отражением социально-экономических и нравственных проблем российского общества. Литературный процесс, неразрывно связанный с контекстом своей эпохи, активно способствовал формированию передовых социальных воззрений. Позиция авто-

ров, будь то выраженная открыто или завуалированно, неизменно находила понимание у читателей и вызывала широкий общественный резонанс.

Народничество, так же, как и любое другое социально-политическое движение, оказало влияние на русское национальное самосознание и, как следствие, на русскую культуру. Особенно заметным это воздействие было в 1870–1880-е гг. XIX в. В литературе даже сформировалось отдельное направление – «народническая беллетристика», представленная такими авторами, как Г. Успенский, Н. Златовратский, Е. Каротин, П. Засодимский и др. Однако наиболее значимой фигурой в этом контексте, несомненно, является Л. Н. Толстой, чьё мировоззрение иногда характеризуют как особую форму народничества – религиозное народничество. Неудивительно, что о Толстом и его учении активно писали практически все видные представители революционно-социалистического народничества, включая П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

В 1860-е годы Л. Н. Толстой, находясь под сильным впечатлением от разрыва с кругом П. Г. Чернышевского, относился к движению народничества крайне враждебно. Это проявилось в двух его «антинигилистических» пьесах: «Заражённое семейство» (1864) и «Нигилист» (1866). Подтверждением антинигилистических настроений Толстого того периода служит и его негодующий отклик на покушение народника Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.

Однако к 1870-м гг. взгляды писателя меняются. Народничество становится для него залогом оздоровления России. Толстой смог оценить народников как «лучших, высоконравственных, самоотверженных, добрых людей». Он начал изображать их именно такими: среди них – политические ссыльные Сименсон, Набатов, Щетинина, Крыльцов из романа «Воскресение», а также герой рассказа «Божеское и человеческое» (1906) Свет-

логу, прототипом которого стал реальный Дмитрий Лизогуб.

По мнению Толстого, деятельность революционеров-пропагандистов была «законной». Он отмечал, что «им задержали эту деятельность — явились бомбы...» и подчёркивал: «Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры».

Ещё до суда над первоапрельцами, Толстой написал письмо Александру III, в котором убеждал царя в бесплодности репрессий против революционеров: «убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал».

Как и многие другие приверженцы народнического движения, писатель отрицал путь капитализма и поддерживал крестьянское сословие; благодаря Л. Толстому появляется его авторская версия народнической идеологии, вошедшая в историю под названием «толстовство». В отличие от народников-террористов, Толстой отрицал революционный путь. Поэтому некоторые историки, например, В. Г. Хорос, отмечали у Толстого только лишь «народнические тенденции» [13].

Идеолог П. Л. Лавров в своём труде «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)» характеризует взгляды Толстого как «слепое народничество» и критикует его за отрицание науки, искусства и за проповедь «непротивлению злу силою». Д. Н. Овсяннико-Куликовский называет мировоззрение писателя «новой вариацией старого народничества» [9, с. 277].

Среди виднейших писателей-реалистов, не разделявших революционных методов преобразования действительности, но утверждавших своим творчеством настоятельную потребность в

таких переменах, особое место занимает И. С. Тургенев. Его проза, представленная романами, повестями и рассказами, являлась излюбленным чтением передовой молодёжи, впоследствии вовлечённой в движение «в народ» и революционную деятельность. Значительное влияние Тургенева на русское общество было отмечено в работах П. Л. Лаврова, С. М. Степняка-Кравчинского и других исследователей.

Не все писатели разделяли симпатии к народовольцам. Одним из тех, кто активно «разоблачал» их, стал Ф. М. Достоевский.

Достоевский прошёл сложный путь в своём отношении к социально-политическим изменениям в стране. В первой половине XIX в. он разделял социалистические идеалы и состоял в кружке петрашевцев. Тогда он был известен среди нигилистов как активный сторонник революции, убеждённый в необходимости восстановления потерянной связи между народом и интеллигенцией, не дающей народу воспринимать достижения европейской цивилизации. Но Достоевскому и тогда были чужды радикальные идеи, поскольку западные социалистические проекты шли в разрез с русским национализмом.

Арест, каторга, показательная казнь, армия и ссылка в Сибирь сильно сказались на взглядах писателя. Достоевский окончательно принял позицию, что России вместо разрушения необходимо медленно, но грамотно подходить к изменениям. И этот способ намного лучше любой кровавой революции. Так, вместо нигилизма, анархии и социализма Ф. М. Достоевский переходит к консервативному течению и идёт по пути православия.

Неистребимость революционного движения приводила бывшего петрашевца в ярость и смятение. Обстоятельства предоставили ему богатый материал для нанесения, как он считал, сокрушительного удара по противникам. В ноябре

1869 г. в парке Земледельческой академии 5 членов революционной организации «Народная расправа» заманили в отдалённую часть парка своего товарища, который ставил под сомнение распоряжения руководителя организации С. Г. Нечаева, и зверски убили его. В Москве и других городах страны начались аресты. Первые же допросы выявили, что основой политической борьбы Нечаев провозглашал вседозволенность, используя в революционной практике подлог, шантаж, мистификации и убийства для достижения целей.

«Нечаевское дело» потрясло Достоевского, давно вынашивавшего замысел обратиться к теме революционеров, нигилистов и противников традиционных устоев. Писатель был в ужасе, увидев, куда бывшие соратники толкают Россию. В результате появился роман-памфлет «Бесы» с гротескными персонажами, призванными предупредить о нависшей угрозе, прокричать о губельных увлечениях, разрушающих устои. В этом произведении Достоевский стремился покаяться в своих прежних заблуждениях и осмыслить страдания, пережитые в молодости и преследовавшие его более 20 лет.

В романе «Бесы», опубликованном в «Русском вестнике» в 1871–1872 гг., Достоевский изобразил народников, с которыми был лучше всего знаком по «нечаевскому делу». Автор стремился не столько опровергнуть революционеров и их теории, которые, по его мнению, не заслуживали полемики, сколько скомпрометировать их, показать их уродливость, беспринципность и нравственный цинизм.

Как и предполагал писатель, его литературное произведение спровоцировало лавину разнообразных и полярных рецензий. Выход в свет «Бесов», творения, как метко отметил М. Е. Салтыков-Щедрин, «руками, дрожащими от гнева», породил настоящую бурю негодования, охватившую как круги народников, так и литературное сообщество.

Достоевский наряду с другими критиками становится одним из главных идеологов «почвенничества» [11]. Главная цель этой доктрины – найти истинную, присущую только русскому народу, мысль, которая вобрала в себя всё самое лучшее от славянофильства и западничества. Название этого идеологического направления обыгрывало понятие «народная почва», воссоединиться с которой предлагалось русскому обществу. Очень ярко это выразилось в его романе «Братья Карамазовы».

Противником нигилизма оказался и И. С. Тургенев, определивший своё отношение в романе «Отцы и дети», где он критикует популярную в то время идею нигилизма: главный герой Базаров отрицает любовь, дружбу и любые человеческие ценности. В негативном смысле затронута тема революционного народничества и в романе «Новь».

В романе «Новь» Тургенев мастерски уловил и художественно передал зарождающееся народническое движение начала 1870-х гг. Анализируя Россию пореформенной эпохи и размышляя о её будущем, писатель пришёл к выводу, что дворянство как класс исчерпало свою историческую роль. Оно не только не способствовало развитию прогрессивных общественно-экономических отношений, но и активно препятствовало ему. Идею дальнейшего поступательного развития России в «Нови» Тургенев связал не с дворянством, а с выходцами из народа, с простыми и находчивыми Соломинскими.

После «Нови» Тургенев создал стихотворения в прозе «Чернорабочий и белоручка» (1878) и «Порог». Хотя литературоведы, как правило, относят «Порог» к 1878 г. связывая его с делом Веры Засулич, некоторые современники Тургенева, например П. Л. Лавров, А. И. Зунделевич и Н. С. Русанов, утверждали, что произведение было написано как реакция на казнь С. Л. Перовской в 1881 г.

Тургенев причислял себя к либералам, выступал за постепенные реформы. Писатель искренне верил в возможность объединения старого поколения (либералов) с новым (народничеством), чтобы довершить начатые реформы 1861 г. Он готов был взять на себя центральную роль в русском освободительном движении и мечтал вернуться в Россию.

Писатель не верил, что народovolьцы могут навредить царю. Но когда произошло покушение Соловьёва на Александра II, то он остро осудил революционеров, посчитав, что этот поступок усилит конфликт между правительством и радикальной молодёжью, кроме того, может пострадать и либеральная общественность, не имевшая никакого отношения к подобным делам. И. Тургенев верил в то, что Александр II и его реформы помогут преобразовать Россию и избежать насильственного свержения власти. А его убийство может просто прервать поэтапный прогресс, накопленный на протяжении многих лет. Тургенев верил, что реформы должны происходить только сверху, а не снизу, от нижних слоёв населения.

Писатель всячески выступал против революции и насилия. Считал, что пореформенная Россия пока не готова к свержению старого порядка, т. к. нет единой силы, у которой была единая цель. Если во Франции все были единодушны, то у Российской империи общее течение отсутствовало, и вместо него были реакционеры, либералы и радикалы.

Убийство Александра II потрясло Тургенева, и в письме к П. В. Анненкову выразил надежду, что преемник царя не будет мстить, а предпримет наказание, тем самым предупредив общество. Писатель оплакивал в этой ситуации обе стороны: погибшего в муках царя и тех, кто его убил. По его мнению, та борьба, которая велась нигилистами-народниками не имела под собой никакого смысла и только мешала государственным преобразованиям.

П. Л. Лавров и его современники указывали на неистовое и негативное отношение Тургенева к деятельности организации «Народная воля». Писатель был разочарован в молодёжном движении. Историк Н. К. Пиксанов отметил, что никто другой, как автор «Нови», активно интересовался движением народничества; общался с представителями революционного движения – Лавровым, Лапатыным. Несмотря на попытки народников склонить И. С. Тургенева на свою сторону, он непоколебимо продолжал придерживаться своей чёткой позиции. При этом он вдохновлялся радикальной молодёжью и женщинами-террористками готовыми лишиться всего, что у них есть в жизни. Посвящал им стихотворные прозы и целые романы.

Российская историография о народничестве

Тема народничества в историографии обсуждается до сих пор (см. например [14]). На протяжении десятилетий оценка по отношению к народничеству неоднократно менялась. Так в 1920-х и в первой половине 1930-х гг. историки Ю. М. Стеклов, С. И. Мицкевич, М. Н. Покровский, И. А. Теодорович и Б. И. Горев рассматривали это движение как прямого предшественника большевизма. Н. Н. Батурич наоборот критиковал позицию Мицкевича и считал, что приёмником русского якобинства являются вовсе не большевики, а социал-революционеры. Ю. М. Стеклов считал М. А. Бакунина «...первым основоположником идеи Советской власти». Е. М. Ярославский видел ошибки народничества в непонимании устройства общества, в непонимании сути капитализма, роли государства, крестьянской общины и других аспектов. Всякое государство воспринималось народничеством как абсолютное зло, и они не верили, что народ может построить свою собственную иерархию. Тем не менее историк выделил и положительные итоги этого движения. Например, они

смогли поднять огромное количество разночинцев на путь революционной борьбы, что, в свою очередь, способствовало распространению пропаганды.

В. И. Ленин неоднократно упоминал Н. И. Кибальчича, С. Н. Халтурина, А. И. Желябова и И. Н. Мышкина ярких представителей народнического движения, ставших образцами подражания для целого поколения. По его мнению, их революционная активность хотя и не привела к успеху, будучи направлена неправильным путём, но показала неустойчивость царского режима. Усиление власти И. В. Сталина во второй половине 1930-х гг. сопровождалось негласным запретом на положительную оценку народников. Органы госбезопасности репрессируют оставшихся в живых представителей эсеровской партии, считавших себя прямыми наследниками идей народничества. А террор как метод борьбы с государственной жестокостью объявляется в СССР одним из самых страшных государственных преступлений. При Н. С. Хрущёве, на фоне осуждения сталинских репрессий на XX съезде КПСС, отношение к народникам становится более терпимым. В советской историографии было принято подчёркивать их политическую незрелость, но сочувствовать их жертвенности. Одновременно с этим всячески не приветствовался анализ какой-либо связи между идеями народников и работами русских экономистов-крестьяноведов, подвергнутых репрессиям (А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева и других).

С распадом СССР и уменьшением цензуры в научных кругах началась дискуссия по поводу революционного терроризма. «Спор историков» о народниках не оказал существенного влияния на общество. По сути, спор шёл о праве представлять официальную научную позицию. «Старики» защищали выводы своих старых диссертаций, дающих право на занятие постов в официальной академической науке и в высшей школе. «Молодые» отстаивали своё право сменить ста-

риков. Наиболее заметным из «стариков» оказался саратовский историк Н. А. Троицкий, в активе которого было множество трудов о революционном движении XIX в. Его принято относить к классической советской школе народниковедения, сформированной Н. Г. Седовым. Троицкий считал революционеров героями и мучениками [15]. По его мнению, до проведённого царским режимом в 1878 г. «процесса 1930-х», закончившегося каторгой и ссылкой для большинства активных участников «хождения в народ», протест народников носил исключительно мирный характер и сводился к пропагандистской активности. А «красный террор» народников стал ответом на «белый террор» царской власти¹.

В 1995 г. центр «Мемориал» и объединение молодых историков «Левый исторический клуб» организовали в Москве конференцию, посвящённую политическому террору. Троицкий выступил на ней с программным докладом «Народная воля и Красный террор». «Судьба партии «Народная воля» трагична вдвойне: как субъект истории она прошла сначала сквозь шквал репрессий со стороны царизма (не счесть её жертв – повешенных, расстрелянных, загубленных в тюрьмах и каторжных норах), а потом, уже как исторический объект, – сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков и публицистов, вплоть до сегодняшних. Все её критики – царские, советские и посткоммунистические – изображают «Народную волю» партией террористов, занятой главным образом покушениями на Александра II. Так считали даже некоторые серьёзные историки (М. Н. Покровский, М. В. Нечкина), не говоря уже о многочисленных журналистах, которые ныне дилетантски утрируют такой взгляд»².

¹ Троицкий Н. «Народная воля» и её «красный террор» [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал. [сайт]. URL: https://scep sis.net/library/id_744.html?ysclid=mn5oyj9uui455511616 (дата обращения: 16.10.2025)

² Там же.

Основные тезисы Троицкого сводились к объявлению террора вспомогательным инструментом, используемым «Народной волей». А также к оправданию «красного» террора «белым» террором с указанием на то, что Александр II одобрил не конституцию Лорис-Меликова, но лишь признал её основную мысль, – привлечение общества к обсуждению законов.

Раскритиковав практически всех, кто касался темы народничества, Троицкий вызвал на себя огонь критики со стороны других участников конференции. В частности его позицию раскритиковали Г. С. Кан и Ф. М. Лурье. Первый указывал на мировоззренческие разногласия внутри партии, особенно по поводу террора (в частности, Н. А. Морозов считал террор главным видом политической борьбы). Второй отмечал, что любое покушение, какими бы идеалами оно не подкреплялось, является уголовным преступлением, которое не поддаётся никаким оправданиями.

Надо сказать, что выступление Троицкого и реакция на него прозвучали в ситуации почти полной утраты популярности темы народничества в отечественной историографии, случившейся в 1990-е годы. Кафедра истории России Саратовского университета, где работал историк, оказалась едва ли не единственным оставшимся центром по его изучению.

В дальнейшем Троицкий несколько раз вызывал возрождение спора своими полемическими статьями, в которых в резкой форме обрушивался на коллег по историческому цеху. В 1997 году молодой историк Г.С.Кан публикует монографию, посвящённую организации «Народная воля». Оценка народовольцев Каном была резко негативной. Троицкий публикует рецензию, где называет книгу Кана ещё одним судом над народовольцами.

Спор Кана и Троицкого, как и все прочие обсуждения темы, содержал в себе больше полемики, чем фактологии. Не-

сомненно, однако, что речь шла о выборе оценки прошлого, определяющем оценку настоящего.

В начале 1999 года журнал «Отечественная история» опубликовал материалы круглого стола, посвящённого издаваемому в Саратове сборнику «Освободительное движение в России». Большая часть участников круглого стола – Е. Л. Рудницкая, С. В. Тютюкин, В. Я. Гросул, В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг и О. И. Киянская – выступили с очередным «разоблачением» идей Троицкого. Твардовская и вовсе предложила переименовать сборник «Освободительное движение в России» в «Саратовские исторические записки», подчеркнув, что считает мнение Троицкого маргинальным. Главным в критике стало неприятие марксистского взгляда на историю народнического движения.

Наиболее взвешенная позиция относительно традиционного, марксистского взгляда на народничество принадлежит Р. А. Арсланову. Арсланов видел недостатки народничества в плохой теоретической программе, делающей её невозможной в реализации. В 2000-х гг. от оголтелого неприятия марксистского подхода, – и, в частности, ленинской трактовки народничества как второго этапа российского освободительного движения, – к попытке соединить «левый» и «правый» подходы. Удивительным образом, историки отталкивались при этом от работ Троицкого. Будучи провинциальным историком, он, тем не менее, оставил после себя самые фундаментальные работы по исследуемой теме.

В сегодняшний дискурс о народничестве добавились также различные конъюнктурные оценки. Например, историк Н. Д. Литвинов объявил народничество частью «гибридной» войны Запада против России, таких взглядов придерживается [10]. Автор считает, что Европа использует оппозиционный резерв для подрыва внутритропитической обстановки в России. «Гибридную» войну Запад начал

как раз после отмены крепостного права. Литвинов называет первую организацию «Земля и воля» структурой Запада. Внутритропитическая обстановка взаимосвязана с геополитическими событиями. Так, «хождение в народ», целью которого являлось поднятие крестьян на восстание, и есть часть нетрадиционной войны. В это время Российская империя активно расширяла своё влияние в сторону Средней Азии. Именно это и стало раздражать Англию, т. к. она опасалась за свои колониальные владения.

При этом, никто из историков не пытался исследовать вопрос о перекличке идей народников и русских писателей. В частности, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Между тем, это направление исследования позволяет показать народничество в контексте развития русского общества XIX века и ответить окончательно на вопрос, было ли оно «естественным» для России.

Заключение

Народничество – это идеологическое течение, направленное на достижение всеобщего равенства, сориентированное на крестьянскую общину как социальный идеал. Его истоки и общественное значение в значительной мере связаны с русской литературой XIX вв., находившейся, как и вся русская общественная мысль, под очень сильным влиянием немецкой и французской философии. Движение народников было неоднородным: несмотря на общие черты и идеи, каждый представитель движения по-разному видел будущее России и использовал разнообразные методы борьбы [16]. Были анархисты, пропагандисты, сторонники «теории заговора» и многие другие. Взгляды народников в их неоднозначности причудливым образом совпадают с такой же неоднозначностью политических оценок русских писателей. Как и писатели, народники были выходцами из дворянского, купеческого, духовного сословий, имели доступ к образованию и, в

отличие от крестьян, жили в более комфортных условиях. Кто-то выступал за идею социализма и всеобщего равенства и искренне верил в возможность изменений. А кто-то преследовал свои личные корыстные интересы.

Становясь в своих европейских путешествиях свидетелями европейских революций, русские писатели переносили идеи этих революций на русскую почву. Где они не имели социальной основы. Но заражённые идеями писателей, народники попытались реализовать эти идеи в России, потерпев ожидаемое поражение. Увидев расхождение теории и практики, писатели и народники стали ратовать за адаптацию западных идей с позиции национальной идентичности.

Резюмируя, можно выдвинуть гипотезу о параллельном развитии в России XIX в. народнической идеологии и художественной литературы, сочувствующей народничеству и превозносящей его до масштабов почти что всенародного движения. В то время как, по сути, движение это было малочисленным и маргинальным, оторванным от народа и не понятным им. Что нимало не смущало ни его представителей, ни русских писателей, находивших в народничестве общие черты с европейским революционным движением. Насколько эта гипотеза соответствует реальности, может продемонстрировать обстоятельное исследование о связи народнической идеологии и творчества русских писателей XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшин Г. Н. Эволюция идеи «Революционной правоспособности масс» в идеологии левого народничества 1870-х – начала 1880-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 82–91.
2. Захаров В. Ю., Иванова А. Н. Проект «конституции» М. Т. Лорис-Меликова: была ли возможна его реализация после прихода к власти Александра III // Гуманитарный вестник. 2024. № 4. С. 1–16.
3. Степаненко А. О. Осмысление идеологии народничества и его оценка экономической мысли в XIX–XX веке // Лучшая научно-исследовательская работа 2018: сборник статей XII Международного научно-практического конкурса / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 166–169.
4. Тесля А. А. Русские социалисты в поисках конкретно-воплощаемого будущего // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 2. С. 48–73.
5. Мокшин Г. Н. Русское легальное народничество 60–90-х гг. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
6. Воронихин А. В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.; Саратов: Common place, 2020. 400 с.
7. Тихомиров Б. Н. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева: исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. № 3 (7). 2019. С. 162–178. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178.
8. Зеленин Ю. А. Советская историография классического народничества в России: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 240 с.
9. Зеленин Ю. А. К вопросу о принадлежности Л. Н. Толстого к народничеству // Учёные записки Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2016. № 12–13. С. 276–281.
10. Литвинов Н. Д. Вера Засулич, боевик нетрадиционной войны // Научно-исследовательские публикации. 2018. № 4. С. 5–32.
11. Финько Ю. С. Русское народничество в исторических взглядах Ф. М. Достоевского // Голос минувшего. 2016. № 3–4. С. 44–51.
12. Игнатченко И. В. Интеллектуалы и власть: казус В. Гюго // Свободная мысль. 2023. № 3 (1699). С. 178–187.
13. Плимак Е. Г., Хорос В. Г. «Народная воля»: история и современность // Вопросы философии. 1981. № 5. С. 97–112.

14. Лаврентьев М. В. Условия содержания членов партии «Народная воля» в Шлиссельбургской тюрьме в 1884–1905 гг. // История и историческая память. 2022. № 25. С. 88–93.
15. Мокшин Г. Н. Н. А. Троицкий и современное российское народниковедение // История и историческая память. 2016. № 13-14. С. 140–151.
16. Должиков В. А., Зеленин Ю. А. Классическое народничество: социальные истоки и политико-идеологический смысл // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 94–98. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-14.

REFERENCES

1. Mokshin, G. N. (2022). Evolution of the idea of "Revolutionary legal capacity of the masses" in the ideology of left populism of the 1870s – early 1880s. In: *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3, 82–91 (in Russ.).
2. Zakharov, V. Yu. & Ivanova, A. N. (2024). Draft "constitution" M. T. Loris-Melikov: was it possible to implement it after Alexander III came to power. In: *Humanitarian Bulletin*, 4, 1–16 (in Russ.).
3. Stepanenko, A. O. (2018). Understanding the ideology of populism and its assessment of economic thought in the 19th–20th centuries. In: *Best research work 2018: collection of articles from the XII International scientific and practical competition*. Penza: MCNS "Science and Education", pp. 166–169 (in Russ.).
4. Teslya, A. A. (2024). Russian socialists in search of a privately embodied future. In: *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8 (2), 48–73 (in Russ.).
5. Mokshin, G. N. *Russian Legal Narodism of the 60–90s*. Voronezh: Nauchnaya Kniga publ. (in Russ.).
6. Voronikhin, A. V. (2010). *Vera Nikolaevna Figner. A Look at the Woman of Russian Revolutions from the 21st Century*. Moscow; Saratov: Common Place publ. (in Russ.).
7. Tiknomirov, B. N. (2019). Sergey Nechaev's "A Revolutionary's Catechism": A Historical Document and Its Role in the Creative History of The Demons. In: *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 3 (7), 162–178. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178 (in Russ.).
8. Zelenin, Yu. A. (2009). *Soviet historiography of classical populism in Russia* [dissertation]. Barnaul (in Russ.).
9. Zelenin, Yu. A. (2016). On the question of L. N. Tolstoy's belonging to populism. In: *Scientific notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation*, 12–13, 276–281 (in Russ.).
10. Litvinov, N. D. (2018). Vera Zasulich, fighter of non-traditional war. In: *Journal of Scientific Research Publications*, 4, 5–32 (in Russ.).
11. Finko, Y. S. (2016). Russian narodnik movement in F. M. Dostoyevsky's historical views. In: *Voice of the Past*, 3-4, 44–51 (in Russ.).
12. Ignatchenko, I. V. (2023). Intellectuals and power: the case of V. Hugo. In: *Free Thought*, 3 (1699), 178–187 (in Russ.).
13. Plimak, E. G. & Khoros, V. G. (1981). "The People's Will": History and Modernity. In: *Voprosy Filosofii*, 5, 97–112 (in Russ.).
14. Lavrentiev, M. V. (2022). Conditions of detention of members of the Narodnaya Volya Party in the Shlisselburg Political Prison in 1884–1905. In: *History and historical memory*, 25, 88–93 (in Russ.).
15. Mokshin, G. N. (2016). N. A. Troitsky and modern Russian narodnikovedeniye. In: *History and historical memory*, 13-14, 140–151 (in Russ.).
16. Dolzhikov, V. A. & Zelenin, Y. A. (2017). Classical Narodnik Movement: Social Sources and Political and Ideological Sense. In: *Izvestiya of Altai State University*, 2 (94), 94–98. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Камнева Галина Петровна (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Андрей Александрович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

Сотников Сергей Александрович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации;
e-mail: sergey-sa2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina P. Kamneva (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Andrey A. Sotnikov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

Sergey A. Sotnikov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation;
e-mail: sergey-sa2007@yandex.ru

Научная статья

УДК 94(470+571):323.1:39

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО И СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аврutiна А. С.^{1,2*}, Решетников К. Ю.^{2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация

³ Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Поступила в редакцию 09.01.2026

После доработки 27.01.2026

Принята к публикации 09.02.2026

Аннотация

Цель. Исследовать исторические и культурные основы полиэтнического единства России, понимаемой как государство-цивилизация, на примере многовекового славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия.

Процедуры и методы. Анализируются ключевые механизмы интеграции: от политико-административных практик эпохи Золотой Орды и Московского государства до глубинных процессов языкового обмена, религиозного сосуществования и культурного синтеза. Рассмотрение построено на междисциплинарном подходе, сочетающем данные истории, лингвистики и культурологии.

Результаты. Сделан вывод о том, что симбиоз славянского, тюркского и финно-угорского миров сформировал уникальную модель российской цивилизационной идентичности, основанную на адаптации и синтезе, а не на ассимиляции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установленная модель сохраняет свою актуальность для современной государственной политики и общегражданской солидарности.

Ключевые слова: Россия, государство-цивилизация, этническое взаимодействие, славяно-тюркский синтез, славяно-финно-угорский синтез, культурный обмен, полиэтничность

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Для цитирования:

Аврutiна А. С., Решетников К. Ю. Единство народов России как государства-цивилизации в контексте славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

© СС ВУ Аврutiна А. С., Решетников К. Ю., 2026.

Original research article

THE UNITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA AS A CIVILIZATION-STATE IN THE CONTEXT OF SLAVIC-TURKIC AND SLAVIC-FINNO-UGRIC INTERACTION

A. Avrutina^{1,2*}, K. Reshetnikov^{2,3}

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

²*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

³*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: a.avrutina@spbu.ru*

Received 09.01.2026

Revised 27.01.2026

Accepted 09.02.2026

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of the historical and cultural foundations of Russia's polyethnic unity, understood as a state-civilization, using the example of centuries-long Slavic-Turkic and Slavic-Finno-Ugric interaction.

Methodology. Key integration mechanisms are analyzed: from politico-administrative practices of the Golden Horde and Muscovite state eras to deep processes of linguistic exchange, religious coexistence, and cultural synthesis. The analysis is based on an interdisciplinary approach combining data from history, linguistics, and cultural studies.

Results. The conclusion is drawn that the symbiosis of the Slavic, Turkic, and Finno-Ugric worlds has formed a unique model of Russian civilization identity, based on adaptation and synthesis rather than assimilation.

Research implications. The established model remains relevant for contemporary state policy and all-citizen solidarity.

Keywords: Russia, civilization-state, ethnic interaction, Slavic-Turkic synthesis, Slavic-Finno-Ugric synthesis, cultural exchange, polyethnicity

Acknowledgments: This paper was prepared as part of the state assignment for the research project "The Identity of Russia as a Civilization-State: Political, Spiritual, and Social Aspects," project code FSZG-2025-0004. Registration number: 1025021700071-2-6.3.1.

For citation:

Avrutina, A. S. & Reshetnikov, K. Yu. (2026). The unity of the peoples of Russia as a civilization-state in the context of Slavic-Turkic and Slavic-Finno-Ugric interaction. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-111-120

Введение

Формирование России как сложного многонационального государства-цивилизации обусловлено многовековым взаимодействием различных этносов [1].

Особую роль в этом процессе сыграли славянские, тюркские и финно-угорские народы, чьё историческое соседство, интенсивный культурный обмен и совместное участие в государственном строи-

тельстве составили один из фундаментальных факторов генезиса российской цивилизационной модели [2].

Концептуальное осмысление России как «государства-цивилизации» (в отличие от классической модели национального государства) позволяет теоретически совместить принцип политико-культурного единства с признанием этнического многообразия [3]. Данная парадигма, подразумевающая признание русских как государствообразующего народа при сохранении полиэтничности, находит отражение в современных программных документах, включая Указ Президента РФ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹, а также действующую Концепцию внешней политики РФ². Идея полиэтничного единства как структурной основы российской цивилизации имеет глубокие корни в отечественной мысли, будучи представленной в трудах классиков евразийства (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого), Исаиила Гаспринского и позднейших исследователей, таких как Л. Н. Гумилёв³.

Исторические корни славяно-тюркского взаимодействия

История славяно-тюркских контактов восходит к периоду раннего Средневековья, когда происходило активное взаимодействие между восточнославянскими племенами и тюркоязычными кочевниками в пределах Восточноевропейской равнины. Уже на начальных этапах формирования древнерусской государственности предки восточных славян вступи-

ли в сложные отношения с Хазарским каганатом (VII–X вв.). Это тюркское государство вовлекало подвластные славянские племена Поднепровья и Подонья в орбиту своего политического и экономического влияния, что способствовало обмену товарами, технологиями и социальными практиками. Помимо хазар, летописные источники фиксируют тесные контакты русичей с другими тюркскими группами – торками и берендеями (чёрными клобуками), которые выступали то союзниками, то противниками русских князей, интегрируясь в систему пограничной обороны [4].

В IX–XII вв. важным узлом взаимодействия стали отношения Киевской Руси с Волжской Булгарией. Приняв ислам, болгары создали развитую городскую и торговую цивилизацию, поддерживавшую устойчивые экономические связи с русскими княжествами по волжскому пути. Археологические данные (например, находки болгарской керамики в Новгороде и славянских изделий в Биляре) свидетельствуют об интенсивности этого обмена. Одновременно южные границы Руси подвергались давлению со стороны кочевых объединений печенегов, а затем половцев. Характер этих отношений не сводился лишь к конфронтации; значимую роль играли династические браки русских князей с половецкой знатью, что стало устойчивой практикой вплоть до XVIII в.

Кардинальным этапом, оказавшим долгосрочное воздействие на все сферы жизни, стало монголо-татарское нашествие XIII века и последовавшее установление системы зависимости русских земель от Улуса Джучи (Золотой Орды). Несмотря на деструктивные последствия завоевания, ордынский период создал новую политико-административную реальность, в пределах которой происходила интенсивная интеграция славянской и тюрко-монгольской элит. Русские князья вынуждены были функционировать в рамках ордынских институтов (ярлык,

¹ Указ Президента РФ № 808 от 08.11.2023 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СПС Консультант Плюс.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ № 229 от 31.03.2023 г. // СПС Консультант Плюс.

³ Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

тамга), что привело к заимствованию ряда управленческих и фискальных практик [5].

После распада Золотой Орды процесс включения тюркских политических образований в состав формирующегося Московского государства стал последовательной тенденцией. Присоединение Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, а также более раннее вхождение Касимовского ханства сопровождалось интеграцией служилой татарской знати в русскую аристократию. Политика Ивана IV в покорённых регионах отличалась прагматизмом: местные элиты получали сохранение статуса при условии лояльности, а ислам не подвергался систематическому искоренению. В последующие столетия в состав России вошли и другие тюркские народы (башкиры, чувашы, ногайцы), активно участвовавшие в военной, экономической и культурной жизни империи [6; 7]. Таким образом, тюркский компонент являлся константой в процессе этногенеза и политического строительства русских на протяжении всей их истории, где фазы конфронтации сменялись периодами устойчивого союзничества и культурного синтеза.

Культурное единство славяно-тюркского мира

Языковой обмен

Славяно-тюркское взаимодействие оставило заметный след в лексических системах контактирующих языков¹. Русский язык содержит значительный пласт тюркских заимствований, охватывающих семантические поля торговли («базар», «караван»), финансов («казна»), одежды («башмак») и домашнего обихода. В свою очередь, тюркские языки Поволжья (татарский, башкирский) восприняли из русского и через его посредство из церковнославянского языка широкий спектр лексики, связанной с администрацией,

христианской религией и современными технологиями. Исторически сложившееся двуязычие в регионах совместного проживания (Поволжье, Сибирь, Дон) являлось важным фактором, облегчавшим экономическую кооперацию, межэтнические браки и транскультурную коммуникацию.

Религиозное сосуществование

Религиозный фактор сыграл ключевую роль в формировании модели межэтнических отношений. Доминирующие конфессии – православие у славян и ислам у тюрков – на протяжении столетий сосуществовали в рамках российского государственного пространства.

Следует отметить особую роль православия не только в становлении симбиоза славянских и неславянских элементов, который складывался начиная с первых веков II тыс. н. э., но также в формировании цивилизационного облика данного евразийского сообщества. Историческая линия цивилизационного развития, основанная на православном культурном коде, привнесла в процесс межэтнических контактов тенденцию к «положительному отбору» практик и ценностей. Речь идёт о такой стратегии адаптации этноисторического опыта, которая позволила русскому социуму, включая относительно ранние его формы, абсорбировать преимущественно лучшие этические, духовные и поведенческие паттерны, выработанные формировавшими его этносами².

Российская государственная власть, начиная с XVI в., демонстрировала прагматичную веротерпимость в отношении ислама, стремясь минимизировать конфликты. После присоединения Казани татарской знати было гарантировано право исповедовать свою религию, а в период правления Екатерины II был издан указ «О терпимости всех вероисповеда-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. М., 2003–2007.

² Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

ний» (1773). Институционализация ислама проявилась в создании Магометанского духовного собрания в Уфе (1788), что позволило интегрировать мусульманское духовенство в общегосударственную структуру. В XIX в., несмотря на отдельные эпизоды миссионерского давления, тюркские народы в основном сохранили конфессиональную идентичность, что способствовало становлению уникальной модели религиозного плюрализма, где в практиках смешанных общин наблюдалось взаимное уважение к традиционным праздникам.

Литература и искусство

Феномен культурного синтеза ярко выражен в сфере литературы и искусства. Значительное число деятелей русской культуры имело тюркское (преимущественно татарское) происхождение, что отразилось на их творчестве. Генеалогия таких родов, как Карамзины (от князя Кара-Мурзы), Тургеневы, Апраксины, Юсуповы, демонстрирует глубину интеграции тюркской знати в русскую аристократию. В литературном процессе взаимовлияние проявлялось двояко: с одной стороны, русские писатели (включая указанных) вносили вклад в общенациональную культуру, с другой – тюркские литераторы (например, Габдулла Тукай) творчески осваивали как тюркские, так и русские художественные традиции.

В музыке и архитектуре также прослеживается синтез элементов. Восточные мотивы органично вошли в произведения русских композиторов-классиков (М. И. Глинка, А. П. Бородин), а в регионах с тюркским населением (Поволжье) сложился уникальный архитектурный стиль, сочетающий православные и мусульманские орнаментальные традиции. В советский период эта тенденция продолжилась в рамках политики, характеризующейся определением «национальная по форме, социалистическая по содержанию», породив ряд значительных произведений, созданных в результате твор-

ческого сотрудничества (балет «Шурале» Ф. Ярулина).

Исторические корни славяно-финно-угорского взаимодействия

История взаимодействия восточных славян с финно-угорскими народами представляет собой длительный процесс колонизации и симбиоза, начавшийся в период раннего Средневековья и определивший этнокультурный облик Северо-Восточной Руси. Проникновение славян в лесную зону Восточной Европы, традиционно населённую многочисленными финно-угорскими племенами (чудь, меря, мурома, мещера, весь, пермь), носило в целом мирный, постепенный характер, основанный на аграрной колонизации и развитии торговых путей. Археологические и топонимические данные свидетельствуют, что славянское расселение в междуречье Волги и Оки происходило не на пустующих землях, а в среде автохтонного финно-угорского населения, что привело к сложным процессам ассимиляции и культурного синтеза.

Важнейшую роль в установлении первых контактов сыграли походы новгородских словен на северо-восток, подчинение и обложение данью финно-угорских племён (корела, ижора, весь), а также активность волжского торгового пути. Летописные источники фиксируют присутствие мери, муромы и мещеры в составе населения Древней Руси как «чуждских» племён, которые постепенно интегрировались в социальную структуру формирующегося государства. Существенную роль в этом процессе сыграло возникновение и укрепление городов Северо-Восточной Руси (Ростов, Суздаль, Муром), выступавших центрами не только политической власти, но и культурного взаимодействия. Относительно мирный характер славянской колонизации в случае финно-угорских этносов, в отличие от часто конфронтационных отношений со степными тюрками, предопределил иную модель взаимодействия, основанную на

медленной инфильтрации и взаимной адаптации хозяйственных практик [8].

Кардинальным этапом, закрепившим финно-угорский компонент в составе русской государственности, стало возвышение Владимиро-Суздальского, а затем Московского княжества. Этот регион, исторически являвшийся зоной контакта, стал ядром формирования великорусской народности, в этногенезе которой финно-угорский субстрат сыграл существенную роль. Вхождение в состав Московского государства обширных территорий, населённых финно-угорскими народами, происходило по различным сценариям. Северо-западные земли (Карелия, земли вепсов и ижоры) вошли в орбиту Новгородской республики, а затем были присоединены к Москве. Присоединение пермских земель в XIV–XV вв., осуществлённое благодаря миссионерской и военно-дипломатической деятельности Стефана Пермского и московских князей, позволило расширить русское влияние в сторону Урала. Позднее, в XVI–XVII вв., в состав России вошли земли марийцев, удмуртов и мордвы, чему способствовало падение Казанского ханства и продвижение на восток. Интеграция обско-угорских народов (хантов и манси) в русское цивилизационное пространство началась с русской экспансии в XV–XVII вв., отмеченной конфликтами, такими как противостояние с мансийскими князьями Асыкой и Аблегиримом. В последующий период интеграционный процесс продолжился благодаря таким факторам, как административная система ясачного обложения, постепенная христианизация и вовлечение в экономические связи, что привело к сложному симбиозу традиционной культуры и российских государственных институтов.

Таким образом, финно-угорский мир не был для Руси внешней силой, но составил глубинный этнографический и культурный фундамент, на котором происходило становление российской государственности в её северных и восточных

пределах. Этот процесс характеризовался преимущественно не завоеванием и подчинением, а длительным сосуществованием, взаимным влиянием и постепенной интеграцией, в результате которой многие финно-угорские группы были ассимилированы, а другие сохранили свою идентичность в рамках общего политического и культурного пространства.

Культурное единство восточных славян и финно-угорских этносов

Языковой обмен

Языковое взаимодействие славян и финно-угров имеет глубокий и многослойный характер, обнаруживая несколько хронологических пластов, один из которых связан с субстратным влиянием. Финно-угорский субстрат в русском языке, особенно в севернорусских и отчасти в среднерусских говорах, просматривается на различных уровнях, в частности, на лексическом [9]. Одно из наиболее убедительных свидетельств былого преобладания финно-угорского языкового компонента на территории Центральной и Северной России – определённый тип топонимики и гидронимики. Названия многочисленных рек и населённых пунктов (Клязьма, Яхрома, Кинешма, Тотьма, Вологда, Сосьва и др.) имеют финно-угорское происхождение, указывая на древнее присутствие различных племён соответствующей языковой группы, в т. ч. такого исчезнувшего (ассимилированного) этноса, как меря.

Помимо субстратной лексики, русский язык в более поздний период заимствовал ряд слов, отражающих хозяйственные и бытовые реалии финно-угорских народов¹. К ним относятся: *тундра* (из саамского), *пурга* (из финского), *пельмень* (коми-пермяцкое *пельнянь* – «хлебное ухо»), *салака*, *камбала* и др. Обратное влияние – проникновение русской лексики в финно-угорские языки – было

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачёва. М., 2003–2007.

масштабным и распространилось на все релевантные сферы, от административно-политической терминологии до современных технологических понятий, что стало следствием длительного двуязычия в регионах совместного проживания [10].

Религиозное сосуществование

Религиозный аспект славяно-финно-угорского взаимодействия отличается от модели, сложившейся в ходе контактов с тюркскими народами, прежде всего отсутствием конкурирующей монотеистической традиции. Большинство финно-угорских народов России приняло православие, что стало решающим фактором их интеграции в русское культурное и государственное пространство. Крещение происходило в разное время: в случае карел и ижоры – в период новгородского влияния, в случае коми-зырян и коми-пермяков – благодаря деятельности Стефана Пермского (XIV в.), а в случае мордвы, марийцев и удмуртов – в основном после вхождения в состав Московского государства в XVI–XVIII вв.

Данный процесс не был одномоментным и безболезненным. Широко распространённым явлением, особенно в первые века после формального крещения, стало двоеверие – синкретическое сочетание православной обрядности с дохристианскими культами, анимистическими представлениями и мифологией [11]. Наиболее ярким примером устойчивости традиционных верований является марийское (черемисское) язычество, которое, несмотря на многовековое давление, сохранилось до наших дней, получив в постсоветский период статус официальной традиционной религии. Часть финно-угров, проживавшая в тесном контакте с тюркскими народами, подверглась исламизации (прежде всего, некоторые группы удмуртов и мордвы в Поволжье). В целом политика российского государства в финно-угорских регионах была направлена на христианизацию,

но в XIX–XX вв., особенно в советский период, акцент сместился в сторону построения секулярного общества. В современной России финно-угорские народы демонстрируют разнообразие религиозных идентичностей: от глубокой православной традиции (коми, карелы) до возрождающегося язычества (марийцы) и светского мировоззрения.

Литература и искусство

Культурный синтез нашёл выражение в фольклоре, литературе и искусстве. Финно-угорский этнографический материал оказал значительное влияние на русскую народную культуру, особенно в регионах совместного проживания. Эпические сказания, мифологические сюжеты, орнаментальные мотивы (геометрический «звериный стиль») финно-угров обогатили местные культурные традиции. В русской архитектуре, особенно в деревянном зодчестве Севера, прослеживаются заимствования строительных техник и планировочных решений.

В профессиональном искусстве и литературе взаимовлияние проявилось позднее. С одной стороны, русская классическая литература и музыка обращались к финно-угорскому материалу как к источнику экзотики и национального колорита (эпос «Калевала» в русских переводах, произведения, посвящённые Северу, сказовая проза П. П. Бажова и Б. В. Шергина, поэзия Н. А. Клюева). С другой стороны, формирование национальных литератур финно-угорских народов (марийской, мордовской, коми, удмуртской, хантыйской, мансийской) в XIX–XX вв. происходило под прямым влиянием русской литературной традиции, русской просветительской мысли и при активном участии русских педагогов и учёных. Среди примеров культурного диалога в сфере создания художественных текстов выделяется творчество основоположника марийской литературы С. Г. Чавайна, классика удмуртской поэзии Кузубая Герда, карельского писателя

Якко Ругова. В изобразительном искусстве и музыке XX в. также наблюдался активный поиск синтеза национальных финно-угорских форм с общеевропейскими и русскими профессиональными техниками, что привело к созданию самобытных произведений, вошедших в сокровищницу российской многонациональной культуры.

Современные аспекты единства народов России

Концепция России как евразийского государства-цивилизации предлагает теоретический фундамент для преодоления таких крайностей, как глобалистский космополитизм или, напротив, изоляционистский национализм. Научно обоснованное утверждение славяно-тюркского и славяно-финно-угорского единства как историко-культурной константы – наряду с другими межэтническими симбиозами в рамках страны – имеет не только академическое, но и социально-политическое значение, давая ключ к противодействию деструктивным попыткам использования этнического фактора для дестабилизации¹.

Исторический опыт показывает, что внутренние противоречия на национальной почве становились одним из главных триггеров ослабления государственности в переломные эпохи (1917, 1991 гг.). Современные вызовы в этой сфере носят комплексный характер, включая деятельность маргинальных организаций, пропагандирующих сепаратизм, что подтверждается правоприменительной практикой российских органов власти. В этих условиях особую важность приобретает сбалансированная историческая политика, признающая полиэтнический и поликонфессиональный характер рос-

сийского социума. Ярким свидетельством действенности цивилизационной, а не сугубо этнической идентичности является участие представителей всех народов России в защите государственных интересов, что демонстрирует зрелость сложившейся модели общегражданской солидарности.

Таким образом, актуализация знания об общей истории различных этносов и их совместном вкладе в становление России является не только задачей просвещения, но и важным элементом обеспечения гражданского мира и национальной безопасности.

Заключение

Как видно на примере славяно-тюркского и славяно-финно-угорского взаимодействия, единство народов России представляет собой результат многовекового процесса, основанного на взаимной адаптации, культурной диффузии и совместном участии в государственном строительстве. На пути от раннесредневековых контактов до современных форм культурного диалога данный симбиоз создал уникальную социокультурную модель, ставшую неотъемлемой частью российской цивилизационной идентичности². В современных условиях поддержание этого единства требует комплексных усилий в сферах государственной политики, образования и культурных практик. Полиэтнический мир в России является не только наследием прошлого, но и динамично развивающейся реальностью, а его нынешняя и будущая устойчивость тесно связана с пониманием многообразия как фактора цивилизационного роста и с признанием общего экзистенциального предназначения в контексте мировых процессов.

¹ Указ Президента РФ № 808 от 08.11.2023 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СПС Консультант Плюс.

² Гумилёв Л. Н. От Руси до России [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 26.12.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9: К юбилею В. В. Трепавлова / отв. ред. Дж. Я. Рахаев. М.: Институт российской истории РАН, 2022. 368 с.
2. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2024. 847 с.
3. Данильченко С. Л. Российское государство-цивилизация в пространстве современного гуманитарного знания. Уфа: Аэтерна, 2023. 138 с.
4. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Квадрига, 2019. 496 с.
5. Почекаев Р. Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 288 с.
6. Иванов В. А. Чуваши: история и культура. Т. 1. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. 415 с.
7. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. 560 с.
8. Клима Л. Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 43–60.
9. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
10. Кондрашкина Е. А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 15. Вып. 2. С. 262–271.
11. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск-Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2010. 336 с.

REFERENCES

1. Rakhaev, D. Ya., ed. (2022). *History of the Peoples of Russia in Research and Documents. Issue 9: On the Anniversary of V. V. Trepavlov*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (in Russ.).
2. Dugin, A. G. (2024). *Ethnosociology*. Moscow: Academicheskyy Proekt Publ. (in Russ.).
3. Danilchenko, S. L. (2023). *Russian State-Civilization in the Space of Modern Humanitarian Knowledge*. Ufa: Aeterna Publ. (in Russ.).
4. Pashuto, V. T. (2019). *Foreign Policy of Ancient Rus*. Moscow: Quadriga Publ. (in Russ.).
5. Pochekaev, R. Yu. (2022). *The Golden Horde and Russian Lands: Legal Aspects of Relations (Essays on the History and Anthropology of Law)*. Barnaul: Alt. Univ. Publ. (in Russ.).
6. Ivanov, V. A. (2009). *Chuvash: history and culture. Vol. 1*. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (in Russ.).
7. Kuzeev, R. G. (2010). *Origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Ufa: DesignPolygraph-Service Publ. (in Russ.).
8. Klima, L. (2007). Finno-Ugric peoples in Russia in the Middle Ages, 859–1118: Finno-Ugric peoples and Samoyeds on the pages of the Tale of Bygone Years. In: *Slavic Almanac 2006*. Moscow, 43–60 (in Russ.).
9. Myznikov, S. A. (2004). *Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Northwestern Russian Dialects: Etymological and Linguistic-Geographical Analysis*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
10. Kondrashkina, E. A. (2021). The Future of the Languages of the Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation. In: *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 15-2, 262–271 (in Russ.).
11. Nalimov, V. P. (2010). *Essays on the Ethnography of the Finno-Ugric Peoples*. Izhevsk-Syktivkar: Institute of Language, Literature, and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврутина Аполлинария Сергеевна (г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности Российского государственного гуманитарного университета, эксперт УНЦ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культуры Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: a.avrutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-3162-2825

Решетников Кирилл Юрьевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных проектов Департамента научной деятельности Российского государственного гуманитарного университета, эксперт УНЦ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета, старший преподаватель кафедры германских языков факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;
e-mail: cyrilreshe@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-0709-7761

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Apollinaria S. Avrutina (St. Petersburg) – Dr. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Fundamental and Applied Research Projects, Department of Research Activities, Russian State University for the Humanities; Expert, Academic and Research Center "Ivan Ilyin Higher School of Politics", Russian State University for the Humanities; Professor, Department of Theory and Methodology of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, Saint Petersburg State University;
e-mail: a.avrutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-3162-2825;

Kirill Yu. Reshetnikov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Fundamental and Applied Research Projects, Department of Research Activities, Russian State University for the Humanities; Expert, Academic and Research Center "Ivan Ilyin Higher School of Politics", Russian State University for the Humanities; Senior Lecturer, Department of Germanic Languages, Faculty of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: cyrilreshe@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-0709-7761

Научная статья
УДК 930.1(47)
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-121-128

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ (2014 Г.) КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ФОРУМОВ

Миловский Н. М.

*Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: NikolayMilovskiy@yandex.ru*

Поступила в редакцию 27.12.2025

После доработки 18.01.2026

Принята к публикации 27.01.2026

Аннотация

Цель. Обобщить и проанализировать основные направления исследований событий, связанных с историей воссоединения Крыма с Российской Федерацией в 2014 г.

Процедура и методы. Методологическую основу статьи составляет историко-системный и сравнительный методы, сочетаемые с принципами исторической объективности. Подобный подход обеспечивает максимальную объективность в оценках вклада отечественных исследователей в историографию темы воссоединения Крыма с Россией.

Результаты. Результаты исследования раскрывают основные аспекты процесса воссоединения Крыма с Россией, нашедшие отражение в работах отечественных исследователей

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ научной литературы и дискуссионных вопросов по данной теме, обобщение и выводы по различным аспектам воссоединения Крыма и Российской Федерации дают возможность учесть недочёты, ошибки и недоработки при осуществлении внешней и внутренней политики в вопросе защиты соотечественников.

Ключевые слова: Россия, Крым, воссоединение, 2014 г., отечественная историография, научные форумы

Для цитирования:

Миловский Н. М. Воссоединение Крыма с Россией (2014 г.) как объект исследования отечественных научных форумов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 121–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-121-128

Original research article

THE REUNIFICATION OF CRIMEA WITH RUSSIA (2014) AS AN OBJECT OF RESEARCH IN RUSSIAN SCIENTIFIC FORUMS

N. Milovsky

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: NikolayMilovskiy@yandex.ru*

© СС ВУ Миловский Н. М., 2026.

Received 27.12.2025

Revised 18.01.2026

Accepted 27.01.2026

Abstract

Aim. To summarize and analyze the main research directions of events related to the history of the reunification of Crimea with the Russian Federation in 2014.

Methodology. The methodological basis of the article is historical, systematic and comparative methods combined with the principles of historical objectivity. This approach ensures maximum objectivity in assessing the contribution of Russian researchers to the historiography of the theme of the reunification of Crimea with Russia.

Results. The results of the study reveal the main aspects of the process of reunification of Crimea with Russia, reflected in the works of Russian researchers.

Research implications. The analysis of scientific literature, the analysis of controversial issues on this topic, generalization and conclusions on various aspects of the reunification of Crimea and the Russian Federation make it possible to take into account the shortcomings, mistakes and shortcomings in the implementation of foreign and domestic policy in the protection of compatriots.

Keywords: Russia, Crimea, reunification, 2014, Russian historiography, scientific forums

For citation:

Milovsky N. M. (2026). The reunification of Crimea with Russia (2014) as an object of research in Russian scientific forums. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 121–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-121-128

Введение

2014 год ознаменовался исторически оправданным и объективно обусловленным событием – воссоединением Крыма с Российской Федерацией.

За прошедшие 11 лет интерес к этому геополитическому событию не утратил актуальности, о чём свидетельствует не только большое количество публикаций, но и разноплановых научных форумов (конференций, круглых столов, семинаров и др.), в ходе которых тема воссоединения Крыма с Россией была центральной. И сегодня уже можно осуществить изучение историографии вопроса, в т. ч. проанализировать материалы ряда важнейших научных встреч, в ходе которых участники – представители научного мира России – обменялись мнениями о событиях, связанных с воссоединением Крыма с Российской Федерацией.

Анализ научной литературы и дискуссионных вопросов

С 2014 г. прошло уже не менее 10 научных конференций и круглых столов (как правило, к «юбилейным» датам события), на которых в центре внимания ставится вопрос о роли и историческом значении воссоединения Крыма с Россией [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Российские историки в своих выступлениях [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17] затрагивают самые разнообразные аспекты:

- особенности вхождения Крыма в состав России в XVIII в.;
- политико-правовой статус Крымского полуострова в советский период;
- социально-экономическое положение Крыма после распада Советского Союза в 1991 г.;
- политический кризис 2013–2014 гг. на Украине как причина активизации общественного движения за воссоединение Крыма с Россией;

- социально-политические ожидания населения Крымского полуострова;
- «Крымская весна»: современный сецессионизм и ирредентизм (как политические явления) в связи с событиями в Крыму в 2014 г.;
- воссоединение с Крымом как фактор влияния на геополитическую безопасность современной России;
- правовые основы процедуры воссоединения Крыма с РФ;
- социально-экономическое сотрудничество Крыма и крупнейших российских регионов;
- основные направления и результаты социально-экономической эволюции Крыма в составе современной России за прошедшие с момента воссоединения;
- воссоединение Крыма с Россией в контексте международных отношений и в оценках российских политических партий.

Все эти аспекты можно разбить на 3 блока: политический, экономический и социальный.

Политический блок. Нет сомнения в том, что политическое решение президента России В. В. Путина в 2014 г. остановило на полуострове беспорядки, которые могли перерасти в то же, что происходило на Майдане в Киеве. Воссоединение Крыма с Россией дало возможность обезопасить границы южных регионов РФ, акваторию Чёрного моря для торгового транспорта и пассажирских судов (не только России, но и Болгарии, Румынии, Турции, Грузии) и авиасообщение.

Вопрос национальной безопасности России превалирует в исследованиях и не является предметом дискуссий среди отечественных историков и политологов. Этот блок анализируется в выступлениях ряда участников научных форумов (Д. Л. Цыбаков, В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая) и остаётся самым востребованным в исследовательской среде, поскольку политические нюансы предопределили развитие событий как нечто иное [18; 19].

Экономический блок. Никто не оспаривает того факта, что после более чем двух десятилетий нахождения Крыма в составе Украины экономика полуострова пришла в полный упадок. Экономическая разруха поразила все сектора хозяйства. И, в первую очередь, отрасли, считавшиеся базовыми для полуострова: курорты, санатории, виноградники, виноделие. Участники форумов подтверждали это статистическими данными, свидетельствующими о критическом состоянии промышленного и сельскохозяйственных секторов экономики Крыма [14; 20].

Социальный блок. Разруха национального хозяйства Крымского полуострова в 1990-х – первой половине 2010-х гг. повлекла за собой обнищание населения, упадок сфер народного образования и медицинского обслуживания, коммунального хозяйства, городского транспорта в крупнейших городах (Севастополь, Симферополь, Керчь, Ялта). Росло количество преступлений, направленных против личности, преступлений экономического характера. Росло число фальсификатов в сфере производства продуктов питания, лекарств, табачных и вино-водочных изделий, что приводило к росту смертности.

Исследователи подчёркивают, приводя в качестве доказательств документальные свидетельства, что украинские власти не предприняли ни каких усилий не только для реформирования, но и для стабилизации ситуации в экономической и в социальной сферах [21].

Исследователи большое внимание уделяют истории Крыма XVIII–XIX вв.: борьбе России за Крым против Турции, Восточной (Крымской) войне, обороне Крыма и его освобождению от немецких оккупантов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [22; 23]. История Крыма свидетельствует о неотделимости полуострова от истории России, за безопасность которого последняя платила жизнями своих граждан. Во всех этих событиях Россия выступала лиде-

ром геополитических процессов, и во время войн оборонявшие страну не делились по национальному признаку, а отстаивали интересы одной великой страны [24; 25; 26].

Но также озвучиваются и риски, вызванные интеграцией Крыма в Россию. В. В. Касьянов объединил риски в 3 блока.

Экономические риски: экономические санкции со стороны ряда западных стран, не признавших факта воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Эти страны (в первую очередь, Великобритания, Франция, Германия) практически блокируют интеграцию национального хозяйства Крыма в мировое экономическое пространство.

Также исследователи отмечают, что не в полном объёме привлекается рекреационный потенциал, не восстанавливаются социально-экономические связи с государствами, относящимися к факту воссоединения Крыма и России лояльно (Венгрия), несмотря на давление на них недружественных к России стран [21]. Не остаются вне зоны внимания и иные негативные тенденции, связанные с экономической блокадой Крыма: уменьшение количества морских перевозок, снижение загруженности хозяйственно-портовых комплексов в Севастополе и Керчи и пр. Экономическими партнёрами Крыма остаются только российские регионы, которые помогают решать важнейшие экономические проблемы, порой даже себе в убыток.

Важным для исследователей также представляется разрыв традиционных связей с самой Украиной, причём исключительно по инициативе последней. Например, перекрытие Украиной Северо-Крымского канала, по которому на полуостров поступали водные ресурсы из Каховского водохранилища. Это обернулось не только повседневными проблемами для всего населения Крыма, но и создало трудности для сельскохозяйственного сектора экономики полуострова, т. к. без ирригационных, работающих

в полную мощность систем очень затруднительно.

В. В. Касьянов акцентировал внимание и на так называемой «революции цен», произошедшей после воссоединения Крымского полуострова с РФ. Если до 2014 г. цены в Крыму были на порядок ниже российских (это никем не оспаривалось, однако и не соотносились уровни зарплат в Крыму и в России), что создавало известные преимущества для туристов, то спустя несколько лет (уже к 2020 г.) они заметно выросли, а по ряду позиций даже превысили общероссийские [21, с. 34]. В результате известные крымские курорты (которые ещё и нуждались в инвестициях) теряли потенциальных туристов из России. Исследователи подчёркивают, что и в 2025 г. Крым проигрывал по ценовой политике в сфере туризма и Турции, и Египту.

Этнополитические риски [27, с. 52–55]. Население полуострова представлено тремя крупными этническими группами – русские, украинцы и крымские татары, которые не всегда находят точки соприкосновения по важнейшим вопросам политической и социально-экономической повседневности. Большинство населения Крыма, по мнению исследователей, готовы терпеть трудности адаптационного периода, считая, что трудности – временны [28, с. 75–79]. Но ряд исследователей не соглашаются с этими выводами, указывая, что за время, прошедшее с момента распада СССР, не могли не произойти серьёзные изменения в менталитете различных групп населения. Например, известная оппозиционность ряда общественных деятелей крымских татар в значительной степени обусловлена исторической памятью о трагических событиях 1944 г.

Политико-культурные риски. В Крыму, начиная с 1990-х гг., выросло целое поколение, для которого Россия была хоть и близкой, но всё же за границей. После 2014 г. они должны обрести новую идентичность. Как отмечают исследователи,

данный процесс не одномоментен и решается благодаря времени, социальному благополучию и политической стабильности. Исследователи подчёркивают, что эта проблема касается не только молодёжи. Политическое мышление этого нового поколения, если проводить аналоги с российской историей, находится «в пространстве 1990-х гг. с типичным для этого времени периодом диссенса». Жителям Крымского полуострова необходимо как можно быстрее совершить стремительный переход, минуя российские «нулевые годы» в сегодняшнее консенсуальное общество, где политическая борьба сведена к минимуму [21, с. 34–35.]

Заключение

Анализ историографии воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. показал, что в работах отечественных исследователей вопросов больше, чем ответов на них: «18 марта 2014 г.: предпосылки,

причины, новая геополитическая и внешне-политическая ситуация в мире – результат «Крымской весны»?», «Останутся ли Крым и Россия единством и борьбой противоположностей одновременно? Или все проблемы носят чисто временный характер и обусловлены адаптацией полуострова?», «Как свести все экономические, этнополитические и политико-культурные риски к минимуму?», «Как обеспечить социально-экономическую стабильность Крымского полуострова, учитывая его непростое географическое и геополитическое расположение?», «Как найти консенсус во взаимоотношениях представителей различных этносов, проживающих в Крыму?»...

Одно для отечественных исследователей бесспорно: Крым всегда был и остаётся российским регионом в силу множества разнообразных факторов, в т. ч. исторических, геополитических, языковых, ментальных и религиозных.

ЛИТЕРАТУРА

1. «В сердцах людей Крым всегда был неотъемлемой частью России»: к 10-летию воссоединения Крыма с Россией: мат-лы конф. / отв. ред. Е. В. Линькова. М.: Издательство РУДН, 2024. 292 с.
2. История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: мат-лы конф. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. 589 с.
3. Крым – это русская Земля: мат-лы конф. / отв. ред. Ю. А. Никитин, Е. А. Поправко. СПб.: Р-Копи, 2024. 160 с.
4. Принципы права народов на самоопределение, невмешательства во внутренние дела и уважения территориальной целостности государств в современном мире. Крымский опыт: сб. мат-лов / отв. ред. А. А. Власов. М., 2022. 305 с.
5. Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. статей / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. 460 с.
6. Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: мат-лы конф. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. 527 с.
7. Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: мат-лы конф. / под ред. Л. Н. Гарас, Е. Ф. Кринко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 588 с.
8. Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. статей / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2019. 161 с.
9. Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. мат-лов / сост. А. В. Щеголев. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. 191 с.
10. Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: мат-лы конф. / отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. Краснодар: Кубанский ГУ, 2025. 629 с.

11. Абрамов А. В. Крымский консенсус как феномен российского политического сознания // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. науч. статей. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 3–9.
12. Анчев С. И. Чёрное море в западной политике против СССР во время «холодной войны» и на сегодняшний день // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: мат-лы конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 50–53.
13. Астрахан В. И. Воссоединение Крыма с Россией как фактор трансформации представлений о вызовах и угрозах национальной безопасности // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. мат-лов. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 7–14.
14. Борискин В. В. «Уроки» Крыма в исторической ретроспективе // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. мат-лов. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 48–52.
15. Конышев В.Н. Воссоединение Крыма и Гибридная война // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: мат-лы конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 22–27.
16. Короленко А. А. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией 18 марта 2014 г.: предпосылки, причины, новая геополитическая и военно-политическая ситуация в мире – результат «Крымской весны» // Крым – это русская Земля: мат-лы конф. / отв. ред. Ю. А. Никитин, Е. А. Поправко. СПб.: Р-Копи, 2024. С. 132–143.
17. Савицкий И. В. Изучение «Крымской весны» российскими историками: к итогам первой пятилетки // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. науч. статей / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 108–113.
18. Цыбаков Д. Л. «Крымский вопрос» как фактор национальной безопасности современной России // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. / сост. А. В. Щеголев. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 24–27.
19. Чигрин В. А., Городецкая Е. Г. Воссоединение Крыма с Россией: пять лет вместе (по материалам мониторинга) // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: мат-лы конф. / Л. Н. Гарас, Е. Ф. Криенко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 27–33.
20. Горбова И. Н. Перспективы экономического развития Крыма в составе Российской Федерации // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. мат-лов. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 52–56.
21. Касьянов В. В. Социально-исторические последствия возвращения Крыма в состав России // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. статей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 30–36.
22. Капшитар В. Г. Крымская операция: освобождение Крыма и Севастополя 8 апреля – 12 мая 1944 г. // Крым – это русская Земля: мат-лы конф. СПб.: Р-Копи, 2024. С. 153–157.
23. Поправко Е. А., Никитин Ю. А. Миф о Кючук-Кайнарджийском мире и современных политических и общественных дискурсах о принадлежности Крымского полуострова // Крым – это русская Земля: мат-лы конф. СПб.: Р-Копи, 2024. С. 115–122.
24. Бударина К. А. К вопросу о повышении политической культуры в Республике в современных российских условиях // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. мат-лов. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 48–52.
25. Керимов А. А. Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: интерпретация итогов в зарубежных СМИ // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. статей. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 57–61.
26. Проказина Н. В. Крым и Россия: общественные ожидания и настроения // Роль и значение воссоединения Крыма с Россией: сб. / сост. А. В. Щеголев. Орёл: Орловский филиал РАНХиГС, 2015. С. 18–23.
27. Баранов А. В. Этнополитические процессы в Крыму и Севастополе (на материалах социологических опросов) // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: мат-лы конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 14–22.
28. Кузьмин В. П. Воссоединение Крыма с Россией как предпосылка развития гражданского развития в современном Крыму // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. статей. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 74–81.

REFERENCES

1. Linkova E. V., ed. (2024). *"In the hearts of people, Crimea has always been an integral part of Russia": on the 10th anniversary of the reunification of Crimea with Russia*. Moscow: RUDN Publ. (in Russ.).
2. Baranov, A. V. & Kasyanov, V. V., eds. (2018). *The history and modern development of the Black Sea region in the context of the formation of patriotism and the strengthening of the values of Russian civilization*. Krasnodar: Kuban State University Publ. (in Russ.).
3. Nikitin, Yu. A. & Popravko, E. A., eds. (2024). *Crimea is the Russian Land*. St. Petersburg: R-Kopi Publ. (in Russ.).
4. Vlasov, A. A., ed. (2022). *Principles of the right of peoples to self-determination, non-interference in internal affairs and respect for the territorial integrity of states in the modern world. Crimean experience*. Moscow (in Russ.).
5. Baranov, A. V. & Kasyanov, V. V., eds. (2017). *Black Sea in the history and modern development of the Russian state: integration experience*. Krasnodar: Kuban State University Publ. (in Russ.).
6. Baranov, A. V. & Kasyanov, V. V., eds. (2020). *Black Sea in the context of ensuring the national security of Russia: to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Krasnodar: Kuban State University Publ. (in Russ.).
7. Garas, L. N. & Krinko, E. F., eds. (2019). *Black Sea in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar: Kuban State University Publ. (in Russ.).
8. Vilkovaly, A. A., ed. (2019). *The 5th anniversary of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ. (in Russ.).
9. Shchegolev, A. V., ed. (2015). *The role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPa Publ. (in Russ.).
10. Kasyanov, V. V. & Baranov, A. V., eds. (2025). *Black Sea-Mediterranean region in the national security system of Russia: on the occasion of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Krasnodar: Kuban GU Publ. (in Russ.).
11. Abramov, A. V. (2019). Crimean consensus as a phenomenon of Russian political consciousness. In: *Five years of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., 3–9 (in Russ.).
12. Anchev, S. I. (2020). Black Sea in Western politics against the USSR during the Cold War and today. In: *Black Sea region in the context of ensuring Russia's national security*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 50–53 (in Russ.).
13. Astrakhan, V. I. (2015). The reunification of Crimea with Russia as a factor in the transformation of ideas about challenges and threats to national security. In: *The role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPa Publ., 2015. 7–14 (in Russ.).
14. Boriskin, V. V. (2015). "Lessons" of Crimea in historical retrospective. In: *Role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPa Publ., 48–52 (in Russ.).
15. Konyshchev, V. N. (2019). Reunification of Crimea and Hybrid War. In: *Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 22–27 (in Russ.).
16. Korolenko, A. A. (2024). The reunification of Crimea and Sevastopol with Russia on March 18, 2014: prerequisites, reasons, a new geopolitical and military-political situation in the world - the result of the "Crimean Spring". In: Nikitin, Yu. A. & Popravko, E. A., eds. *Crimea is the Russian Land*. St. Petersburg: R-Kopi Publ., 132–143 (in Russ.).
17. Savitskiy, I. V. (2019). Study of the "Crimean Spring" by Russian historians: to the results of the first five-year plan. In: Vilkovaly, A. A., ed. *Five-year anniversary of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., 108–113 (in Russ.).
18. Tsybakov, D. L. (2015). "Crimean Question" as a factor of national security of modern Russia. In: Shchegolev, A. V., ed. *Role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPa, 24–27 (in Russ.).
19. Chigrin, V. A. & Gorodetskaya, E. G. (2019). Reunification of Crimea with Russia: five years together (based on monitoring materials). In: Garas, L. N., Krienko, E. F., eds. *Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 27–33 (in Russ.).
20. Gorbova, I. N. (2015). Prospects for the economic development of Crimea as part of the Russian Federation. In: *Role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPa, 52–56 (in Russ.).

21. Kasyanov, V. V. (2017). Socio-historical consequences of the return of Crimea to Russia. In: *Black Sea region in the history and modern development of the Russian state: integration experience*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 30–36 (in Russ.).
22. Kapshitar, V. G. (2024). Crimean operation: liberation of Crimea and Sevastopol April 8 – May 12, 1944. In: *Crimea is the Russian Land*. St. Petersburg: R-Kopi, 153–157 (in Russ.).
23. Amendment, E. A., Nikitin, Yu. A. (2024). The myth of the Kuchuk-Kainardzhi world and modern political and public discourses about the ownership of the Crimean peninsula. In: *Crimea is the Russian Land*. St. Petersburg: R-Kopi Publ., 2024. S. 115-122 (in Russ.).
24. Budarina, K. A. On the issue of improving political culture in the Republic in modern Russian conditions. In: *Role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPА, 2015. S. 48-52 (in Russ.).
25. Kerimov, A. A. (2019). Five-year anniversary of the reunification of Crimea with Russia: interpretation of the results in foreign media. In: *Five-year anniversary of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., 57–61 (in Russ.).
26. Leprosy, N. V. (2015). Crimea and Russia: public expectations and moods. In: Shchegolev, A. V., ed. *Role and significance of the reunification of Crimea with Russia*. Oryol: Orlovskiy filial RANEPА Publ., 18–23 (in Russ.).
27. Baranov, A. V. (2019). Ethnopolitical processes in Crimea and Sevastopol (based on materials of sociological polls). In: *Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 14–22 (in Russ.).
28. Kuzmin, V. P. (2019). The reunification of Crimea with Russia as a prerequisite for the development of civil development in modern Crimea. In: *Five years of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., 74–81 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловский Николай Михайлович (г. Москва) – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знания» Государственного университета просвещения;

e-mail: NikolayMilovskiy@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-3800-4399

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaya M. Milovsky (Moscow) – Cand. Sci. (History), Researcher, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society «Knowledge», Federal State University of Education;

e-mail: NikolayMilovskiy@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-3800-4399

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-129-137

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ КАЗАХСТАНА

Ковригин В. В.*, Мусаева У. К., Семченко А. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vv.kovrigin@guppros.ru

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 16.02.2026

Принята к публикации 28.02.2026

Аннотация

Цель. Выявить особенности отражения истории Великой Отечественной войны в современных школьных учебниках истории Казахстана, определить динамику историографических подходов к освещению военного периода 1941–1945 гг. и оценить степень политизации данной темы в контексте национальной образовательной политики Республики Казахстан.

Процедура и методы. Эмпирическую базу исследования составили 3 рекомендованных Министерством просвещения Республики Казахстан учебника по истории Казахстана. Применялся комплексный подход, включающий контент-анализ текстов с использованием инструментов машинного обучения: лемматизация и векторизация текста с помощью библиотеки *scikit-learn*, формирование облака слов (WordCloud), кластеризация тематических линий. Дополнительно использовались методы количественного анализа (подсчёт объёма текста, частотности упоминаний ключевых событий, персоналий, воинских формирований) и качественного анализа нарративных стратегий.

Результаты. Установлено, что тема Великой Отечественной войны в казахстанских учебниках остаётся наименее политизированной по сравнению с другими периодами советской истории. За последнее десятилетие отмечается увеличение объёма изложения и усиление биографического компонента. Выявлены устойчивые тенденции: 1) хронологический дисбаланс – преобладание оборонительного этапа войны (1941–1943 гг.) при недостаточном освещении наступательных операций 1944–1945 гг.; 2) сохранение советского нарратива без критики деятельности советского руководства в военный период; 3) географическая концентрация памяти вокруг Москвы, Ленинграда и Сталинграда при слабой представленности освободительной миссии Красной армии в Европе; 4) рост доли героико-патриотической лексики при одновременном усилении мотива жертвенности. Подтверждено соответствие изложения военного периода общесоюзному канону с акцентом на подвиге казахстанцев в составе единого советского народа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области историографии школьных учебников, преподавателями курса историографии при подготовке к занятиям.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспитательный потенциал, историография, история Казахстана, школьный учебник

Благодарности. Работа подготовлена в рамках реализации грантового научно-исследовательского проекта Государственного университета просвещения на 2025 г. по теме: «Историографическое и научно-методическое содержание материала о Второй мировой войне в отечественных и зарубежных школьных учебниках: ключевые концепции, воспитательные аспекты, инструменты формирования исторической памяти» (утв. приказом № ПР-7 от 13.01.2026).

Для цитирования:

Ковригин В. В., Мусаева У. К., Семченко А. А. Отражение истории великой отечественной войны в современных школьных учебниках Казахстана // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 129–137.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-129-137

Original research article

REPRESENTATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN SCHOOL TEXTBOOKS IN KAZAKHSTAN

V. Kovrigin, U. Musaeva, A. Semchenko

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: vv.kovrigin@guppros.ru*

Received 02.02.2026

Revised 16.02.2026

Accepted 28.02.2026

Abstract

Aim. To identify the features of the Great Patriotic War's representation in modern school history textbooks in Kazakhstan, determine the dynamics of historiographical approaches to the coverage of the 1941–1945 war period, and assess the degree of politicization of this topic in the context of the national educational policy of the Republic of Kazakhstan.

Methodology. The study's empirical base was formed by three textbooks on the history of Kazakhstan recommended by the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan. A comprehensive approach was applied, including content analysis of texts using machine learning tools: lemmatization and text vectorization using the scikit-learn library, word cloud formation (WordCloud), and clustering of thematic lines. Additionally, quantitative analysis methods were used (counting the volume of text, the frequency of mentions of key events, personalities, and military formations) and qualitative analysis of narrative strategies.

Results. It has been established that the topic of the Great Patriotic War remains the least politicized in Kazakhstani textbooks compared to other periods of Soviet history. Over the past decade, there has been an increase in the volume of coverage and an enhancement of the biographical component. Stable trends have been identified: 1) chronological imbalance – the predominance of the defensive phase of the war (1941–1943) and insufficient coverage of the offensive operations of 1944–1945; 2) the preservation of the Soviet narrative without criticism of the Soviet leadership's actions during the war; 3) the geographical concentration of memory around Moscow, Leningrad, and Stalingrad, with a limited representation of the Red Army's liberation mission in Europe; 4) an increase in the use of heroic and patriotic language, accompanied by a stronger emphasis on sacrifice. The presentation of the war period was confirmed to be in line with the all-Union canon, emphasizing the heroism of the Kazakh people as part of the unified Soviet nation.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of school textbook historiography and by historiography course instructors in their preparation for classes.

Keywords: The Great Patriotic War, educational potential, historiography, history of Kazakhstan, school textbook

Acknowledgments. The work was prepared as part of the implementation of a grant research project of the State University of Education for 2025 on the topic: "Historiographic and scientific-methodological content of material about World War II in domestic and foreign school textbooks: key concepts, educational aspects, tools for the formation of historical memory" (approved Order No. PR-7 dated 13.01.2026).

For citation:

Kovrigin, V. V., Musaeva, U. K. & Semchenko, A. A. (2026). Representation of the history of the great patriotic war in modern school textbooks in Kazakhstan. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 129–137.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-129-137

Введение

В последние годы в отечественной историографии возрос интерес к изучению содержания школьных учебников. Учебная книга для историков стала популярным источником для исследования эволюции исторической науки. Опираясь на самые авторитетные труды специалистов, учитывая государственную политику, автор учебника выражает наиболее популярные концепции и подходы к трактовкам исторических событий. А. Н. Фукс в этой связи отмечает, что учебник является «историографическим феноменом», самостоятельным историческим источником [1].

В СССР единый школьный учебник однозначно отражал официальную точку зрения на исторический процесс. С распадом Советского Союза учебное книгоиздание в большинстве республик было либерализовано. Появились десятки, а иногда и сотни школьных учебников, часто противоречивших друг другу в трактовках даже ключевых событий. Историографическая ситуация и образовательная политика во многих республиках бывшего СССР оказалась крайне противоречивой: с одной стороны, проявился резкий взрыв национального самосознания, доходивший до открытого национализма, отрицания позитивных исторических тенденций, заложенных в единой семье

народов в советскую эпоху, с другой – декларировалось желание сохранить связи с Россией. В нашей же стране в 1990-е гг. трансформации школьных учебников были иными: многие авторы делали акцент на критике советского прошлого и своего рода «самобичевании».

В 2010-е гг. в большинстве стран бывшего СССР начался процесс централизации издания школьных учебников истории. На учебниках независимых республик уже выросло целое поколение. В некоторых государствах, например, на Украине, во многом именно учебники и в целом историческое образование стали важнейшим фактором резкого роста националистических настроений.

Казахстан в этом вопросе занимает компромиссную позицию. С одной стороны, усиление национальной политики, получившее неформальное наименование «казахизация», очевидно. Казахский язык стал основным, а зачастую и единственным в официальном общении. О серьезной казахизации говорят, например, списки кадрового резерва управленцев в сфере образования и науки (Республиканского кадрового резерва Министерства просвещения Республики Казахстан)¹. Этнических казахов в резер-

¹ Список педагогов, зачисленных в республиканский кадровый резерв [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T5LRK> (дата обращения: 10.06.2026).

ве более 96%. Это касается даже столицы (Астаны) и областей восточного Казахстана, где русское население составляет значительную часть жителей.

С другой стороны, руководство Казахстана декларирует дружбу с Россией, идеи евразийства, ключевыми тезисами которых являются общность многих аспектов развития стран Евразии, многополярность, экономическая интеграция и сотрудничество во всех сферах. Казахстан является активным участником Евразийского экономического сообщества. В образовательной политике декларируется троязычие: казахский, русский и английский языки: казахский – государственный язык и язык национальной культуры, русский – язык межнационального общения, английский – язык интеграции в международную систему. В Казахстане сохраняются русские школы, издаются учебники не только на казахском, но и русском языках.

Система школьного исторического образования в Казахстане

Школьное историческое образование в Казахстане до недавнего времени соответствовало российской модели. История преподавалась в 2 концентриках. На ступени 5–9 классов курс всеобщей и отечественной истории имел логическое завершение, а в центре старшей школы (10–11 классы) повторялся на углублённом уровне. Однако с 2010-х гг. в стране начались реформы системы образования. Сократился объём часов на историю до 1991 г. и значительно возрос на изучение истории и политики независимого Казахстана. По сути, концентрическая система была отменена. Великая Отечественная война изучалась в 9 классе, однако с конца 2010-х гг. материалы о 1941–1945 гг. были перемещены в учебники для 8 класса. В современных учебниках для 9 классов представлен исторический процесс второй половины XX – начала XXI в.: послевоенное развитие, целина, перестройка, распад СССР,

независимый Казахстан, политическое и социально-экономическое развитие до наших дней. В 10–11 классах история Казахстана и всемирная история изучаются дифференцированно в зависимости от профиля: в общественно-гуманитарных классах часов больше, чем в естественно-математических.

Содержание на старшей ступени включает углублённое изучение новейшей истории Казахстана, анализ ключевых реформ, внешней политики, интеграционных процессов и подготовку к выпускным экзаменам. Таким образом, изучение истории и политики независимого Казахстана углубилось заметно. Кроме того, сегодня страна переходит на 12-летнее школьное образование, что ещё больше расширяет объём часов на изучение истории независимого Казахстана.

Традиционно изучение истории в казахстанских школах предполагает её деление на Всемирную историю и историю Казахстана. Первая чаще всего предполагает линейно-хронологический подход. История же Казахстана построена на сочетании линейно-хронологического и аспектно-проблемного подходов.

В 2000-е – начале 2010-х гг. история Великой Отечественной войны в основном изучалась в курсе Всемирной истории. Так, например, в учебнике М. Козыбаева 2009 г. всего 2 параграфа из 46 посвящены истории ВОВ, и в основном только участием казахстанцев («Казахстанцы в Великой Отечественной войне»¹). В учебнике М. К. Койгельдиева истории Великой Отечественной войны вообще не нашлось места². Однако «геноциду Голощёкина», «репрессиям» и переселенческой политике в учебнике посвящены отдельные параграфы. Стремление «отказаться» от идентификации Великой Отечествен-

¹ Козыбаев М., Нурпеис К., Жукешев К. История Казахстана (1914–2009 гг.): учеб. для 9 кл. общеобразоват. шк. Алматы: Мектеп, 2009. С. 72.

² Койгельдиев М. К. История Казахстана (Важнейшие периоды и научные проблемы): учеб. для 11 кл. обществ.-гуманит. напр. общеобр. шк. Алматы: Мектеп, 2007. 296 с.

ной войны как составной и важнейшей части отечественной истории XX в. – один из признаков «национализации» истории своей страны. Подобный национальный подход, акцент на трагедиях и борьбе за независимость характерны для учебников первых десятилетий независимого Казахстана.

В последнее десятилетие авторы школьных учебников истории Казахстана стали больше уделять внимания Великой Отечественной войне. В настоящее время в перечень рекомендуемых Министерством просвещения включены несколько линий учебников, в которых событиям 1941–1945 гг. посвящены как минимум по 5 параграфов.

Современные учебники истории Казахстана многие российские исследователи справедливо критикуют за отдельные искажения и акценты на трагических страницах советской истории, замалчивание многих позитивных тенденций в Казахской ССР [2, с. 2]. Весьма противоречиво авторы казахских учебников оценивают политику вхождения Казахстана в Российскую империю [3, с. 396]. Серьёзные вопросы вызывает трактовка авторами казахских учебников национальной политики царского и советского правительств [4, с. 96; 5, с. 97]. Традиционно большое внимание авторы школьных учебных книг в Казахстане уделяют репрессиям, голоду и переселенческой политике, описывая эти события в крайне негативных красках. Некоторые исследователи отмечают, что даже роль российской власти в сохранении и развитии культуры казахов может быть изложена в негативном ключе [6, с. 104]. Критика учебников для школ Казахстана была отмечена и со стороны отдельных казахских авторов [7].

Следует, однако, отметить, что в современных учебниках истории Казахстана Великая Отечественная война – одна из тем, которая в наименьшей степени политизирована и «национализирована». Интерес к теме отражения истории

Великой войны в казахских учебниках существует довольно давно [8; 9; 10; 11]. Так, А. А. Галиев отмечает, что «отношение к войне в Казахстане демонстрирует наличие различных точек зрения, но в политике памяти преобладает советская концепция истории войны» [8, с. 29].

Контент-анализ материала о Великой Отечественной войне в школьных учебниках истории Казахстана

В настоящем исследовании представлены для обсуждения результаты контент-анализа материала о Великой Отечественной войне в современных школьных учебниках Казахстана. Эмпирической базой исследования стали рекомендованные Министерством просвещения Республики Казахстан школьные учебники по отечественной истории, используемые в настоящее время¹. Это 2 основные линии школьных учебников, выдержавших неоднократные переиздания. Для сравнения и выявления историографической динамики в отражении материала о Великой Отечественной войне представлен результат анализа наиболее популярного в середине 2010-х гг. учебника по истории Казахстана² (табл. 1). Этот учебник также многократно переиздавался.

Анализ текста осуществлялся с помощью модулей библиотеки *sklearn*, разработанных для контент-анализа текста. Текст подвергался векторизации и лемматизации. Облако слов формировалось с помощью модуля *WorldCloud*. Автором разработан код для анализа текста в *Python* с помощью вышеуказанных библиотеки и её модулей.

¹ История Казахстана (1900–1945 гг.): учебник для 8 кл. общеобразоват. шк. / К. С. Ускембаев, З. Г. Сақтаганова, Л. И. Зуева. Алматы: Мектеп, 2025. 248 с.; История Казахстана: учебник для 8 класса общеобразовательной школы / З. Е. Кабульдинов, М. Д. Шаймердетіова, Е. М. Куркеев. Алматы: Атамұра, 2025. 208 с.

² История Казахстана (с начала XX в. по настоящее время): учебник для 9 кл. общеобразоват. шк./ М. К. Козыбаев, К. Н. Нурпеис, К. М. Жукешев. Алматы: Мектеп, 2013. 296 с.

Таблица 1 / Table 1

Базовые параметры анализа освещения войны в учебниках / Basic War Lighting Analysis Settings in Textbooks

Параметр	Козыбаев 2013	Ускембаев 2025	Кабульдинов 2025
Объем текста (слов)	649	793	954
Уникальных упоминаний героев	12	12	22
Воинских формирований	3	1	3
Упоминаний битв	18	17	17

Источник: составлено авторами

Все 3 учебника уделяют сопоставимое внимание географии сражений (17–18 упоминаний), что указывает на устойчивый консенсус относительно ключевых событий войны в последнее десятилетие. В учебниках 2025 г. заметен рост интереса к событиям Великой Отечественной войны – объём текста становится больше.

Представление о характере текста даёт облако слов. Облако в модели World-Cloud очищено от стоп-слов, предлогов и иных не несущих смысловой нагрузки элементов текста.

Учебники характеризуются высокой плотностью военной терминологии, что свидетельствует о фактографическом,

институционально-ориентированном подходе. Следует заметить, что в облаке слов проявляются 2 особенности отражения истории войны: события 1941–1945 гг. освещаются в героическом ключе (об этом свидетельствуют слова «война», «герой», «подвиг» и т. д.), ярко показан подвиг казахстанцев на фоне общей истории войны (об этом свидетельствует частотность употребления слов «казахстанцы», «республика», «участвовали», с одной стороны, и «СССР», «Сталинград», «Ленинград», с другой).

Основные тематические линии анализируемых школьных учебников, которые выделила модель *machine-learning*, включа-

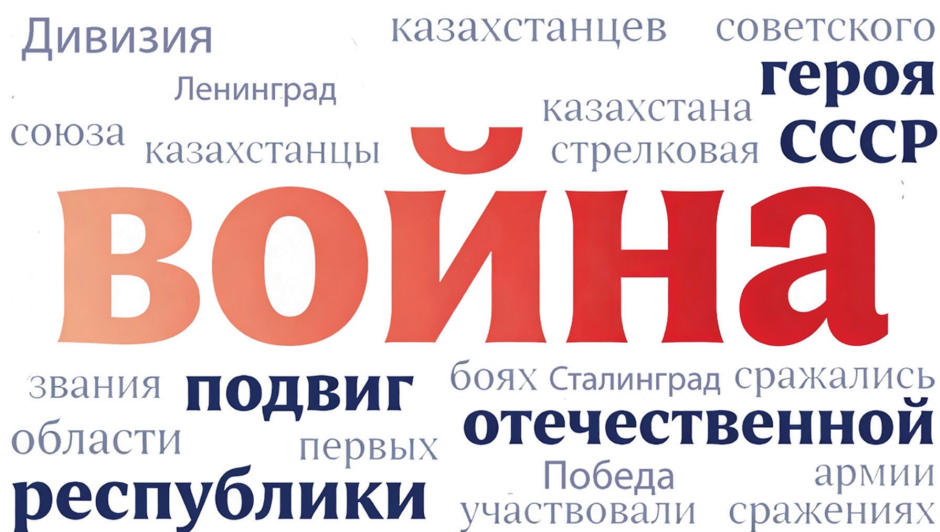

Рис. 1 / Fig. 1. Облако слов всех анализируемых учебников / Word cloud of all analyzed textbooks

Источник: составлено авторами

ют героизм и патриотизм, военную организацию и действия армий, мотивы жертвенности и гордость за победу (табл. 2).

Анализ тематического наполнения учебников свидетельствует, что лексика победы и освобождения недостаточно представлена во всех учебниках (9–14%), что указывает на фокус на оборонительном этапе войны (1941–1943) в ущерб наступательным операциям 1944–1945 гг. Это искажает целостную картину войны и недооценивает вклад казахстанцев в освобождение Восточной Европы. Следует отметить, что тенденция усиления мотивов жертвенности в ущерб гордости за победу характерна для учебников 2025 г. Вместе с тем очевидна и тенденция усиления героических начал в освещении событий Великой Отечественной войны.

Рассмотрим далее географию памяти о Великой Отечественной войне в школьных учебниках Казахстана. Наиболее часто упоминаемые события:

1. Ленинград/блокада Ленинграда – 12 упоминаний (максимум в учебнике Кабульдинова – 5);
2. Сталинград/Сталинградская битва – 13 упоминаний (максимум у Козыбаева – 7);
3. Битва за Москву – 6 упоминаний (равномерное распределение).

Остальные события, в т. ч. и Курская битва, упоминаются заметно реже. Берлинская операция освещена во всех учебниках схематично, а освободительная миссия советских войск в Европе практически не представлена. Эти события презентуются в учебнике Всемирной

истории. Результаты анализа частотности упоминаний сражений в учебниках подчёркивает больший акцент на оборонительном этапе войны и усилении мотивов жертвенности в последние годы.

Важнейшей тенденцией учебников истории Казахстана последних лет стало усиление роли биографического материала. В книгах 2025 г. до 40% учебного материала о Великой Отечественной войне посвящено биографиям и описанию подвигов героев-казахстанцев.

При этом ни в одном учебнике не сделано попытки показать в негативном свете деятельность советского командования, политической власти СССР в годы войны. В целом, освещение Великой Отечественной войны соответствует «традиционным» советским нарративам.

Заключение

История Великой Отечественной войны для многих постсоветских республик, включая Казахстан, не представляет собой «поле битвы» историков, в отличие от других тем (колониальная политика, репрессии и т. п.). В целом освещение войны соответствует советской модели, заложенной ещё десятилетия назад. Однако определённые тенденции отметить можно. Географическая концентрация памяти вокруг Москвы, Ленинграда и Сталинграда недооценивает вклад казахстанцев в освобождение Европы и партизанское движение.

В освещении Великой Отечественной войны в учебниках истории Казахстана наблюдается хронологический дис-

Таблица 2 / Table 2

Основные тематические линии учебников и их соотношение, в % / The main thematic lines of textbooks and their ratio, %

Учебник	Героизм и патриотизм	Военная организация	Жертвенность	Победа
Козыбаев 2013	17,9%	57,1%	10,7%	14,3%
Ускембаев 2025	36,4%	27,3%	27,3%	9,1%
Кабульдинов 2025	17,2%	55,2%	17,2%	10,3%

Источник: составлено авторами

баланс: фокус на оборонительном этапе (1941–1943) при недостаточном освещении наступательных операций (1944–1945), что подтверждается низкой долей лексики победы (9–14%). Преобладает военно-институциональный нарратив над героико-патриотическим.

В современных учебниках интерес к истории Великой Отечественной войны стал больше, однако усилились мотивы

жертвенности. История войны в казахских учебниках всё «национализируется», стало заметно больше сюжетов об участии казахстанцев в войне, однако это авторы не противопоставляют такую канву изложения сражениям и победе всего советского народа над фашизмом. В целом, тема Великой Отечественной войны в учебниках истории Казахстана остаётся наименее политизированной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.) М.: МГОУ, 2017. 420 с.
2. Петрищева М. В. Формирование образа России в школьных учебниках истории Казахстана как фактор влияния на межгосударственные отношения // *Genesis: исторические исследования*. 2025. № 1. С. 1–19. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.69747
3. Ерманалиева А. Р. Рожкова З. П. Постколониальный дискурс в Казахстане и Узбекистане: на примере учебников истории // *Постсоветские исследования*. 2025. Т. 8. № 4. С. 392–401.
4. Ушакова А. Репрезентация русских в учебниках истории Казахстана // *Мир Большого Алтая*. 2017. Т. 3. №1. С. 96–109.
5. Ключарева В. В. От Казахской ССР до "независимого" Казахстана: учебник по истории как способ формирования национальной идентичности // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2022. № 2. С. 96–102. DOI: 10.37386/2413-4481-2022-2-96-102
6. Хлыщева Е. В., Тихонова В. Л. "Культура отмены" как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана) // *Концепт: философия, религия, культура*. 2023. Т. 7. № 2. С. 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123
7. Масанов Н., Савин И. Россия в казахских учебниках истории // *Мир истории*. 2004. № 1. С. 49–55.
8. Галиев А. А., Мырзахметова А. Ж. Великая Отечественная война в политике памяти в Российской Федерации и Республике Казахстан // *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*. 2019. Т. 94. № 2. С. 24–30.
9. Машкарин М. И. Великая Отечественная война в изложении современных казахстанских учебников // *Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции: мат-лы конф. / отв. ред. В. В. Гермизеева*. Омск: Омский государственный технический университет, 2015. С. 77–82.
10. Дружинина Ю. В., Бехтенова Е. Ф. Тыл во время Великой Отечественной войны: отражение темы на страницах школьных учебников истории Республики Казахстан и Киргизской Республики // *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. конф. Вып. 3*. М.; СПб., 2020. С. 168–188. DOI: 10.31754/nesstor4469-1824-9.10
11. Satanov A. B. On the formation of historical memory of the Great Patriotic War among students of secondary schools of Kazakhstan // *Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series*. 2021. Vol. 101. № 1. P. 29–35. DOI: 10.31489/2021hph1/29-35

REFERENCES

1. Fuchs, A. N. (2017). School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (late 17th century – second half of the 1930s) Moscow: MGOU Publ. (in Russ.).
2. Petrishcheva, M. V. (2025). Formation of the image of Russia in school textbooks of the history of Kazakhstan as a factor in influencing interstate relations. In: *Genesis: historical research*, 1, 1–19. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.69747 (in Russ.).
3. Ermanaliev, A. R & Rozhkova, Z. P. (2025). Postcolonial discourse in Kazakhstan and Uzbekistan: on the example of history textbooks. In: *Post-Soviet research*, 8-4, 392–401 (in Russ.).

4. Ushakova, A. (2017). Representation of Russians in history textbooks of Kazakhstan. In: *World of the Greater Altai*, 3-1, 96–109 (in Russ.).
5. Klyuchareva, V. V. (2022). From the Kazakh SSR to "independent" Kazakhstan: a history textbook as a way to form national identity. In: *Bulletin of Altai State Pedagogical University*, 2, 96–102. DOI: 10.37386/2413-4481-2022-2-96-102 (in Russ.).
6. Khlyshcheva, E. V. & Tikhonova, V. L. (2023). "Cancel culture" as a mechanism for constructing the national identity of the countries of the Caspian macroregion (using the example of analyzing the educational literature of Kazakhstan and Turkmenistan). In: *Concept: philosophy, religion, culture*, 7-2, 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123 (in Russ.).
7. Masanov, N. & Savin, I. (2004). Russia in Kazakh history textbooks. In: *World of history*, 1, 49–55 (in Russ.).
8. Galiev, A. A. & Myrzakhmetova, A. Zh. (2019). The Great Patriotic War in memory policy in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. In: *Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy*, 94-2, 24–30 (in Russ.).
9. Mashkarin, M. I. (2015). The Great Patriotic War in the presentation of modern Kazakhstani textbooks. In: Germizeev, V. V., ed. *Russia and Kazakhstan: historical experience of cooperation and prospects for integration*. Omsk: Omsk State Technical University Publ., 77–82 (in Russ.).
10. Druzhinina, Yu. V. & Bekhtenova, E. F. (2020). Rear during the Great Patriotic War: reflection of the topic on the pages of school textbooks of the history of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic. In: *Teaching military history in Russia and abroad. Iss. 3*. Moscow; St. Petersburg, 168–188. DOI: 10.31754/nesor4469-1824-9.10 (in Russ.).
11. Satanov, A. B. (2021). On the formation of historical memory of the Great Patriotic War among students of secondary schools of Kazakhstan. In: *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series*, 101-1, 29–35. DOI: 10.31489/2021hph1/29-35 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковригин Вадим Валерьевич (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;

e-mail: vv.kovrigin@guppros.ru

Мусаева Улькер Кязимовна (г. Москва) – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;

e-mail: musaeva_ulker@mail.ru

Семченко Александр Анатольевич (г. Москва) – доктор политических наук, профессор кафедры по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета Просвещения;

e-mail: cfifc@ya.ru; ORCID: 0009-0008-3566-4030

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim V. Kovrigin (Moscow) – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State University of Education;

e-mail: vv.kovrigin@guppros.ru

Ulker K. Musaeva (Moscow) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department for the Development of Educational Activities, Russian Society “Knowledge”, Federal State University of Education;

e-mail: musaeva_ulker@mail.ru

Alexander A. Semchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department for the Development of Educational Activities, Russian Society “Knowledge”, Federal State University of Education;

e-mail: cfifc@ya.ru; ORCID: 0009-0008-3566-4030

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-138-148

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Сухов В. В.*, Жигирева Е. Г., Тучин В. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 18.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Аннотация

Цель. Рассмотреть историю реализации попыток внедрения деятельностного подхода к изучению отечественной региональной истории в советское время, в постсоветской и современной России.

Процедура и методы. В ходе исследования был проведён сравнительный анализ учебных пособий и элементов учебно-методических комплексов за приблизительно 100 лет – с 1920-х по 2020-е гг. Рассмотрению подверглись те учебные пособия, рабочие тетради и практикумы, в которых авторами предпринимались попытки предложить альтернативный традиционному нарративному подход к освоению обучающимися материала как общей отечественной, так и региональной истории. Для выявления содержательных и методических взаимосвязей между различными учебными пособиями использовался историко-генетический подход.

Результаты. В ходе изучения круга учебных пособий 1920–2020 гг. получены данные, свидетельствующие о нескольких этапах, на которых предпринимались попытки внедрения деятельностного подхода в изучение общей отечественной и региональной истории. Очевидно смещение в последнюю четверть века в сторону более многостороннего и активного внедрения деятельностного подхода в преподавание общей и региональной истории, а также вовлечения таких аспектов региональной истории, как история духовной жизни, политической борьбы 1920-х – 1930-х гг., практически исчезает проблематика социального неравенства и революционной борьбы в дореволюционный период. При этом сохраняется внимание к подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, роли выдающихся деятелей культуры и искусства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Приводимые в статье данные могут быть использованы для дальнейших исследований в области изучения региональной истории в рамках школьного обучения. Кроме этого, история внедрения деятельностного подхода в преподавании истории в школе даёт возможность использования наиболее удачных практических достижений в современном учебном процессе.

Ключевые слова: региональная история, практикум, деятельностный подход, краеведение

Благодарности. Работа подготовлена в рамках реализации грантового научно-исследовательского проекта Государственного университета просвещения на 2026 год по теме: «Практи-

кум по истории Московской области с древнейших времён до начала XXI века для учащихся 5–7 классов по предмету «История нашего края: Московская область» (утв. приказом № ПР-7 от 13.01.2026).

Для цитирования:

Сухов В. В., Жигирева Е. Г., Тучин В. А. Региональная история в отечественных школьных учебных пособиях новейшего времени в контексте внедрения деятельностного подхода // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 138–148.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-138-148

Original research article

REGIONAL HISTORY IN MODERN RUSSIAN SCHOOL TEXTBOOKS IN THE CONTEXT OF INTRODUCING AN ACTIVITY-BASED APPROACH

V. Sukhov*, E. Zhigireva, V. Tuchin

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru*

Received 02.02.2026

Revised 18.02.2026

Accepted 26.02.2026

Abstract

Aim. To examine the history of attempts to implement an activity-based approach to studying Russian regional history in Soviet, post-Soviet, and modern Russia.

Methodology. The study conducted a comparative analysis of textbooks and elements of educational and methodological complexes over approximately one hundred years, from the 1920s to the 2020s. The study focused on textbooks, workbooks, and practical exercises that attempted to offer an alternative approach to teaching students about both national and regional history, rather than the traditional narrative approach. A historical-genetic approach was used to identify the content and methodological connections between different textbooks.

Results. A study of a range of textbooks from the 1920s to the 2020s revealed several stages at which attempts were made to introduce an activity-based approach to the study of general national and regional history. There has been an obvious shift in the last quarter of the century towards a more multilateral and active implementation of an activity-based approach in teaching general and regional history, as well as the involvement of such aspects of regional history as the history of spiritual life, the political struggle of the 1920s – 1930s, and the problems of social inequality and revolutionary struggle in the pre-revolutionary period. At the same time, attention remains focused on the feat of the Soviet people in the Great Patriotic War, the role of outstanding cultural and artistic figures.

Research implications. The data presented in the article can be used for further research in the field of studying regional history within the framework of school education. In addition, the history of implementing an activity-based approach in teaching history at school provides an opportunity to use the most successful practical achievements in the modern educational process.

Keywords: regional history, workshop, activity-based approach, local history

Acknowledgment. The work was prepared as part of the implementation of the State University of Education's grant research project for 2026 on the topic: «Practical Work on the History of the Moscow Region from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century for Students in Grades 5–7 in the Subject 'History of Our Region: The Moscow Region'» (approved by Order no. PR-7 dated January 13, 2026).

For citation:

Sukhov, V. V., Zhigireva, E. G. & Tuchin, V. A. (2026). Regional history in modern Russian school textbooks in the context of introducing an activity-based approach. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 138–148.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-138-148

Введение

Период 1920-х – начала 1930-х гг. в советской России охарактеризовался 2 оставившими значительное наследие процессами. Во-первых, на это время приходится расцвет краеведения и усиления внимания к вопросам региональной истории. Помимо государственной поддержки и перетекания части интеллигенции из крупных городов в провинцию, среди причин такого расцвета называется и потребность в изменении характера школьного преподавания, которое следовало теснее связать с практикой [1, с. 34–35]. С опорой на зарубежный опыт (Дж. Дьюи, М. Монтессори и др.) предполагалось расширить поле самостоятельной деятельности обучающихся, увеличить возможности поиска и эксперимента. После отказа в 1923 г. от «предметного» построения содержания школьного обучения (история становилась частью обществоведения, а её содержание частично было отражено в таких учебниках, как «Фазы общественного развития»¹) к середине 1920-х гг. при изучении обществоведения одна из частей основного курса этого предмета предполагала изучение «Эволюции общественной жизни в данном крае» [1, с. 35–36]. Соответственно, при практикоориентированном освоении данного предмета обучающиеся неизбежно обращались к региональной истории.

¹ Гуковский А. И., Трахтенберг О. В. Фазы общественного развития: Учебная книга / под ред. П. Кушнера (Кнышева). Вып. 1. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 148 с.

Во-вторых, в этот период деятельностный подход в школьном обучении начинает получать мощное теоретическое обоснование в работах выдающихся отечественных психологов и философов, прежде всего Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна.

Несмотря на то, что уже в середине 1930-х гг. в школьном преподавании произошёл системный отказ от педагогических экспериментов предшествовавшего десятилетия, и в школьную программу вернулся предмет «История» с унифицированным общесоюзным содержанием, которое было отражено в единых учебниках, новые попытки расширить использование деятельностного подхода в преподавании истории, как и попытки восстановить изучение региональной истории в рамках школьного курса истории, предпринимались на протяжении второй половины XX – начала XXI вв.

В свете введения в настоящее время курса «История нашего края» как части курса истории России представляется важным проследить ключевые этапы внедрения деятельностного подхода в изучение общей истории Отечества и региональной истории на протяжении последнего столетия.

Реализация деятельностного подхода в учебных пособиях по общей отечественной и региональной истории советского и постсоветского времени

Как было указано выше, в первой половине 1920-х гг. школьное преподавание истории (в рамках обществоведения)

было ориентировано на практическую деятельность ученика, в т. ч. поисковую, что в реалиях того времени могло быть реализовано, прежде всего, в виде краеведческой деятельности. Деятельность массово распространившихся краеведческих кружков и обществ, отразившаяся в т. ч. в их публикационной активности [2], демонстрировала, каких значительных результатов можно достичь в области изучения истории родного края. По словам Н. К. Крупской, взгляды которой во многом определяли формирование подхода к преподаванию истории в школе, учебники, необходимые школе, должны были быть связаны с непосредственной жизнью и бытом учеников, в частности, отражать «жизнь ребят данной школы» [3, с. 56]. Дополнительным фактором, стимулировавшим обращение к тому материалу, который был сравнительно в большей степени доступен для учеников, была и острая нехватка учебников, обеспеченность школы которыми даже в середине 1920-х гг. не превышала 30% [4, с. 16]. Особенно по очевидным причинам страдали от этого сельские школы.

Примером реализации деятельностного подхода к изучению истории может быть «Рабочая книга по истории» А. А. Введенского и А. В. Предтеченского (1928)¹, которая, по словам её составителей, появилась как обобщение их педагогического опыта и была призвана заполнить лауну, образовавшуюся из-за несоответствия применения лабораторного метода в преподавании истории и имевшейся учебной литературы: «одни из пособий представляют собой... учеб-

ники, которые дают совершенно обработанный материал, недостаточный для лабораторной работы. Другие являются сборниками документов (хрестоматии), пользоваться которыми самостоятельно учащийся не может»². В «Рабочей книге по истории» каждая тема выстроена по единой логике:

- 1) целевая установка;
- 2) источниковый материал для изучения учениками, сопровождающийся вопросами, на которые необходимо было давать только письменный ответ;
- 3) краткий заключительный очерк, преследующий цель обобщения полученных данных и сделанных учениками выводов, а также сообщения дополнительных сведений, которые невозможно было получить из представленных источников;
- 4) конференция с докладами учеников и завершающим словом учителя.

«Рабочая книга...» объединяла всеобщую и отечественную историю. Часть материала, как предполагалось, ученики должны получить из книг, рекомендуемых для домашнего чтения (так, по эпохе Ивана Грозного составители рекомендовали работы С. Ф. Платонова «Иван Грозный» и «Борис Годунов» и гл. I книги М. Вяткина «Торговый капитал в России»). Хотя у значительной части школьников возможности ознакомиться с рекомендуемой литературой не было, тем не менее и имеющегося в «Рабочей книге...» материала было достаточно для формирования ключевых навыков работы с историческими источниками, складывания представлений о ключевых периодах отечественной истории.

Если «Рабочая книга...» Введенского и Предтеченского была рассчитана на освоение общего курса всемирной и отечественной истории, для реализации рекомендаций по преподаванию основного курса обществоведения требовалось привлекать материал по региональной истории. Так, на Тобольской окружной

¹ Введенский А. А., Предтеченский А. В. Рабочая книга по истории. М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. 2 ч. Ч. 1. 260 с.; Ч. 2. 267 с. «Рабочая книга» как наиболее приемлемый формат учебной литературы для школы была разработана сначала для начальной, а затем и для основной школы в середине 1920-х гг., в значительной мере её появление связано с именем П. П. Блонского, издавшего в 1924 г. знаменитую «Красную зорьку». «Рабочая книга» как форма нового учебника была одобрена на I Всероссийской конференции по учебнику и детской книге в 1926 г. [5, с. 65–66].

² Введенский А. А., Предтеченский А. В. Рабочая книга по истории... Ч. 2. С. 4.

учебно-практической конференции, прошедшей в 1923 г., делегаты указывали на краеведение как на основу содержания для большинства предметов, в частности, учителю предлагалось использовать издание местного Общества изучения края при Тобольском музее – книгу М. П. Коптилова «Декабристы в Тобольском крае» [6, с. 57]. Несколько месяцев издавался тобольский журнал «Наш край». Вместе с тем такая интеграция краеведения и школьного преподавания не была повсеместной [6, с. 57].

В ходе унификации школьного преподавания истории в середине 1930-х гг. и масштабного упадка краеведческого движения эксперименты по внедрению деятельностного подхода были свёрнуты. В новом учебнике по истории Отечества А. В. Шестакова не нашлось места даже вопросам на повторение¹.

Вместе с тем изучение региональной истории продолжалось в рамках деятельности детских кружков и клубов. Период конца 1940-х – 1980-х гг. отмечен рядом педагогических экспериментов, среди которых целесообразно отметить работу созданного по инициативе Г. А. Кулагиной в 1957 г. в Свердловске на историческом факультете Свердловского государственного пединститута и существовавшего более 30 лет кружка исторических игр (КИИ)². Несмотря на очевидную специфику игровых форм и методов обучения, обращает на себя внимание стремление коллектива, сложившегося вокруг Г. А. Кулагиной, видеть в дидактических играх по истории «своеобразное продолжение обучения истории в игровой фор-

ме», осваивая «не только то, что пройдено, но и то, что выходит за пределы учебных книг»³.

Так, в начале 1960-х гг. кружковцы Г. А. Кулагиной на основе изданных в 1960–1961 г. серий портретов героев и полководцев Гражданской войны создали игру «Мы знаем и помним своих героев», где на каждого героя создавался «квартет» (термин КИИ)⁴. Затем появились аналогичные серии «Герои Великой Отечественной войны», «Герои Советского Союза», «Герои Труда». Автор отмечает поисковый характер создания таких серий: для создания галереи портретов «использовали почтовые марки, картинки из отрывных календарей и с почтовых конвертов... Важно и то, что эти игры могут обновляться и продолжаться, т. к. каждый день в нашей стране приносит новые и новые имена героев труда и тех, кто, совершив героические поступки, в своё время по каким-либо причинам не приобрёл широкой известности в народе»⁵.

В это же время на основе педагогического опыта, показавшего эффективность использования таких средств организации самостоятельной деятельности обучающихся, появились тетради для самостоятельных работ по всеобщей истории⁶. Прежде всего, это тетради по истории древнего мира и средних веков

³ Кулагина Г. А. Сто игр по истории. М.: Просвещение, 1967. С. 31.

⁴ Квартет включал в себя: «а) портрет, б) текст краткой биографии, в) часть карты с указанием мест боёв и сражений, г) отрывок из воспоминаний о данном герое или отрывок из художественного произведения» (Кулагина... С. 45–46).

⁵ Кулагина... С. 46.

⁶ Тененбаум М. И. Тетрадь для самостоятельных работ по истории Древнего мира. V класс. М.: Учпедгиз, 1964. 92 с.; Тененбаум М. И. Тетрадь для самостоятельных работ по истории Средних веков. VI класс. М.: Учпедгиз, 1969. 102 с.; Тененбаум М. И. Тетрадь для самостоятельных работ по истории СССР. М.: Учпедгиз, 1967. 108 с. В это же время появляются и тетради для самостоятельных работ по другим школьным предметам, в частности, по физической географии (Токарский Н. К. Тетрадь для самостоятельных работ по физической географии для V кл. М.: Учпедгиз, 1960. 112 с.) и др.

¹ Краткий курс истории СССР. Учебник для 3–4 кл. / Под ред. проф. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. 235 с.

² Настольной книгой для многих учителей стала выдержавшая в 1983 г. переиздание книга, обобщившая опыт кружка (Кулагина Г. А. Сто игр по истории. М.: Просвещение, 1967. 278 с.) и расширившая предыдущее пособие: Кулагина Г. А. Кружок исторических игр. Пособие для студентов исторического факультета и учителей истории 8–9-х кл. Свердловск, 1961. 76 с.

(автор-составитель из Новосибирска – педагог и методист М. И. Тененбаум), предназначенные для закрепления полученных на уроке знаний по предмету. Они предполагали составление планов параграфов, выполнение заданий по контурным картам, заполнение сравнительных таблиц и работу с понятийным аппаратом с опорой на материал учебника, давая возможность разнообразить самостоятельную работу ученика. Тем не менее это начинание развития не получило. Появившиеся уже в конце советского периода сборники заданий для самостоятельной работы являлись пособиями для учителя¹.

В постсоветский период появляется значительное число экспериментальных учебных пособий по истории, в т. ч. подлинный расцвет переживают учебники и учебные пособия по региональной истории. Были и попытки реализации деятельностного подхода. Так, в издательстве гимназии «Открытый мир» в 1995–1996 гг. для учащихся средних классов вышли рабочие тетради по истории в серии «Шаг за шагом»². Возвращаясь к идее отказа от традиционного учебника, авторский коллектив под руководством педагога, создателя системы коммуникативной дидактики Ю. Л. Троицкого (Новосибирск, Москва) предложил дать возможность обучающемуся по сути самому написать свой собственный «учебник» по истории.

¹ См., напр.: Донской Г. М. Задания для самостоятельной работы по истории средних веков: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1987. 126 с. (переиздано в 1992 г.).

² Троицкий Ю. Л. История. Имя и родословная. М.: Изд-во гимназии «Открытый мир», 1995. 32 с. (Рабочие тетради. Шаг за шагом); Троицкий Ю. Л. История. Киевская Русь (эпизоды истории Отечества). Учебное пособие. М.: Изд-во гимназии «Открытый мир», 1995. 96 с. (Рабочие тетради. Шаг за шагом); Данилевский И. Н. История. Русь древняя и средневековая. 6 кл. М.: Изд-во гимназии «Открытый мир», 1996. 111 с. (Рабочие тетради. Шаг за шагом); Троицкий Ю. Л. История России X–XVI вв.: Рабочая тетрадь. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2001. 96 с.

Опираясь на достижения отечественной педагогики и психологии, авторы на основе системы «опорных конспектов, таблиц, диаграмм, тестов, логических заданий», работы с источниковым материалом рассчитывали стимулировать «формирование самостоятельного учебного алгоритма»³. Акцентировалось расширение поисковой активности ученика вне рамок школьной программы⁴. Более того, в установке уже первой такой тетради «Имя и родословная» ставилось ограничение на пересказ, воспроизведение учебного материала: «Даже если в тетради даны конкретные вопросы и задания, только ты сам должен решить, ЧТО и КАК на них отвечать... ты не должен писать то, что не является твоим собственным мнением»⁵.

Поскольку процесс освоения элементарных навыков исторического исследования был ориентирован на самостоятельность работы ученика, вновь возникает потребность обращения к истории малой Родины (раздел «Мой дом, моя улица, мой город» тетради «Имя и родословная»).

С середины 1990-х гг. рабочие тетради получили распространение не как самостоятельное средство организации деятельности обучающихся, а как часть учебно-методических комплексов, ядром которых является учебник, а методическое пособие для учителя, рабочая тетрадь, электронное приложение, а также в ряде случаев хрестоматия и атлас дополняют его. К своим учебникам разработали рабочие тетради Т. В. Черникова (история России), Л. А. Кацва (история России), А. Я. Юдовская (всеобщая история Нового времени) и др. Появились и

³ Троицкий Ю. Л. История. Имя и родословная... С. 3.

⁴ «Только на страницах учебников история выглядит просто и однозначно. Стоит сделать лишь один шаг за эти страницы – и то, что казалось ясным, теряет чёткий контур» (Данилевский И. Н. История. Русь древняя и средневековая... С. 3).

⁵ Троицкий Ю. Л. История. Имя и родословная... С. 3.

универсальные рабочие тетради, разработанные В. В. Кирилловым, Е. Н. Захаровой и другими авторами, при этом также написавшими свои учебники¹.

В это же время, в середине 1990-х гг., появляется ряд экспериментальных учебников и учебных пособий, ориентирующих на организацию самостоятельной деятельности учеников. Пример такого учебного пособия – «По следам прошлого» (в 3 ч.), созданный авторским коллективом лаборатории «МЕТАР» под руководством В. В. Сухова и увидевший свет в 1995–1998 гг. в издательстве «ТЕРРА»². Авторы стремились реализовать в данном учебнике принципы развивающего обучения, и сразу же после выхода первой части учебник прошёл масштабную апробацию в школе-гимназии № 91 г. Москвы, являвшейся ключевой экспериментальной площадкой внедрения системы развивающего обучения в преподавание в школе (ныне ГБОУ г. Москвы «Школа № 91») [8].

Внедрение деятельностного подхода в преподавании истории было реализовано в виде особых уроков-практикумов в учебнике по истории России, разработанном авторским коллективом под руководством профессора О. В. Волобуева³. В 2 частях учебника представлены 10 уроков-практикумов (напр., ч. 1 §36 «Советская экономическая политика: планы, трудности, результаты» и др.). В материалах к этим практикумам

представлены подборки документов по конкретной теме, на основе которых от обучающихся требовалось написать по каждой такой теме небольшую работу по предложенному плану с последующим обсуждением на уроке. Этот план близок структуре одного из заданий регионального и заключительного этапов Всероссийской олимпиады школьников (ВсОШ) по истории – исторического проекта – и включал постановку проблемы, краткую характеристику исторической ситуации, характеристику источников по теме и их возможностей для освещения проблемы, сравнительный анализ источникового материала с т. зр. изучаемой проблемы и подведение итогов этого мини-исследования.

Собственно сама форма такого олимпиадного задания, как исторический проект, была разработана в самом начале 2000-х гг. М. Ю. Брандтом и С. И. Козленко как компонент комплекта заданий ВсОШ по истории, проверяющий сформированность у участников навыков самостоятельного научного поиска и работы с историческими источниками разных типов, и получила развитие в дальнейшем. Определённым обобщением накопленного опыта с характеристикой примеров и рекомендациями обучающимся по подготовке к региональному и заключительному этапам ВсОШ по истории стала книга «Исторический проект», впервые вышедшая в 2017 г. в издательстве «Русское Слово»⁴.

УМК по региональной истории Московской области 2000-х – 2010-х гг. и реализация деятельностного подхода

Потребность в изучении истории родного края вызвала появление уже в 1990-х гг. в ряде регионов России учебных пособий такой направленности. К началу

¹ Характеристику начального периода разработки рабочих тетрадей по истории в 1990-х гг., а также экспериментальные результаты внедрения рабочих тетрадей в гимназии «Открытый мир» см.: [7].

² По следам прошлого: Дороги истории: Книга для начального обучения истории: Ч. 1 / Под общ. ред. О. Волобуева; Худож. А. Митрофанов. М.: ТЕРРА, 1997. 144 с.; Ч. 2 / Под общ. ред. О. Волобуева; Худож. А. Митрофанов. М.: ТЕРРА, 1997. 160 с.; Ч. 3: Путь России. История России в рассказах, иллюстрациях, заданиях / Под общ. ред. О. Волобуева; Худож. А. Митрофанов. М.: ТЕРРА, 1998. 208 с.

³ История России. Углубленный уровень. 11 кл.: в 2 ч. Учебник / О. В. Волобуев, В. В. Журавлёв, А. П. Ненароков, В. В. Сухов. М.: Дрофа, 2013–2014. Ч. 1. 2013. 358 с.; Ч. 2. 2014. 398 с.

⁴ Хитров Д. А., Черненко Д. А., Талызина А. А., Камараули Е. В. Исторический проект: учебно-метод. пособие. М.: Русское Слово, 2017. 374 с. (переиздано в 2019 г.).

2000-х гг. национально-региональный компонент начали активно внедрять в школьное преподавание истории, причём как в виде составляющей курса истории России (на неё Министерством образования и науки рекомендовалось выделять 10–15% учебного времени), так и в виде самостоятельных предметов и факультативов. В регионах активно велись дискуссии о формах и методах изучения истории родного края [9, с. 118].

В это же время для школ Московской области авторский коллектив лаборатории «МЕТАР» под руководством В. В. Сухова разработал учебник по истории Московской области, где была предпринята попытка соединить изучение региональной истории и реализацию принципов развивающего обучения¹. Учебник сразу создавался как элемент учебно-методического комплекса (УМК), включавшего в себя методическое пособие для учителя и рабочую тетрадь для ученика². Вышедший в издательстве Московского государственного областного университета, на базе которого действует лаборатория «МЕТАР», и выдержавший несколько переизданий УМК на протяжении длительного времени был основой преподавания регионального компонента по истории в Московской области, «соседствуя» с учебниками Л. Ф. Греханкиной «Родное Подмосковье»³ (как часть курса географии) и Л. Л. Шевченко «Духовное краеведение Подмосковья»⁴.

¹ Сухов В. В., Морозов А. Ю., Абдулаев Э. Н., Жигирева Е. Г. История Московской области: учеб. пособие для учащихся общеобраз. учреждений Московской области. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 206 с.

² Сухов В. В., Морозов А. Ю., Абдулаев Э. Н., Жигирева Е. Г. История Московской области. Методическое пособие для учителя. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 112 с.; Сухов В. В., Абдулаев Э. Н., Морозов А. Ю., Жигирева Е. Г. История Московской области. Рабочая тетрадь. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 80 с. (неоднократно переиздавались).

³ Греханкина Л. Ф. Родное Подмосковье. Учеб. пособие для учащихся 7–8–9 классов общеобраз. учреждений Московской области. М.: МГОУ, 2007. 192 с. (неоднократно переиздавалось).

⁴ Шевченко Л. Л. Духовное краеведение Подмосковья. Учеб. пособие для обучающихся общеобраз.

Авторским коллективом лаборатории «МЕТАР» были созданы и учебники по истории отдельных регионов Московской области – Талдомского, Дмитровского, Красногорского районов и городского округа Химки⁵. Идея изучения истории родного края на основе самостоятельной деятельности ученика была реализована как в виде включения в УМК хрестоматии (Дмитровский район)⁶, так и ряда творческих заданий и отдельных уроков-практикумов в учебнике. Уже в первом из учебников по истории регионов Подмосковья – Талдомского района – были включены обширные материалы для самостоятельной работы (художественные тексты и фрагменты разного рода письменных источников). В учебнике по истории Московской области, изданном в 2012 г., появились уроки-практикумы: «Заставим Волгу течь мимо кремля», «Герои и подвиги», «Космическая гонка начиналась с подмосковной земли»⁷.

Отметим, что в учебниках и учебных пособиях 1990-х – 2010-х гг. при исчезновении традиционной для советского времени проблематики революционного движения, классовой борьбы в разные исторические периоды сохраняется внимание к подвигу наших сограждан в годы Великой Отечественной войны,

организаций Московской области. М.: Центр поддержки культурно-исторических традиций Отечества, 2005. 255 с. (неоднократно переиздавалось).

⁵ Сухов В. В. и др. История Талдомского района. Учеб. пособие. М.: Изд-во «Магистр-Пресс», 2005. 204 с.; Сухов В. В. и др. История. Московская область. Дмитровский район. Учеб. пособие. М.: Финансовый контроль; «Магистр-Пресс», 2006. 232 с. (переиздавалось в 2007 г.); Сухов В. В., Клемешов А. С., Жигирева Е. Г., Тучин В. А. История Городского округа Химки: учеб. пособие для общеобраз. учреждений. М.: «Изд-во Зарницы», 2009. 232 с.; Сухов В. В., Клемешов А. С., Жигирева Е. Г., Тучин В. А. Московская область. Красногорский район. Учеб. пособие для общеобраз. учреждений. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 253 с.

⁶ Сухов В. В. и др. История. Московская область. Дмитровский район. Хрестоматия. М.: Финансовый контроль; «Магистр-Пресс», 2007. 304 с.

⁷ Сухов В. В., Жигирева Е. Г., Клемешов А. С. История Московской области: учеб. пособие для общеобраз. учреждений. М.: Перо, 2012. 224 с.

космическим достижениям, роли в истории родного края выдающихся деятелей культуры и искусства. Появляются и новые темы: в частности, история Церкви и духовной жизни (реализованная в Московской области в отдельном курсе духовного краеведения).

Реализуется принцип деятельностного подхода к изучению региональной истории и в других регионах России. Один из наиболее ярких и удачных примеров – линейка учебников по истории Дальнего Востока О. Ю. Стреловой и М. И. Романовой¹. Авторы указывают, что в основе их разработок лежит системно-деятельностный подход, учебник «побуждает к поиску знаний и формированию собственного опыта исследовательской поисково-информационной деятельности»². Учебники устроены как своего рода путешествие в прошлое Дальневосточного края, в котором ученики знакомятся с источниковым материалом по истории региона. При минимальном объёме авторского текста основное место в учебниках занимают фрагменты письменных источников, богатый иллюстративный материал и поисковые творческие задания различных типов.

Возвращение регионального компонента в виде курса «История нашего края» как части курса истории России предполагает не только создание для каждого региона России соответствующего учебника³, но и методического обе-

спечения преподавания курса «История нашего края», в частности, методического пособия для учителя и практикума для обучающихся. Обоснованием важности создания таких практикумов, позволяющих реализовать деятельностный подход в изучении истории малой Родины, является Указ Президента РФ № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий»⁴. В нём среди приоритетных направлений присутствует «укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования».

Заключение

Изучение истории попыток внедрения деятельностного подхода в изучение общей отечественной и региональной истории в последнее столетие позволяет говорить о нескольких этапах такого внедрения: 1920-е – начало 1930-х гг., конец 1950-х – 1960-е гг., середина 1990-х – начало 2010-х гг. и, наконец, 2020-е гг. Очевидно смещение в последнюю четверть века в сторону более многостороннего и активного внедрения деятельностного подхода в преподавании общей и региональной истории, а также вовлечения таких аспектов региональной истории, как история духовной жизни, политической борьбы 1920-х – 1930-х гг., практически исчезает проблематика социального неравенства и революционной борьбы в дореволюционный период. При этом сохраняется внимание к подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, роли выдающихся деятелей культуры и искусства в развитии родного края.

сти, Московской области, разработка таких учебников либо завершена, либо находится на завершающей стадии.

¹ Стрелова О. Ю., Романова М. И. История Дальнего Востока России в древности и Средневековье: учеб. пособие для 5–6 классов общеобраз. организаций. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2020. 128 с.; Стрелова О. Ю. История Дальнего Востока России и Новое время (XVII–XVIII вв.): учеб. пособие для 7–8 классов общеобраз. организаций. М.: Русское слово, 2022. 143 с.

² Макарова А. Ольга Стрелова: «Мы создали книгу-навигатор по истории Дальнего Востока // Комсомольская правда: [сайт] URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27409/4606205/> (дата обращения: 31.01.2026).

³ Учебники и учебные пособия для части регионов России уже подготовлены, помимо 32 регионов России, учебники для которых созданы на первом этапе такой работы, и в других регионах, в частно-

⁴ Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755?ysclid=ml2h32cuxy887549777> (дата обращения: 31.01.26).

Внедрение накопленного опыта использования деятельностного подхода в изучении как общей, так и региональной истории позволяет предложить наиболее эффективные пути совершенствования преподавания регионального компонента в школьном курсе истории, обеспечить форми-

вание региональной идентичности как неотъемлемой части общегражданской идентичности, патриотизма, приверженности к традиционным российским ценностям, отражающим самобытное духовное, историческое и культурное развитие многонационального народа России [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Огородникова О. А., Фирсова О. Г. Почему 1920-е годы стали золотым десятилетием советского краеведения // Журнал исторических исследований. 2019. Т. 4. № 1. С. 34–38.
2. «Краеведение – школа всех...». Региональные краеведческие общества в СССР 1920-х годов: штрихи к истории / сост. О. И. Дернова-Пигарева. М., 2024. 162 с.
3. Крупская Н. К. К вопросу о новом учебнике // Народный учитель. 1924. № 5. С. 50–56.
4. Бахтина И. Л. Обеспечение общеобразовательных школ Урала учебной литературой в 1920-е годы // Современный учебник по истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты. Ежегодник. Ч. II. Екатеринбург, 2014. С. 12–22.
5. Сенькина А. А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 60–91.
6. Захожая Т. М., Фролова Н. В. Обеспечение историко-обществоведческих дисциплин учебной литературой в школах севера Западной Сибири в 20-е – 30-е гг. XX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 54–61.
7. Привалова Е. А. Рабочие тетради как средство повышения эффективности учебного процесса: На материале истории: дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2002. 179 с.
8. Реализация принципов развивающего обучения в преподавании истории: опыт лаборатории «МЕТАР» (факультета истории, политологии и права ГУП) / В. В. Сухов, А. С. Клемешов, Е. В. Хлыстова, М. В. Дворковая // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 4. С. 54–63. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-54-63
9. Болотова Е. Ю., Третьяк Д. В. Формы взаимодействия субъектов образовательного и культурного пространства в реализации регионального компонента исторического образования // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4. С. 117–120.
10. Захарова Л. Н., Балина Л. Ф. Региональная идентичность в контексте культурной политики // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 1А. С. 57–63. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.007

REFERENCES

1. Ogorodnikova, O. A. & Firsova, O. G. (2019). Why the 1920s became the golden decade of Soviet local history. In: *Journal of Historical Research*, 4-1, 34–38 (in Russ.).
2. Dernova-Pigareva, O. I., ed. (2024). "Local history is the school of all..." *Regional local history societies in the USSR of the 1920s: touches to history*. Moscow (in Russ.).
3. Krupskaya, N. K. (1924). On the question of a new textbook. In: *People's teacher*, 5, 50–56 (in Russ.).
4. Bakhtin, I. L. (2014). Providing secondary schools in the Urals with educational literature in the 1920s. In: *Modern history textbook: theoretical, methodological, substantive and methodological aspects. Yearbook. Part II*. Yekaterinburg, 12–22 (in Russ.).
5. Senkina, A. A. (2012). The last avant-garde project of the Soviet school: magazines-textbooks 1930–1932. In: *Domestic and foreign pedagogy*, 4, 60–91 (in Russ.).
6. Zakhodzaya, T. M. & Frolova, N. V. (2015). Provision of historical and social sciences with educational literature in schools in the north of Western Siberia in the 20s and 30s. 20th century. In: *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 5, 54–61 (in Russ.).
7. Privalova, E. A. (2002). *Workbooks as a means of increasing the efficiency of the educational process: Based on the material of history*: [dissertation]. Kemerovo (in Russ.).
8. Sukhov, V. V., Klemeshov, A. S., Khlystova, E. V. & Dvorkovaya, M. V. (2025). Implementation of the principles of developmental learning in the teaching of history: the experience of the METAR labora-

- tory (Faculty of History, Political Science and Law of the State Unitary Enterprise). In: *Bulletin of the Federal State University of Education. Series: History and Political Science*, 4, 54–63. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-54-63 (in Russ.).
9. Bolotova, E. Yu. & Tretyak, D. V. (2023). Forms of interaction between subjects of educational and cultural space in the implementation of the regional component of historical education. In: *World of Science, Culture, Education*, 4, 117–120 (in Russ.).
10. Zakharova, L. N. & Balina, L. F. (2020). Regional identity in the context of cultural policy. In: *Culture and civilization*, 10-1A, 57–63. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.007 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухов Василий Владимирович (г. Москва) – доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;

e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7494-0699

Жигирева Елена Геннадьевна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры финансово-экономического и бизнес-образования Государственного университета просвещения;

e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-9816-3400

Тучин Владимир Анатольевич (г. Москва) – старший преподаватель кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;

e-mail: mai216@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-9211-5232

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasily V. Sukhov (Moscow) – Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State University of Education;

e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-7494-0699

Elena G. Zhigireva (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Financial, Economic and Business Education, Federal State University of Education;

e-mail: eg.zhigireva@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-9816-3400

Vladimir A. Tuchin (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State University of Education;

e-mail: mai216@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-9211-5232

Научная статья

УДК 930.1(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-149-161

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В КОЧЕВОМ МИРЕ ЕВРАЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ АКТОВ ДО 1917 Г.

Литвинов П. П.

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина

г. Бишкек, Кыргызстан

e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2025

После доработки 21.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Аннотация

Цель. На основе системного анализа законодательных актов Российской империи выявить и охарактеризовать меры государственной политики, которые способствовали улучшению жизненных условий кочевых обществ Евразии, а также определить институциональные и правовые механизмы их реализации.

Процедура и методы. Исследование базируется на комплексном анализе нормативно-правовых актов и документов. Исследование опирается на ряд основополагающих принципов. В частности, принцип историзма позволил рассмотреть меры продовольственного обеспечения кочевником в динамике этого процесса – от Соборного Уложения 1649 г. до реформ Александра II. Анализ продовольственной политики как элемента имперского управления проводился с опорой на принцип системности. При разработке темы были использованы специально-исторические методы: историко-генетический метод позволил проследить эволюцию продовольственной политики от эпизодических указов (1893 г. о туркменах Мангышлака) до системных норм («Устав об обеспечении народного продовольствия»); проблемно-хронологический метод помог определить четыре основных этапа проводимой центральными властями политики; историко-правовой анализ позволил выявить содержание и эволюцию норм, а также механизмы финансирования и процедуры реализации гуманитарной политики среди кочевников. Кроме того, в исследовании были задействованы междисциплинарные подходы и методы, такие как: экономико-исторический анализ, этноисторический метод, административно-правовой подход и ряд других.

Результаты. Сделан вывод, что гуманизм русской власти по отношению к кочевникам Евразии имел большое позитивное значение в их жизни, приобщая их к действительному прогрессу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Значимость исследования с теоретической точки зрения состоит в том, что оно раскрывает характер государственной политики Российской империи в гуманитарной области. Исследование демонстрирует, что политика не была унифицированной, а учитывала региональные особенности и этно-социальную специфику. Исследование ставит под сомнение довольно расхожий тезис советской историографии о практически «нищенском существовании» народов на восточных окраинах империи. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования материалов в

создании образовательных модулей по региональной истории, включением в курсы по истории России и истории стран Центральной Азии.

Ключевые слова: Евразия, кочевники, хлеб, соль, воинская повинность, городские льготы, опека детей

Для цитирования:

Литвинов П. П. Гуманистические мероприятия российской власти в кочевом мире Евразии в дореволюционный период: источниковедческий анализ правовых актов до 1917 г. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 149–161.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-149-161

Original research article

HUMANISTIC MEASURES OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE NOMADIC WORLD OF EURASIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: A SOURCE-BASED ANALYSIS OF LEGAL ACTS BEFORE 1917

P. Litvinov

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin

Bishkek, Kyrgyzstan

e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Received 30.11.2025

Revised 21.12.2025

Accepted 12.01.2026

Abstract

Aim. Based on a systematic analysis of the legislative acts of the Russian Empire, to identify and characterize public policy measures that contributed to improving the living conditions of nomadic societies in Eurasia, as well as to identify institutional and legal mechanisms for their implementation.

Methodology. The research is based on a comprehensive analysis of regulatory legal acts and documents. The research is based on a number of fundamental principles. In particular, the principle of historicism allowed us to consider the measures of food supply for nomads in the dynamics of this process – from the Cathedral Code of 1649 to the reforms of Alexander II. The analysis of food policy as an element of imperial governance was based on the principle of consistency. When developing the topic, special historical methods were used: the historical and genetic method made it possible to trace the evolution of food policy from episodic decrees (1893 on the Turkmens of Mangyshlak) to systemic norms (the "Charter on the provision of National Food"); the problem-chronological method helped identify four main stages of the policy pursued by the central authorities; historical and legal analysis allowed to identify the content and evolution of norms, as well as financing mechanisms and procedures for the implementation of humanitarian policy among nomads. In addition, interdisciplinary approaches and methods were used in the study, such as: economic and historical analysis, ethnohistorical method, administrative and legal approach and a number of others.

Results. The author concludes that the humanism of the Russian authorities towards the nomads of Eurasia had a great positive significance in their lives, introducing them to real progress.

Research implications. The theoretical significance of the study is determined by the fact that it demonstrates that the state policy of the Russian Empire in the humanitarian sphere was not unified, but took into account regional peculiarities and ethno-social specifics. The study calls into question the

rather common thesis of Soviet historiography about the practically "impoverished existence" of peoples on the eastern outskirts of the empire. The practical significance of the research is determined by the possibility of using the materials in the creation of educational modules on regional history, inclusion in courses on the history of Russia and the history of Central Asian countries.

Keywords: Eurasia, nomads, bread, salt, military service, city benefits, custody of children

For citation:

Litvinov P. P. Humanistic measures of the Russian government in the nomadic world of Eurasia in the pre-revolutionary period: a source-based analysis of legal acts before 1917. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 149–161.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-149-161

Введение

Советская историография утверждает, что царизм обрекал простой народ на нищенское, полуголодное существование [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Но в этом она была права лишь отчасти, поскольку Российское государство в дореволюционный период всё же заботилось о главном – продовольственном обеспечении населения.

Продовольственное обеспечение населения Российской империи – тема, которая достаточно активно обсуждалась среди дореволюционных историков и публицистов, однако, как правило, она касалась кризисных периодов – неурожаев и голода на отдельных территориях страны [12; 13; 14; 15; 16]. Современная историография тоже весьма скупа освящает эту проблему, хотя есть несколько исследований, рассматривающих эту проблему, однако в основном они касаются проблем обеспечения продовольствием внутренних губерний Российской империи [17; 18; 19].

Таким образом, специальных исследований, посвящённых проблеме государственной политики в этой сфере и её правового обеспечения в отношении кочевого населения Российского государства на сегодняшний день практически нет.

Забота о продовольственном обеспечении была заложена ещё в «Соборном Уложении» 1649 г.¹, а также в «Общем гу-

бернском учреждении»². Кроме того, она нашла отражение в большом числе нормативно-правовых актов, из которых следует выделить «Устав о обеспечении народного продовольствия»³. Естественно, что указанные документы распространялись и на кочевой мир Евразии.

Продовольственная политика Российского государства по отношению к кочевникам прошла длительный путь развития – от первых попыток регулировать в XVIII в. до создания комплексной системы поддержки и постепенному поощрению самообеспечения во второй половине XIX в.

На начальном этапе государство лишь только пыталось выработать механизмы поддержки. Эти меры во многом носили sporadический характер, однако они позволили создать основу для будущей системы продовольственной политики. На следующем этапе, в первой половине XIX в., российское государство значительно расширило меры поддержки. Была разрешена свободная продажа хлеба, были институализированы хлебные запасы и введено льготное снабжение

¹ ПСЗРИ-I. Т. 1. СПб., 1830. № 1. С. 1–161; Гл. XX. Ст. 41–43.

² Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 2. Свод учреждений государственных и губернских. Учреждения губернские. СПб., 1833. Ст. 1–1180. С. 1–278; Там же: Т. 13. СПб., 1857. Ст. 1–804. С. 3–163; Там же: Т. 13. СПб., 1900. Ст. 1–364. С. 1–40; Там же: Т. 13. СПб., 1842. Ст. 1–680. С. 1–128.

³ СЗРИ // Устав о обеспечении народного продовольствия. Т. 13. СПб., 1842. Ст. 1–680. С. 1–128; Там же: Т. 13. СПб., 1857. Ст. 1–804. С. 3–163; Там же: Т. 13. СПб., 1900. Ст. 1–364. С. 1–40; Там же: Т. 13. СПб., 1842. Ст. 1–680. С. 1–128.

солью. С середины XIX в. в значительной степени делается акцент на создание условий для стимулирования самостоятельной хозяйственной деятельности. Для этого вводятся льготы на перевозку муки и круп, формируются продовольственные фонды для кочевников и институализируются механизмы сбора средств и управления запасами. Очевидно, что на всех этапах развития гуманитарной политики прослеживается тенденция интеграции кочевников политико-правовое поле империи.

Продовольственная политика империи в отношении кочевого населения: от "Соборного Уложения" 1649 г. до актов второй половины XIX в.

В конце июля 1803 г. император Александр I издал «именной» указ Астраханскому гражданскому губернатору, князю Тенишеву о том, что туркмены Мангышлака, принявшие российское подданство, терпят нужду в хлебе, который им запрещено покупать в Астрахани. В связи с этим царь разрешил им покупать хлеб в этом городе по вольным ценам¹.

В феврале 1837 г. царь Николай I издал «именной» указ об устройстве хлебных запасов для «башкирцев» и мещеряков, живущих в Оренбургской, Пермской и Вятской губерниях. На образование хлебных магазинов с башкир собирали по 1 руб.² В декабре 1841 г. такой же указ царь направил военному министру А. И. Чернышёву, в котором были определены способы обеспечения продовольствия «башкирцев» и мещеряков во время состояния их на кордонной службе. На эти цели выделялось 34 тыс. руб. и обеспечить их был обязан командир Отдельного Оренбургского корпуса, генерал-адъютант В. А. Перовский³. В августе 1842 г. Чернышёв объявил Перовскому царский указ об учреждении в 6 и 9 баш-

кирских кантонах хлебных магазинов⁴. На то было специальное представление командира Оренбургского корпуса на «высочайшее» имя, в котором предлагалось установить для этого сбор в 1 руб. ассигнациями с каждой ревизской души. В январе 1844 г. последовал «именной» указ о замене в некоторых кантонах Башкиро-Мещеряцкого войска пшеницы рожью для запасов хлебных магазинов⁵.

Осенью 1852 г. Сибирский комитет рассматривал представление министра финансов П. Ф. Брока о беспрошльном вывозе хлеба в «Киргизскую степь» через Сибирские и Оренбургские таможенные места. Он обратился по этому поводу в правительство, которое постановило разрешить такой вывоз, а царь утвердил его решение⁶.

В 1861 г. Сибирский комитет заслушал записку министра внутренних дел П. А. Валуева от 31 августа 1861 г. об отмене постановлений 1822 г. касательно хлебных запасов в «Киргизской степи», в т. ч. ст. 294 «Учреждения управления Сибирских инородцев». Комитет отметил, что, возможно, хлебные запасы для «киргизов»⁷, действительно, являются ненужными, однако в «Киргизской степи» живут также казаки и русские крестьяне, которых нельзя оставлять без хлебных запасов.

Он решил не отменять постановлений о хлебных запасах для «киргизов» до тех пор, пока они не перейдут окончательно на оседлость, а хлеб не появится у них в общем употреблении. Магазины хлебные нужно иметь, но не казённые, а за счёт самих жителей – казаков и крестьян. И можно завести хлебные магазины от военного ведомства.

Однако военное министерство указало, что заготовление хлеба на случай

¹ ПСЗРИ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 20871. С. 808.

² ПСЗРИ-II. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 9938. С. 91.

³ ПСЗРИ-II. Т. 16. Отд. 2. СПб., 1842. № 15112. С. 112.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 17. Отд. 2. СПб., 1843. № 15985. С. 880.

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1845. № 17508. С. 20.

⁶ ПСЗРИ-II. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. № 26635. С. 577-578.

⁷ Прим. автора: «Киргизами» в документах того времени называли казахов.

падежа скота у «киргизов» излишне, что подтвердила гибельная зима 1855–1856 гг. «Киргизы» обошлись без пособий, т. к. они засевают много проса, которое их поддерживает. А хлеба они не знают и не умеют обращаться с мукой. Поэтому надо иметь запасы не муки, а проса. А хлеба для гарнизонов запастись много тоже нельзя, т. к. он портится. Поэтому новый генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель признал излишним иметь хлебные запасы в «Киргизской степи», указав, что «киргизы» не знают употребления хлеба и муки и даже при значительном падеже скота не просят пособий от правительства, а сами изыскивают средства для продовольствия.

Министр внутренних дел П. А. Валуев подчёркивал, что бывший генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд и нынешний Дюгамель одинаково выступили против хлебных магазинов и считали нужным отменить ст. 294 «Устава управления Сибирских инородцев»¹. Она гласила: «Хотя хлеб не составляет существенной потребности Сибирских киргизов, но дабы предохранить их от крайней нужды, в случае истребления табунов их заразой, и вместе с тем поощрить их к земледелию, полагается открыть при каждой округе казённую хлебную продажу»².

Устав о Сибирских киргизах в §150 полностью повторял её содержание³. На приобретение хлеба каждому округу давалась из казны ссуда в 30 тыс. руб. Деньги пускались в оборот, а когда накапливалась сумма в 2,5 раза больше ссуды, то 30 тыс. возвращались в казну. Устав указывал, что богатым хлеб должен продаваться по более высоким ценам, а бедным – по низким. В §158 устанавливалась продажа бедным хлеба, но не более 3 пудов в один раз. Хлеб требовалось продавать только за деньги. Нужно было создавать

хлебные магазины и лавки. Цена на хлеб устанавливалась по третям года⁴.

В июне 1865 г. Военный совет принял постановление о размере скидки на распуск муки, круп, пшеницы, овса, ячменя и сухарей, при вьючных и колёсных перевозках в Заилийском крае и Туркестанской области⁵. Всё это относилось к местам с абсолютным большинством кочевого населения. Статья 64 закона от 2 июля 1865 г. об изменённом «Положении о башкирах» 1863 г. свидетельствовала об обязанности волостных старшин по обеспечению населения продовольствием⁶. В марте 1879 г. Государственный совет принял постановление о распределении «Башкирских и Тептярских продовольственных капиталов»⁷.

Со временем кочевники всё более привыкали к хлебопашеству и их зависимость в продовольствии от казны становилась всё меньше. Вместе с тем в неурожайные годы они нуждались в государственной помощи.

В истории России памятны тяжёлые голодные времена 1891–1892 гг. Летом 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте обратился к царю с «всеподданнейшим» докладом, в котором указывал, что:

1) все выданные по случаю недорода хлебов в 1891 и 1892 г. переселенцам Акмолинской и Тургайской областей, Оренбургской губернии и «киргизам» Уральской области хлебные ссуды разделить на 2 разряда: а) выданные рожью, пшеницей, мукой и т. п. б) выданные ячменём, овсом, кукурузой, горохом и т. п.;

2) производить взыскание хлебных ссуд по первому разряду – по цене ржи, по второму – по ценам овса;

3) за выданные в ссуду мясо и иное продовольствие взыскивать деньги по

⁴ ПСЗРИ-I. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. С. 425.

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42208. С. 657–658.

⁶ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42282. С. 765–766.

⁷ ПСЗРИ-II. Т. 54. Отд. 1. СПб., 1881. № 59429. С. 172–173.

¹ ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 2. СПб., 1863. № 37773. С. 632–633.

² СЗРИ. Изд. 1857 года. Т. 2. Ч. 2. Особенные губернские учреждения. СПб., 1857. Кн. 7. С. 31–32.

³ ПСЗРИ-I. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. §150. С. 424.

заготовительным ценам. Возврат ссуды установить с 1894 г. без процентов.

Император Александр III утвердил документ¹.

В конце 1898 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин обратился в правительство с представлением, в котором предлагал образовать продовольственный капитал для кочевого населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской в размере 1 руб. на 1 кибитку. Рекомендовалось создавать продовольственные магазины. Комитет министров поддержал предложение и возложил это дело на министра внутренних дел. Вместе с тем в п. 9 отмечалось, что в связи с изъятием Семиреченской области из ведения МВД, образование продовольственного капитала для её кочевого населения возложить на военного министра².

Закон от 28 мая 1899 г. указал: «Распространить на Семиреченскую область действие ст. I–IV Высочайше утверждённого 10 декабря 1898 г. Положения Комитета Министров об установлении временных мер для обеспечения продовольствия кочевого населения Степных областей»³.

В апреле 1904 г. Государственный совет рассмотрел вопрос об образовании продовольственных капиталов для кочевников Туркестанского края и постановил:

1. для кочевого населения Туркестанского края образовать продовольственный капитал во всех областях (Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской) «по расчёту 1 рубля на каждого кибитководельца»⁴. В отличие от оседлого населения, число кибиток в документе не указывалось;

2. продовольственный капитал для кочевников образовать из: остатков зем-

ских сборов с кочевников; сумм, поступивших от кочевого населения Семиреченской области;

3. чтобы довести до нормы, т. е. до 1 руб. на кибитку, законодатель решил ввести в Туркестанском крае особый временный сбор с кочевого населения;

4. «Заведывание общим для кочевого населения Туркестанского генерал-губернаторства продовольственным капиталом принадлежит Совету туркестанскому генерал-губернатора»⁵;

5. военным губернаторам областей Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и начальнику Закаспийской области разрешается: 1) «предложить обществам кочевников составлять общественные продовольственные запасы и склады посредством сбора с кибитководельцев определённого количества хлеба, свойственного данной местности, а также сена». 2) «вносить в проекты земских смет предложения об устройстве в местах удобных надлежащих помещений для хлебозапасных магазинов и складов сена кочевого населения на счёт местных земских сборов»⁶;

6. «Туркестанскому генерал-губернатору разрешается, в случае ходатайства военных губернаторов областей Туркестанского края и начальника Закаспийской области, разрешать устройство магазинов и складов по запасам хлеба и сена»⁷.

7. «Ближайшее заведывание продовольственной частью кочевого населения в каждой области Туркестанского края ...возлагается на подлежащее областное начальство»⁸.

Солевое снабжение и налоговые льготы: инструменты социальной поддержки

Поскольку издревле в народе существует общее понятие: «хлеб-соль», то логично рассмотреть в данном случае про-

¹ ПСЗРИ-III. Т. 13. СПб., 1897. № 9912. С. 543–544.

² ПСЗРИ-III. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 16193. С. 1060.

³ ПСЗРИ-III. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16969. С. 547.

⁴ ПСЗРИ-III. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24333. С. 332.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

блему обеспечения кочевого населения рассматриваемого региона солью.

Весной 1753 г. Правительствующий Сенат рассматривал вопрос о снабжении солью башкир. На его заседания пригласили Оренбургского губернатора, действительного тайного советника, адмирала И. И. Неплюева и группу чиновников. Сенат дал Соляной конторе распоряжения о пресечении тайного провоза Илецкой соли и обеспечении ею башкир. Соль была платной, т. к. за её привоз получали деньги поставщики. Пуд соли стоил 35 коп. Военнослужащим башкирам соль выдавали по нормам бесплатно. Старикам, женщинам и детям её выдавали по 10 коп. за пуд¹. Как оказалось, это осложнило жизнь кочевников, денежные ресурсы которых были ограничены, в связи с чем Неплюев обратился в Сенат с представлением, в котором предлагал снять яsak с башкир с тем, чтобы вместо этого продавать им соль из казны. Сенат принял положительное решение по этому поводу, которое было утверждено императрицей Елизаветой Петровной².

На заседании 7 октября 1830 г. Комитет министров заслушал записку министра финансов Е. Ф. Канкринина об «оставлении впредь до времени» снабжения безденежно «киргизских» народов Илецкой солью «в том положении, как оно ныне находится». Министр писал о том, что «высочайше» утверждёнными положениями об Илецких соляных промыслах устанавливалась безденежная выдача соли «киргизам», но без указания её объёмов.

Так, 29 мая 1815 г. император Александр I утвердил «Журнал» Комитета министров об отпуске ежегодно «киргизам» 5600 пудов соли. Однако к 1829 г. выяснилось, что они стали получать соли до 10 тыс. пудов. Возникли подозрения, что «киргизы» стали перепродавать соль другим жителям. Оренбургская Пограничная комиссия решила упорядочить выдачу «киргизам» бесплатной соли. Рядо-

вому взрослому киргизу полагалось соли на 2 ревизских души, биям – на 4, старшинам – на 10, старшим султанам – на 50.

Соль стали отпускать по доверенности на тех, кто уполномочил родичей её получать. Доверенности заверялись печатями и подписями комендантов. Были установлены и другие препоны, в связи с чем всё дело выдачи соли погрязло в бюрократической рутине. Например, по доверенностям соль получали одни и те же люди по несколько раз, т. к. кладовщики не могли запоминать их лица. Процесс усложнился и «киргизы» стали сами просить о возвращении прежнего порядка выдачи соли.

Министр финансов обратился к вице-канцлеру К. В. Нессельроде, который ведал «киргизскими» землями, с предложением вернуться к прошлому порядку выдачи соли «киргизам». Тот согласился, но с тем, чтобы распорядок выдачи был усовершенствован. Оренбургский военный губернатор, граф П. П. Сухтелен тоже не согласился с правилами выдачи киргизам соли, разработанными Оренбургской Пограничной комиссией, считая их неудобными. Он считал, что нужно сохранить и впредь безденежное снабжение «киргизских» народов Илецкой солью. По его распоряжению в распорядок выдачи соли «киргизам» были внесены некоторые изменения, но отпуск без денег сохранился. 28 октября 1830 г. Комитет министров принял положительное решение, по представлению Е. Ф. Канкринина, а император Николай I утвердил его³.

Весной 1847 г. Астраханский военный губернатор ходатайствовал о том, чтобы позволить кочующим в Астраханской губернии калмыкам и «киргизам» пользоваться бесплатной солью из находящихся в их степях озёр и солончаков, сроком на 5 лет и только на собственное потребление, а не на продажу. К тем из них, кто нарушит закон и станет сбывать соль лицам чуждого происхождения, применялась

¹ ПСЗРИ-I. Т. 13. СПб., 1830. № 10097. С. 829–836.

² ПСЗРИ-I. Т. 14. СПб., 1830. № 10198. С. 42–44.

³ ПСЗРИ-II. Т. 5. Отд.2. СПб., 1831. № 4047. С. 233–236.

ст. 675 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

В связи с истечением срока действия «соляной» льготы в конце 1851 г. Астраханский военный губернатор просил министра финансов Ф. П. Вронченко войти с таким ходатайством в правительство, чтобы продлить ещё на 5 лет льготу, дарованную калмыкам и «киргизам» указом от 22 апреля 1847 г. Вронченко внёс соответствующее представление в правительство, которое удовлетворило его. 4 декабря 1851 г. царь утвердил решение Комитета министров¹. Весной 1857 г. Астраханский военный губернатор просил министра финансов П. Ф. Брока о новом продолжении ещё на 5 лет дарованной кочующим в Астраханской губернии калмыкам и «киргизам» льготы в безденежном пользовании солью для собственного продовольствия указом от 22 апреля 1847 г. на тех же основаниях, кои действуют ныне. Комитет министров поддержал обращение министра финансов, а царь его утвердил². Весной 1864 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор ходатайствовал перед МВД о продолжении дарованной калмыкам и «киргизам», кочующим в Астраханской губернии, льготы пользоваться безденежно солью для собственного продовольствия. Министр внутренних дел П. А. Валуев вступил в контакт по этому поводу с министром финансов М. Х. Рейтерном и тот дал согласие на такую меру. Валуев внёс вопрос на рассмотрение правительства. Комитет министров изучил проблему и постановил продолжить дарованные кочевникам Астраханской губернии льготы пользоваться бесплатно солью для собственного продовольствия на тех же основаниях, на которых она была предоставлена актом от 22 апреля 1847 г. Император Александр II утвердил это решение правительства³.

Осенью 1868 г. Государственный совет рассмотрел представление министра финансов М. Х. Рейтерна об отмене бесплатного отпуска соли из Илецких промыслов «киргизам». Он поддержал это предложение и постановил отменить примечание к ст. 346 «Устава о соли»⁴. Оно вводило бесплатный отпуск соли Оренбургским и Сибирским «киргизам» из указанных промыслов⁵.

На протяжении длительного периода существования русской власти в кочевых районах Евразии она определяла многие формы жизни номадов региона, однако, вопрос об их воинской повинности не был окончательно решён, хотя во многих документах правительство освобождало временно кочевников региона от рекрутства⁶.

Весной 1834 г. Старший султан Ақмолинской округи Омской области, подполковник Кунур-Кульджа Худаймендин обратился в Сибирский комитет, указывая, что «киргизы» его округи, а также и других, сомневаются относительно своего освобождения от рекрутской повинности и просил решить этот вопрос окончательно с тем, чтобы навсегда их успокоить. Сибирский комитет обратился по этому поводу в правительство, которое поручило министру внутренних дел Д. Н. Блудову подготовить «лист», в котором изложить соответствующие законоположения о свободе сибирских «киргизов» от рекрутской повинности. В «листе» министр ссылался на законы, которые подтверждали свободу киргизов от воинской повинности. Более того, в «листе» отмечалось, что они имеют свободу от рекрутства, «как теперь, так и тогда, когда, желая себе ещё большего блага, станут прилежно заниматься земледелием и другою промышленностью или же поселятся по своей воле в селении».

¹ ПСЗРИ-II. Т. 26. Отд. 2. СПб., 1852. № 25801. С. 153.

² ПСЗРИ-II. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31710. С. 292–293.

³ ПСЗРИ-II. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 40862. С. 409.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873. № 46356. С. 343.

⁵ СЗРИ. Т. 7. СПб., 1857. С. 53.

⁶ ПСЗРИ-II Т. 6. СПб., 1832. № 4677. С. 501–657; СЗРИ. Т. 2. СПб., 1833. С. 279–394 и др.

ях или городах»¹. «Лист» был утверждён царём с указанием объявить его «киргизам» всех внешних округов Омской области. В ноябре того же года был издан закон о том, что дети «киргизов» и других азиатцев, «приобретённые до издания запретительного закона 8 октября 1825 г. и получившие установленным порядком свободу от крепостной зависимости могут быть нанимаемы в рекруты... на основании общих правил»². Это закон рассматривается нами ниже.

Кроме вышеуказанных льгот, установленных правительством для номадов Евразии, существовали и многие другие. В июле 1851 г. были утверждены «Правила нового устройства земских повинностей» (ст. 74, п. 4в), в которых освобождали от исполнения земских повинностей кочевников «так называемой Внутренней орды; в Оренбургской [губернии] киргизы Оренбургские или Малой орды... округи Сибирских киргизов»³.

«Киргизы» рассматриваемого региона жили в основном в степном пространстве, однако они расселялись и в городах, в связи с чем необходимо рассмотреть льготы, для них там предусмотренные. Осенью 1858 г. Правительствующий Сенат слушал рапорт министра внутренних дел С. С. Ланского и проект «Положения» о льготах для указанных городов. Потом это было передано на рассмотрение Сибирского комитета. Он утвердил «Положение о льготах для городов Аягуз, Кокбектов и Копала (Семипалатинской области)»⁴. Документ разрешал всем «киргизам» приписываться к городам Аягуз, Кокбекты и Копал в качестве купцов, мещан и ремесленников. Они могли переходить из одного сословия в другие. Просьбы о приписке к городам должны были подаваться на имя Забайкальского

военного губернатор. Запрещалось приписывать: а) недоимочных; б) состоящих в рекрутских очередях; в) тем, кому запрещено постоянное жительство в «Киргизской степи». Все приписанные к указанным городам должны были переходить на прочную оседлость. Для того им отводились в городах земли по устройству домов, разных заведений, огородов и т. п. «Положение» указывало, что приписавшиеся к городам пользуются льготами по платежу гильдейских повинностей, государственных повинностей, рекрутства, постоя и т. п. на 10 лет, однако при этом не освобождаются от городских сборов. Они имеют права избирать законные виды занятий, в т. ч. на торговлю в городах и вне их. «Киргизы», приписавшиеся к указанным городам, пользовались правами и привилегиями, как и все другие. Кроме того, они освобождались от ясачной подати за 100 лошадей, 100 быков (коров) и 100 баранов на 10 лет, однако при этом не освобождались от городских сборов и повинностей. «Киргизы», приписавшиеся к городам Аягуз, Кокбекты и Копал, Семипалатинской области получали право на торговлю всеми товарами, исключая скот»⁵.

В начале июня 1859 г. император Александр II утвердил постановление Сибирского комитета о некоторых изменениях в вышеприведённом нами «Положении о льготах для городов Аягуз, Кокбекты и Копал (Семипалатинской области)»⁶.

Изменения касались лишь незначительных нюансов этого документа. Например, новый закон устанавливал, что прошения о приписке к указанным городам должны подаваться на имя Семипалатинского военного губернатора. Через 2 года Сибирский комитет постановил: распространить «высочайше» дарованные 1 ноября 1858 г. льготы городам Аягузу (ныне Сергиополь), Кокбекты и Копалу, Семипалатинской области на купцов

¹ ПСЗРИ-И. Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835. № 7141. С. 417–418.

² ПСЗРИ-И. Т. 9. Отд. 2. СПб., 1835. № 7556. С. 178.

³ ПСЗРИ-И. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25398. С. 505.

⁴ ПСЗРИ-И. Т. 33. Отд. 2. СПб., 1860. № 33706. С. 322–324.

⁵ Там же.

⁶ ПСЗРИ-И. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1860. № 34584. С. 547–549.

и мещан из «киргизов», причисленных к «сим городам» до ноября 1858 г. с тем, чтобы указанные лица в течение 3 лет завели там какое-либо дело. Если же они этого не сделают, то обязаны уплатить за 3 года подати и исполнить все повинности, полагающиеся им по званию¹.

В марте 1891 г. законодатель издал «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской»². В преамбуле закона отмечалось: «XIII. Относительно льгот для лиц, причисляющихся в купцы и мещане городов: Иргиза, Тургая и Актюбинска (Тургайской обл.), Темира (Уральской обл.) постановить, временно на 15 лет, следующие правила:

1. Причисляющиеся к городам Иргизу, Тургаю, Актюбинску и Темиру в купцы и мещане обязываются иметь в сих городах оседлость и пользуются преимуществами, установленными в следующих статьях (2–4);

2. Каждому причисленному назначается в черте города свободный участок для постройки дома или заведения, применяясь к правилам Строительного устава. Под такой участок отводится не менее 10 и не более 20 сажень. Примечание указывало: «Если в течение 3 лет на отведённом участке не будет устроено какого-либо обзаведения, то участок поступает в распоряжение города. По уважительным причинам означенный участок может быть продолжен Министерством внутренних дел на 1 год;

3. Причисленные к городу владельцы жилых домов, фабрик и заводов пользуются без платежа пошлин торговыми правами: I гильдии – при цене имущества не менее 2 тыс. руб. и по II гильдии – при цене имущества не менее 1 тыс. руб. Лица, владеющие недвижимостью меньшей ценности, записываются в мещане и получают право: а) на производство без-

пошлинной торговли и помыслов в размере, предоставляемом свидетельствами и билетами мелочного, развозного и развозного торгового, и б) на исполнение обязанности приказчиков без выборки приказничьих свидетельств». В примечании отмечалось, что «производство винокурения и торговли крепкими напитками подчиняется общим правилам Устава о питейном сборе. Порядок оценки недвижимых имуществ для определения торговых прав владеющих ими лиц устанавливается особою инструкцией, издаваемою министром внутренних дел по соглашению с министром финансов. Дома городских обывателей освобождаются от воинского постояя»³.

Для кочевников «Киргизской степи» устанавливались также нормативы по карантинному досмотру и таможенным пошлинам. В мае 1865 г. Государственный совет постановил отменить пошлины и карантинный сбор с отпускных товаров по всей Азиатской границе, а также с произведений, привозимых из «Киргизской степи на Оренбургскую линию»⁴. Через год министр финансов М. Х. Рейтерн вошёл с «всеподданнейшим» докладом к императору Александру II, в котором отмечал, что законом от 31 мая 1865 г. взимание пошлин с привозимых из «Киргизской степи» на Оренбургскую «линию» товаров – сала, мяса, кож, шкур бараньих, овечьих и мерлушек было отменено, однако там не упоминалась шерсть. В связи с этим оренбургское купечество обратилось к Оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому с просьбой ходатайствовать об отмене пошлины на шерсть, привозимую из Киргизской степи на Оренбургскую «линию». Тот обратился в Министерство финансов и получил его поддержку⁵.

¹ ПСЗРИ-II. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 37169. С. 1011.

² ПСЗРИ-III. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

³ Там же. С. 134.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42148. С. 566

⁵ ПСЗРИ-II. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43342. С. 604.

Заключение

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что все мероприятия русской власти по отношению кномадам Евразии в целом носили гуманный характер, что имело большое позитивное значение в их жизни, приближая её к общественно-историческому прогрессу. Социальная политика Российской империи имел сложный и многоуровневый характер государственного регулирования. Несмотря на существовавшие бюрократические издержки, тем не менее имперская политика отличалась прагматизмом и гуманностью.

Продовольственное обеспечение строилось на выстроенной системе мер, включающей: создание хлебных запасов, выдачи суд в неурожайные годы, дифференцированное регулирование цен и объёмов продаж, а также организации транспортировки зерна в отдалённые регионы. При этом эта система мер учи-

тывала социально-хозяйственные особенности кочевого уклада. В частности, в определённый период была произведена замена хлебных запасов на просо и иные традиционные для кочевников культуры.

Важным механизмом интеграции в имперской политике были налоговые повинности и льготы, позволявшие освобождать отдельные группы для стимулирования оседлости.

Таким образом, гуманитарная имперская политика позволяла предотвращать массовый голод в Степи и смягчала социальные потрясения. Способствовала интеграции кочевников в общеимперское экономическое и правовое пространство. Это позволяет говорить о комплексном характере гуманитарной политики Российской империи, которая сочетала прагматизм и элементы гуманизма. Эта политика позволила создать основу для долгосрочной интеграции кочевых народов в состав Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.
2. Буганов В. И. Советская историография крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва // История СССР. 1969. № 4. С. 72–89.
3. Громан В. Г. Неурожаи и сельское хозяйство // Вестник статистики. 1928 № 3. С. 45–62.
4. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
5. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М.: Наука, 1975. 302 с.
6. Зайончковский П. А. Кризис феодально-крепостнической системы в России. Внутренняя политика царизма в 30–50-х годах XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1954. 451 с.
7. Кашин В. Н. Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX веке // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 85–102.
8. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 1. С. 59–75.
9. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: сб. док. / под ред. А. В. Предтеченского. М.: Соцэкгиз, 1959. 753 с.
10. Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864–1904 гг.): сб. док. / сост. В. П. Загорский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 155 с.
11. Прусс А. П. Историография крестьянского движения в пореформенной России // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 142–150.
12. Дедюлин С. А. Продовольственный вопрос: Об обращении сельских продовольственных запасных магазинов в государственные центральные продовольственные склады; влияние их на подъём народного и государственного хозяйства. СПб: Северное телеграфное агентство, 1889.
13. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос: в 2 т. СПб: Тип. В. Киришбаума, 1909. 599 с.
14. Исаев А. А. Неурожаи и голод (лекции в Императорском Александровском лицее). СПб: Тип. Р. Голике, 1892. 45 с.

15. Каутский К. Аграрный вопрос в России / К. Каутский. СПб: Тип.-лит. С. М. Муллер, 1906. 405 с.
16. Филимонов В. Я. Новый продовольственный закон: пособие к применению Временных правил 12 июня 1900 года по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей / В. Я. Филимонов. М: Ф. В. Бусыгин, 1902. 177 с.
17. Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб: Типография Ю. Н. Эрлих, 1895. 54 с.
18. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России с конца XVIII в. по начало XX в. Л.: Наука, 1985. 301 с.
19. Рогожина А. С. Земства и обеспечение продовольствием сельского населения России во второй половине XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: БФУ им. Канта. 2012. № 19. С. 109–119.

REFERENCES

1. Anfimov, A. M. (1984). *The economic situation and class struggle of the peasants of European Russia. 1881–1904*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
2. Buganov, V. I. (1969). Soviet historiography of the peasant war led by E. I. Pugachev. In: *History of the USSR*, 4, 72–89 (in Russ.).
3. Groman, V. G. (1928). Crop failures and agriculture. In: *Bulletin of Statistics*, 3, 45–62 (in Russ.).
4. Druzhinin, N. M. (1978). *Russian village at a turning point. 1861–1880*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
5. Dubrovsky, S. M. (1975). *Agriculture and peasantry during the period of imperialism*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
6. Zayonchkovsky, P. A. (1954). *The crisis of the feudal serf system in Russia. The internal policy of tsarism in the 30–50s of the 19th century*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).
7. Kashin, V. N. (1926). Economic life and social stratification of the fortress village in the 19th century. In: *Marxist historian*, 2, 85–102 (in Russ.).
8. Kovalchenko, I. D. & Milov, L. V. (1966). On the intensity of the quitrent exploitation of peasants in Central Russia in the late 18th – first half of the 19th century. In: *History of the USSR*, 1, 59–75 (in Russ.).
9. Predtechensky, A. V., ed. (1959). *Peasant movement in Russia in 1890–1900*. Moscow: Sochekgiz Publ. (in Russ.).
10. Zagorovsky, V. P., ed. (1964). *Peasant movement in the Voronezh province (1864–1904)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russ.).
11. Pruss, A. P. (1990). Historiography of the peasant movement in post-reform Russia. In: *Questions of history*, 5, 142–150 (in Russ.).
12. Dedyulin, S. A. (1889). *Food issue: On the circulation of rural food spare shops in state central food warehouses; their influence on the rise of the national and state economy*. St. Petersburg: Northern Telegraph Agency Publ. (in Russ.).
13. Ermolov, A. S. (1909). *Our crop failures and food issue: in 2 tons*. St. Petersburg: Type. V. Kirschbaum Publ. (in Russ.).
14. Isaev, A. A. (1892). *Crop failure and hunger (lectures at the Imperial Alexander Lyceum)*. St. Petersburg: Type. R. Golike Publ. (in Russ.).
15. Kautsky K. *Agrarian issue in Russia*. St. Petersburg: Type.-lit. S. M. Muller Publ. (in Russ.).
16. Filimonov, V. Ya. (1902). *New Food Law: a manual for the application of the Provisional Rules on June 12, 1900 to meet the food needs of rural residents*. Moscow: F. V. Busygin Publ. (in Russ.).
17. Izmailov, A. (1895). *Railways in crop failure 1891*. St. Petersburg: Yu. N. Erlich Publ. (in Russ.).
18. Mironov, B. N. (1985). *Grain prices in Russia from the end of the XVIII century. to the beginning of the 20th century*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russ.).
19. Rogozhina, A. S. (2012). Zemstvo and providing food for the rural population of Russia in the second half of the 19th century. In: *North-West in the agrarian history of Russia*. Kaliningrad: BFU named after Kant Publ., 19, 109–119 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинов Пётр Петрович (г. Бишкек, Кыргызстан) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter P. Litvinov (Bishkek, Kyrgyzstan) – Dr. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ВЫЗОВЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Алаудинов А. А.¹, Лескова И. В.^{2*}, Зязин С. Ю.²

¹ Чеченский государственный педагогический университет

г. Грозный, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: leskova.i@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2026

После доработки 25.01.2026

Принята к публикации 03.02.2026

Аннотация

Цель. Исследование аксиологического конфликта между традиционными российскими ценностями и философией постмодернизма как фактора, влияющего на национальную безопасность России.

Процедура и методы. Проведён междисциплинарный анализ, основанный на синтезе теоретических подходов теории секьюритизации (Копенгагенская школа) и цивилизационного подхода. Осуществлён анализ содержания официальных документов (Стратегия национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей), научной литературы и социологических данных для выявления ключевых линий ценностного противостояния. Используются сравнительно-политологический и геополитический методы для выявления международного измерения конфликта.

Результаты. Выявлены и систематизированы основные линии аксиологического конфликта: коллективизм – радикальный индивидуализм, стабильная – «текучая» идентичность, традиционная семья – релятивизация семейных ценностей, труд как служение – инструментальная самореализация, приоритет духовного – диктат материального, историческая память – деконструкция истории. Доказано, что в современном политическом дискурсе традиционные ценности прошли процесс секьюритизации, т. е. представлены как объект экзистенциальной угрозы, исходящей от постмодернистской идеологической экспансии и имеющей ярко выраженное внешнеполитическое измерение. Выявлено, что Россия в своей внешней политике позиционирует себя как государство-цивилизация, которое защищает традиционные ценности на международной арене, и эта позиция находит отклик у консервативных сил в западных

странах. Обосновано, что защита традиционных ценностей становится стратегическим императивом обеспечения культурного и ценностного суверенитета Российской Федерации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в концептуализации ценностного суверенитета как многоуровневой системы (смысловой, аксиологической, коммуникативный уровни), расширяющей теоретическую базу исследований национальной безопасности и международных отношений. Выводы могут быть использованы при разработке образовательных программ и стратегий в сфере молодёжной политики и укрепления общероссийской гражданской идентичности, а также для выстраивания международных связей с консервативными политическими силами за рубежом.

Ключевые слова: аксиологический конфликт, идентичность, национальная безопасность, постмодернизм, секьюритизация, традиционные ценности, ценностный суверенитет, международные отношения, глобальный консерватизм, государство-цивилизация

Для цитирования:

Алаудинов А. А., Лескова И. В., Зязин С. Ю. Традиционные ценности и вызовы постмодернизма: аксиологический конфликт в контексте национальной безопасности России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 1. С. 162–175.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

Original research article

TRADITIONAL VALUES AND THE CHALLENGES OF POSTMODERNISM: AN AXIOLOGICAL CONFLICT IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

A. Alaudinov¹, I. Leskova^{2*}, S. Zyazin²

¹ Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russian Federation

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: leskova.i@yandex.ru

Received 10.01.2026

Revised 25.01.2026

Accepted 03.02.2026

Abstract

Aim. To study the axiological conflict between traditional Russian values and the philosophy of postmodernism as a factor affecting Russia's national security in the context of contemporary international relations.

Methodology. An interdisciplinary analysis was conducted, based on a synthesis of the theoretical approaches of securitization theory (the Copenhagen School) and the civilizational approach. A content analysis was carried out of official documents (the National Security Strategy, the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values), academic literature, and sociological data to identify the key lines of value confrontation. Comparative political and geopolitical methods were employed to reveal the international dimension of the conflict.

Results. The main lines of the axiological conflict have been identified and systematized: collectivism versus radical individualism; stable identity versus «fluid» identity; the traditional family versus the relativization of family values; labor as a calling versus instrumental self-fulfillment; the primacy of the spiritual versus the dictates of the material; historical memory versus the deconstruction of history. It has been proven that in modern political discourse, traditional values have undergone a process of securitization – that is, they are presented as an object of an existential threat emanating from postmodern ideological expansion and possessing a pronounced foreign policy dimension. It is revealed that Russia in its foreign policy positions itself as a state-civilization that defends traditional values on the international stage, and this stance resonates with conservative forces in Western countries. It is substantiated that the protection of traditional values is becoming a strategic imperative for ensuring the cultural and value sovereignty of the Russian Federation.

Research implications. The theoretical significance lies in the conceptualization of value sovereignty as a multi-level system (encompassing the semantic, axiological, and communicative levels), thereby expanding the theoretical framework of national security and international relations research. The findings of the article can be applied in the development of educational programs and strategies in the field of youth policy and the strengthening of a common Russian civic identity, as well as for building international ties with conservative political forces abroad.

Keywords: axiological conflict, identity, national security, postmodernism, securitization, traditional values, value sovereignty, international relations, global conservatism, state-civilization

For citation:

Alaudinov, A. A., Leskova, I. V. & Zyazin, S. Yu. (2026). Traditional values and the challenges of postmodernism: an axiological conflict in the context of Russia's national security . In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 162–175.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-1-162-175

Введение

Глобальная конкуренция в XXI в. всё чаще приобретает характер ценностного противостояния, когда аксиологическая сфера становится полем битвы за влияние и суверенитет. «Современный мир находится на переломе эпох, – отмечает О. Г. Карпович. – Речь идёт не только о закате однополярной системы, на смену которой должна прийти более справедливая многополярность. Всё более очевидно, что большую роль в конфликте между этими моделями имеют ценности, и это противоречие – не между демократией и авторитаризмом, но между интересами группы государств, претендующих на глобальное доминирование, и интересами всех народов мира» [1, с. 39].

Для России с её уникальным историческим опытом масштабных социальных трансформаций вопрос о ценностных основаниях общественной консолидации имеет мировоззренческое и стра-

тегическое для национальной безопасности значение. Ценностный вакуум, возникший после распада СССР и либеральных реформ 1990-х гг., обусловил запрос общества на стабильность и чёткие нравственные ориентиры [2]. Ответом на него стал сформулированный на государственном уровне «консервативный поворот», в рамках которого традиционные ценности были возвращены в публичный дискурс и включены в стратегические документы, определяющие национальную безопасность [3].

Принципиальное отличие текущего ценностного противостояния от исторических идеологических конфликтов (например, спор западников и славянофилов в XIX в.) заключается в его всеобъемлющем характере. Ранее речь шла о соперничестве различных проектов будущего в рамках общей онтологии, а постмодернистский подход направлен на девальвацию самой категорий «будущего» и «ис-

тины», что придаёт конфликту измерение «молекулярной» войны (А. Грамши) за основы человеческого мировосприятия.

Одновременно нарастало влияние мировоззрения, условно объединяемого понятием «постмодернизм», для которого характерны релятивизм, отрицание универсальных истин («метанарративов») и деконструкция устойчивых идентичностей [4]. Исследователи фиксируют, что культура постмодерна отказывается от классических ценностных иерархий, отдавая приоритет иррациональному началу, хаосу и динамизму [5, с. 265]. В рамках данной парадигмы, как показывает анализ, само понятие «ценность» подвергается эрозии, а это позволяет некоторым авторам характеризовать постмодернизм как «культуру без ценностей» [6, с. 323]. Основной тезис Ж.-Ф. Лиотара о «недоверии к метанарративам» ведёт, по его мнению, к «неуправляемому возрастанию сложности» [4], а на практике обращается кризисом доверия любым формам социальной интеграции – от религии до национального государства.

В российском экспертно-политическом дискурсе данные тенденции нередко интерпретируются как инструмент целенаправленной ценностной экспансии, нацеленной на подрыв культурного кода и национального суверенитета [7; 8]. А. А. Олейников, например, рассматривает постмодернизм как «идеологическую и философскую основу тотальной войны Запада против Востока и России», выступающую в роли «концептуального оружия» для слома традиционной морали [7]. В этом контексте принципиально значима оценка президента России В. В. Путина¹. Аксиологический конфликт, таким образом, предстаёт актуальной проблемой национальной безопасности, имеющей ярко выраженное международное измерение и требующей междисциплинарного анализа.

¹ Обращение президента Российской Федерации. 24.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3T5Y34> (дата обращения: 17.10.2025).

Теоретико-методологические основания анализа традиционных ценностей в контексте безопасности

Для анализа роли традиционных ценностей в системе национальной безопасности необходимо, во-первых, раскрыть содержание самого понятия «традиционные ценности», а во-вторых, определить методологический подход, позволяющий сопрягать ценности с проблемами безопасности в международно-политическом контексте.

Понятие «традиционные ценности» в научной литературе отличается смысловой многогранностью. В самом общем виде традиционные ценности понимаются как совокупность фундаментальных идеалов, объединяющих общество и имеющих глубокие корни в его истории. При этом в критической традиции, восходящей к Э. Хобсбауму, подчёркивается, что многие «традиции» являются «изобретёнными» и служат ответом на вызовы современности, маскируясь под отсылку к древности². Между тем в современной России понятие получило чёткое нормативное закрепление, что позволяет использовать его как рабочий инструмент для анализа государственной политики и рассматривать как начало нового этапа идеологического строительства [9; 10].

Согласно Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к таковым относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая

² Хавкин А. Традиционные ценности в концептуальных документах России [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/traditionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-rossii/> (дата обращения: 17.10.2025).

память и преемственность поколений, единство народов России¹.

В широком смысле традиционные ценности представляют собой исторически сложившиеся принципы и нормы, задающие общепринятые модели поведения. В более узкой трактовке, применимой к конкретному государству, они формируются под влиянием его идеологии, культуры, религии и политического режима, приобретая тем самым уникальные черты [1, с. 41].

Подчеркнём, что в официальном дискурсе природа традиционных ценностей трактуется как гибкий конструкт, формируемый обществом для ответа на актуальные потребности настоящего, при этом апеллирующий к историческому опыту для обоснования своей значимости [2; 11]. Согласно конструктивистскому подходу, такая подвижность, сопровождаемая отсылкой к прошлому, делает ценности одновременно востребованными, органичными и фундаментальными для данного общества [11]. Такой подход позволяет рассматривать их как динамичный элемент общественной системы – основу, которая, сохраняя преемственность, удерживает целостность общества при любых внешних и внутренних потрясениях.

Для анализа роли традиционных ценностей в контексте безопасности продуктивно обращение к теории секьюритизации Копенгагенской школы, которая трактует безопасность не как объективную данность, но как социальный конструкт, который создаётся в дискурсе путём представления определённого объекта в качестве объекта экзистенциальной угрозы; тем самым он служит оправданием для применения чрезвычайных мер [12]. Анализ официального дискурса,

проведённый рядом исследователей, показывает, что традиционные ценности в России прошли именно этот путь секьюритизации. Такое представление позволило перевести их из сугубо моральной плоскости в сферу национальной безопасности [3]. Из этого следует, что теория секьюритизации предоставляет адекватный методологический инструментарий для анализа того, как ценности становятся фактором безопасности.

Защита традиционных ценностей органично вписана во внешнеполитическую стратегию России как неотъемлемая часть её цивилизационного суверенитета. В новой редакции Концепции внешней политики России² используется понятие «государство-цивилизация», ядром которого являются именно ценности. Россия противопоставляет консервативный ценностный курс леволиберальной глобалистской повестке, при этом важно, что «либеральная модель» не тождественна всему Западу: в Европе и США существуют политические силы, которым чужды неолиберальные установки [13, с. 108]. Данное обстоятельство открывает возможности для анализа международного измерения аксиологического конфликта и выявления потенциальных союзников России за рубежом.

Философия постмодернизма, оформившаяся во второй половине XX в., предлагает радикально иную, по сравнению с традиционной, систему координат, и в контексте безопасности она может быть интерпретирована как дестабилизирующая.

Её базовый принцип – «недоверие к метанарративам», т. е. к универсальным теориям, претендующим на истину в последней инстанции [4]. Недоверие распространяется на религию, идеологию, науку и мораль, которые рассматривают-

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 17.10.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.10.2025).

ся как языковые игры, служащие инструментами власти. В культуре это выражается в приоритете новизны, игрового начала, стихийности и отрицания всех норм и традиций [5, с. 265]. В рамках постмодернистского подхода идентичность индивида лишается устойчивого ядра и предстаёт как фрагментированная, текучая и ситуативная конструкция. З. Бауман, введя метафору «текучей современности» [14], описывает идентичность в эпоху постмодерна как набор масок, лишённых подлинности: самоидентификация становится игрой с культурными кодами [15]. Методологической основой такого подхода служит провозглашённая постструктурализмом «смерть автора»: будучи перенесённой в социальную сферу, она ведёт к пренебрежению объективными основаниями идентичности (историей, культурным каноном, национальным характером) [16, с. 59].

В отечественной научной мысли данная мировоззренческая парадигма оценивается и как инструмент целенаправленного воздействия в рамках гибридной войны. Анализируя постмодернизм в контексте «тотальной войны», исследователи подчёркивают, что его главной задачей является «ломка "некоторых компонентов традиционной системы ценностей"» – «необходимое условие» для подчинения общества новым неолиберальным стандартам [7]. Меняя содержание системообразующих ценностей посредством «молекулярной агрессии в "культурное ядро"», эта стратегия, по их мнению, лишает человека «точки опоры» и ведёт к «хаосу в культурном ядре» и дезинтеграции общественного организма. Релятивизм и отрицание метанарративов таким образом оцениваются как элементы «концептуального оружия».

Конкретными механизмами такого концептуального воздействия выступают, в частности:

1) деконструкция образовательных стандартов, при которой классический культурный канон, основанный на ие-

рархии ценностей и исторической преемственности, замещается эклектичным набором текстов, а логика научного поиска объективной истины подменяется риторикой «множественных перспектив» и «ситуативного знания». Так систематически подрываются когнитивные основания для усвоения традиционных ценностей, формируется «текучее» и фрагментированное сознание;

2) прагматика медиадискурса, где технология отмены (*cancel culture* – культура отмены) и постоянный пересмотр норм становится инструментом подавления инакомыслия. Ирония и игра, характерные для раннего постмодерна, сменяются новой догматикой «политической корректности», которая, однако, также не обладает устойчивыми основаниями и подвержена перманентной ревизии, создавая тем самым атмосферу семиотической нестабильности и социальной тревоги.

Основные линии аксиологического конфликта в контексте национальной безопасности России

Анализ позволяет выделить несколько ключевых линий противостояния, каждая из которых имеет непосредственное отношение к устойчивости общественно-государственного организма и проявляется во внутренней и внешней политике.

Первая линия конфликта проходит между традиционным для России коллективизмом и насаждаемым радикальным индивидуализмом. Традиционная для России ценность соборности и коллективизма, понимаемая как взаимопомощь и приоритет общих интересов, сталкивается с продвигаемой установкой на гипертрофированный индивидуализм, при котором личные желания и права абсолютизируются в ущерб социальной ответственности [17; 18]. В «текучей современности», по Бауману, происходит асимметричное распределение ответственности: коллективная ответственность сокращается, а личная возрастает,

тем самым индивид оказывается не защищён от неконтролируемых им глобальных процессов [15]. Такая ситуация создаёт угрозу социальной солидарности, исторически являвшейся залогом выживания и развития российского общества в сложных геополитических условиях. Эмпирические данные, однако, фиксируют противоречивую динамику: с одной стороны, кросс-культурные исследования отмечают рост индивидуализма в России, с другой стороны, в 2020–2022 гг. зафиксирован рост ценности коллективизма среди молодёжи [19, с. 12–13]. Данные показатели могут указывать на актуализацию защиты коллективных оснований идентичности как реакцию на внешнее давление.

Ещё одной линией ценностного раскола выступает *различное понимание труда*: как созидательного служения в традиционной парадигме и как инструмента самореализации в постмодернистской. В системе традиционных ценностей труд понимается как созидательное служение, неразрывно связанное с долгом перед общиной и Отечеством, как преобразующее самого человека духовно-нравственное усилие. В постмодернистской парадигме, напротив, доминирует утилитарный подход: труд редуцируется до инструмента личной самореализации и потребления, лишается коллективного измерения. Указанное различие имеет прямое отношение к экономической безопасности. Традиционная этика труда, основанная на идее служения, ориентирована на стратегические отрасли и долгосрочные национальные проекты. Инструментальный подход порождает «текучую» занятость, ориентацию на сиюминутную выгоду и, как следствие, «утечку умов» и деградацию системообразующих секторов экономики, тем самым ослабляет экономический суверенитет страны.

Интегрирующей осью аксиологического конфликта выступает противостояние *стабильной идентичности* – «те-

кучей» *идентичности*. В основе российской цивилизационной идентичности исторически лежит устойчивая ценностная триада, каноническое выражение которой нашёл в XIX в. министр народного просвещения граф С. С. Уваров в формуле «православие, самодержавие, народность». В современном философско-политологическом дискурсе эта триада, отталкиваясь от идей славянофилов (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) о соборности, нередко транслируется в универсальных категориях – «духовность, державность, соборность» [20; 21; 22]. Анализируя проблему социокультурной идентичности, исследователи приходят к выводу, что наиболее релевантной для российской цивилизации является модель именно такой триады, включающей в качестве интегральных инвариантов *державность* (приоритет национального суверенитета и сильного государства), *духовность* (следование нормам морали и религии) и *соборность* (гармоничное единение свободных личностей на основе общих ценностей) [23].

Созидательной иерархичной триаде, выстраивающей осмысленный и стабильный миропорядок, в философии постмодернизма противостоит деконструирующая триада: «смерть Бога – смерть автора – смерть субъекта». Оппозиция очевидна: если российская триада утверждает высший сакральный авторитет (Бог/духовность), его земное воплощение в сильной власти (автор/державность) и соборную общность народа (субъект/соборность), то постмодернистская триада последовательно их уничтожает. «Смерть Бога», провозглашённая Ф. Ницше, означает отказ от единого трансцендентного основания морали и смысла, т. е. прямо противоречит ценности духовности. «Смерть автора», по Р. Барту, устраняет фигуру, наделяющую смыслом текст (а по аналогии – историю, государство, закон), и тем самым подрывает принцип державности. Наконец, «смерть субъекта», концептуализированная М. Фуко, отрицает

автономное, суверенное «Я», растворяя личность в языке и дискурсивных практиках, и разрушает онтологические основания соборности [24; 25].

Очевидно, что установка на «текущую» самоидентификацию является прямым следствием данной деконструкции; она ведёт к фрагментации идентичности, кризису самоопределения и, как следствие, к ослаблению общественного организма [8]. Историко-философский анализ позволяет увидеть истоки аксиологического конфликта в более ранних эпохах. Ещё К. Н. Леонтьев в XIX в. прозорливо предрекал появление «среднего человека», ориентированного на сиюминутные потребности и «отстаивание своих прав и свобод, природы и сути которых он не знает», а Х. Ортега-и-Гассет называл этот феномен «вертикальным вторжением варваров» [5, с. 266]. В контексте постмодерна «восстание масс» обретает тотальный характер, будучи направленным против традиционных устоев – державности, духовности и соборности – как основ устойчивой социальной жизни. Культурный суверенитет оказывается под прямым ударом.

Значимой сферой конфликта является институт семьи. Крепкая семья как союз мужчины и женщины противопоставляется постмодернистской деконструкции семейных ценностей. Крепкая многодетная семья закреплена в официальных документах как одна из базовых традиционных ценностей. В публичном дискурсе подчёркивается, что определение семьи как союза мужчины и женщины является принципиальной позицией, противостоящей тенденциям, наблюдаемым в ряде западных стран, где происходит узаконивание нетрадиционных форм брака, но которое в российском дискурсе трактуется как отрицание базовых норм¹.

¹ Постмодернистский Запад против Европы и России. Интервью президента ФИП Натальи Нарочницкой изданию *Myśl Polska* (Польша) [Электронный ресурс]. URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/postmodernistskij_zapad_

В постмодернистском дискурсе понятие семьи подвергается радикальной трансформации, вследствие чего, по мнению российского экспертного и политического сообщества, возникает угроза демографического кризиса и подрыва основ общественной нравственности [3], поэтому задача укрепления воспитательного потенциала традиционных ценностей в образовании актуализируется [26]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² и в Основах государственной политики³ упоминаются угрозы разрушительных действий сообществ, отрицающих «естественное продолжение жизни»; отнесение нетрадиционных форм семьи и брака к категории деструктивных явлений утвердилось и в публичном дискурсе.

Таким образом, защита традиционной семьи напрямую сопрягается с демографической безопасностью и сохранением культурного кода.

Глубинной основой анализируемого конфликта является также противостояние приоритета духовного над материальным и насаждаемого диктата материального. Традиционная система ценностей утверждает подчинённость материальных благ духовным и нравственным целям. Постмодернистская культура, будучи порождением общества потребления, напротив, фетишизирует материальный успех, комфорт и сиюминутные удовольствия, объявляя их высшими ценностями. Такая установка, внедряемая через рекламу, массовую

protiv_jevropy_i_rossii_186.htm (дата обращения: 17.10.2025).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.10.2025)

³ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 17.10.2025).

культуру и цифровые платформы, ведёт к глубоким мировоззренческим последствиям: аскетизм, служение, готовность к самопожертвованию – качества, которые исторически составляли основу жизнестойкости России, всё настойчивее вытесняются социальным эгоизмом и культом потребления.

Таким образом, отстаивание приоритета духовного оказывается не абстрактным религиозно-философским тезисом, а вопросом мобилизационной способности нации.

Наконец, принципиальное значение имеет *противостояние в области исторической памяти*. Ценность исторической памяти и преемственности поколений является стержнем национального самосознания. Постмодернистские практики, направленные на пересмотр и деконструкцию исторических нарративов, трактуются в России как попытки фальсификации истории с целью подорвать национальную гордость и доверие государству [2; 3]. С точки зрения исследователей, в рамках постмодернистского подхода «повествование не только представляет, но и воспроизводит и перевоссоздаёт реальность в восприятии человека, т. е. "творит реальность"», конструируя альтернативные исторические нарративы, чем открывает широкие возможности для манипуляции историческим сознанием [27]. В этом контексте защита единого, разделяемого обществом взгляда на историю становится элементом информационно-психологической безопасности.

Традиционные ценности как фактор национальной безопасности: синтез подходов

Традиционные ценности перестают быть лишь предметом мировоззренческого выбора и перемещаются в сферу национальной безопасности. Как показано в исследовании президентского дискурса, ценности секьюритизируются, т. е. представляются как объект экзистенци-

альной угрозы, исходящей, прежде всего, извне, от «коллективного Запада» [3]. Таким образом, защита традиционных ценностей становится неотъемлемой частью защиты государственного суверенитета, понимаемого как ценностный или культурный суверенитет. Ценностный суверенитет в этой логике может быть представлен как многоуровневая система, включающая смысловой, аксиологический и коммуникативный уровни [28].

Рассмотрение постмодернизма в качестве «концептуального оружия» [7] в гибридной войне придаёт процессу секьюритизации традиционных ценностей характер не идеологического выбора, но оборонительной необходимости: насаждение неадекватных социокультурным основам России экономических и образовательных моделей, основанных на философии постмодернизма, представляет собой форму концептуальной агрессии. Следовательно, защита ценностного суверенитета, включая создание собственных, основанных на теории национального хозяйства, научных и образовательных парадигм, становится императивом обеспечения национальной безопасности в условиях, когда «учебники по экономической теории и экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное оружие» [7].

Приверженность России традиционным ценностям находит позитивный отклик в консервативных кругах за пределами страны. Значительная часть правых интеллектуалов и активистов в Западной и Восточной Европе, отмечают исследователи, положительно воспринимают российскую ценностную позицию и могут рассматриваться как естественные союзники [13, с. 109]. Анализ идеологии европейских «новых правых» показывает, что для них характерны антиглобализм, защита культурной идентичности, критика либерализма и стремление к многополярному миру – всё, что создаёт концептуальную базу для диалога с Россией. В среде европейских правых на-

блюдается тенденция к горизонтальной интеграции на основе общих ценностей и защиты европейского культурного кода от леволиберальной угрозы. В перспективе она может способствовать развитию международного сотрудничества на ценностной основе [13, с. 121].

В данном контексте ценностный суверенитет может быть структурирован как многоуровневая система, включающая:

– *смысловой суверенитет* – способность общества генерировать и отстаивать собственные «метанарративы», большие смысловые проекты, определяющие цивилизационную идентичность и задающие альтернативные постмодернистской фрагментации векторы развития. На практике это проявляется, например, в разработке национальных философских и историософских концепций, основанных на идее преемственности этапов российской истории и особой цивилизационной миссии, а также в продвижении их в образовательной и медийной сферах;

– *аксиологический суверенитет* – утверждение традиционных ценностей как основы для законодательства, социальных институтов и повседневных практик, их неотчуждаемость от публичной сферы. Его конкретным выражением служит, в частности, закрепление приоритета традиционной семьи в Конституции Российской Федерации, а также реализация государственных программ, поощряющих многодетность и патриотическое воспитание;

– *коммуникативный суверенитет* – доминирование в национальном информационном пространстве речевых формул, воспроизводящих традиционную систему ценностей, благодаря которому общество обретает устойчивость к направленным на эрозию базовых понятий («родина», «семья», «вера», «долг») семиотическим диверсиям. Коммуникативный суверенитет обеспечивается работой институтов гражданского общества и государственных СМИ, целенаправленно формирующих ценностно ориентиру-

ванный публичный дискурс, а также правовыми механизмами противодействия распространению подрывающей эти основы информации.

Заключение

Противостояние традиционных ценностей и постмодернистской идеологической экспансии в современной России представляет собой системный конфликт, непосредственно влияющий на основы национальной безопасности и имеющий ярко выраженное международное измерение. Оно выходит за рамки полемики о морали и проявляется в основных сферах общественной жизни: социальной солидарности, национальной идентичности, демографии, исторической политике.

Для России традиционные ценности, прошедшие процесс секьюритизации, выполняют интегрирующую и стабилизирующую функции, обеспечивая общественное единство, необходимое для сопротивления деструктивным воздействиям в условиях «острой информационно-идеологической борьбы» [2]. Традиционные ценности – формируемая новая идеологическая основа развития России и человечества [29]. Закреплённые на государственном уровне их защита и упрочение являются логичным обоснованным ответом на деструктивные тенденции глобализирующегося мира, которые несут в себе риски атомизации общества, утраты национальной идентичности и, в конечном счёте, подрыва суверенитета.

В качестве одного из стратегических направлений исследователями обоснована необходимость разработки альтернативных, адекватных национальным интересам образовательных и экономических моделей. Данный процесс уже начался с введения в вузах курса «Основы российской государственности», призванного формировать мировоззрение на основе традиционных ценностей [10].

Вопрос о соотношении оборонительной и созидательной составляющих в

российском «консервативном повороте» остаётся важным дискуссионным аспектом: с одной стороны, он представляет собой закономерную защитную реакцию на угрозу самим основам общественного устройства; с другой стороны, его долгосрочная устойчивость зависит от способности предложить созидательный проект будущего, альтернативный и постмодернистскому релятивизму, и неолиберальному догматизму. Преодоление антиномии «защита через созидание» становится основной задачей. Последовательное отстаивание традиционных ценностей позволяет России выступать координатором международных сил, близких ей по мировоззренческим установкам [1, с. 48].

Таким образом, аксиологический конфликт между традиционными ценностями и постмодернистской идеологической экспансией не локальный идеологический спор. Речь идёт о масштабном противостоянии за онтологические основания человеческого бытия – за Истину, Смысл, Идентичность и Трансценденцию. Противостояние разворачивается во внутренней политике и в пространстве международных отношений: Россия как государство-цивилизация отстаивает право на ценностный суверенитет и выступает за многополярный мир, основанный на ува-

жении культурных и цивилизационных особенностей. Секулярный гуманизм, исчерпавший свою историческую роль, уступает место постмодернистскому релятивизму, который, в свою очередь, демонстрирует тотальную несовместимость с цивилизационными устоями России.

Стратегия защиты традиционных ценностей, понимаемая как обеспечение ценностного суверенитета, оказывается не ретроградством, а единственно возможной формой сохранения национально-культурной идентичности и стратегической субъектности страны в XXI в. Научная полемика, вероятно, будет смещаться с констатации конфликта на поиск конкретных форм и механизмов утверждения традиционных ценностей как основы новой, обращённой в будущее цивилизационной перспективы. При этом актуальным представляется исследование конкретных механизмов адаптации традиционных ценностей к реалиям цифровой эпохи и сравнительный анализ российского подхода с аналогичными процессами в других незападных цивилизациях, столкнувшихся с давлением мирового постмодернистского дискурса, а также изучение возможностей международного сотрудничества, основанного на единстве ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпович О. Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2. С. 39–51. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51.
2. Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2. С. 27–45. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27.
3. Бислер М. А. Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012–2022 годов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2016. 160 с.
5. Горбунова Л. И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2. С. 265–271.
6. Меньшиков Л. А. Статус ценностей в постмодерне и диалог культур // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 323–325.
7. Олейников А. А. Постмодернизм как философская основа западной системы вузовского образования (к вопросу о необходимости создания евразийской экономической теории и теории национального хозяйства) // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. Вып. 2. С. 39–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-39-45

8. Растворов А. И., Емельянова О. Б., Маслова Е. С. Постмодерн и традиционная российская идентичность // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 6. С. 222–233.
9. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль, 2022. 248 с.
10. Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 35–46. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46
11. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта / Г. А. Илларионов, Ю. В. Грицков, О. Ф. Морозова, Д. В. Рахинский // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 10. С. 71–74.
12. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998, 239 p.
13. Концепция глобального консерватизма: Традиционные ценности как мост между Россией и Западом / Д. С. Моисеев, М. И. Сигачев, А. Н. Харин, С. П. Артеев // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 5. С. 108–123. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-108-123
14. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. С. А. Комаров. М.: Питер, 2008. 238 с.
15. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 2. С. 182–191. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191
16. Коромыслов В. В. Базовые установки постмодернизма как факторы, способствующие углублению духовного кризиса современного общества // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 9. Ч. 2. С. 58–63. DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.047
17. Туев В. А. Истоки российской цивилизации // *Человек. Социум. Развитие: сб. науч. тр. Иркутск*, 2014. С. 147–152.
18. Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // *Культурное наследие России*. 2018. № 2. С. 35–41.
19. Борщевский Г. Традиционные Российские ценности: возможности операционализации и социологическая диагностика // *Russian Sociological Review*. 2025. Т. 24. № 3. С. 9–38. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-9-38
20. Лазарев В. В. О целостности русской идеи // *История философии*. 1998. № 2. С. 36–55.
21. Пискорская Ю. С. Соборный идеал русской культуры // *Вестник КрасГАУ*. 2013. № 9. С. 282–285.
22. Осипов И. Д. Категория соборность в русской философии // *Россия в глобальном мире*. 2015. Вып. 7. С. 403–410.
23. Поломошнов А. Ф., Лыкова А. В., Лугуценко Т. В. Проблема социокультурной идентичности российской цивилизации // *Культурная жизнь Юга России*. 2024. № 2. С. 28–39. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39
24. Амирханов А. А. Триада постмодернистской философии: «смерть бога» – «смерть автора» – «смерть субъекта» // *KANT*. 2020. № 2. С. 95–99. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-35.19
25. Марон Р. Е. Триада постмодернизма. Смерть Бога, смерть автора, смерть субъекта // *Актуальные проблемы социальных наук: мат-лы конф.* / под ред. Ю. Н. Овсянниковой. Томск, 2022. С. 35–37.
26. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 8–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25.
27. Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // *Философия и общество*. Выпуск № 4 (25). 2001. С. 156–175.
28. Ковригин В. В. Повышение воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей в образовательных программах и преподавании цикла гуманитарных дисциплин в школе // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2024. № 1. С. 47–54. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54
29. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., арх. Сильвестр (С. П. Лукашенко). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаев и др, 2024. 296 с.

REFERENCES

1. Karpovich, O. G. (2024). The role of Russia in upholding traditional spiritual and moral values in the context of modern world development. In: *Russia and the world: scientific dialogue*, 2, 39–51. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51 (in Russ.).
2. Gilyazova, O. S. (2024). Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limitations. In: *Socio-political research*, 2, 27–45. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27 (in Russ.).
3. Bisler, M. A. (2023). Traditional values as a component of Russian security: a study of the presidential discourse of 2012–2022. In: *Political science*, 2, 273–294. DOI: 10.31249/poln/2023.02.12 (in Russ.).
4. Liotar J.-F. (2016). *L'état de la postmoderne*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
5. Gorbunova, L. I. (2011). Postmodern as a trend in the development of culture of the XX century. In: *Bulletin of MSTU*, 14-2, 265–271 (in Russ.).
6. Menshikov, L. A. (2013). The status of values in postmodern and the dialogue of cultures. In: *Dialogue of cultures: values, meanings, communications*. St. Petersburg^ SPbGUP Publ., 323–325 (in Russ.).
7. Oleinikov, A. A. (2016). Postmodernism as the philosophical basis of the Western system of university education (on the need to create a Eurasian economic theory and theory of national economy). In: *Scientific result. Sociology and governance*, 2-2, 39–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-39-45 (in Russ.).
8. Solutions, A. I., Emelyanova, O. B. & Maslova, E. S. (2025). Postmodern and traditional Russian identity. In: *Society: philosophy, history, culture*, 6, 222–233 (in Russ.).
9. Baghdasaryan, V. E. & Sylvester (Lukashenko), archimandrite. (2022). *Traditional values: a strategy for civilizational regeneration*. Yaroslavl (in Russ.).
10. Jerusalem, Yu. Yu. & Popova, A. V. (2024). The importance of traditional values in teaching the course "Fundamentals of Russian Statehood". In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 35–46. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-35-46 (in Russ.).
11. Illarionov, G. A., Gritskov, Yu. V., Morozova, O. F. & Rakhinsky, D. V. (2023). Traditional values: the ratio of a scientific concept and a political project. In: *Social and humanitarian knowledge*, 10, 71–74 (in Russ.).
12. Buzan, B., Wæver, O. & Wilde, de J. (1998). *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
13. Moiseev, D. S., Sigachev, M. I., Kharin, A. N. & Arteev, S. P. (2023). The concept of global conservatism: Traditional values as a bridge between Russia and the West/ In: *Russia in global politics*, 21-5, 108–123. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-108-123 (in Russ.).
14. Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. Moscow: Peter Publ. (in Russ.).
15. Bagdasaryan, N. G. & King, M. P. (2016). "Dynamic theorizing" by Z. Bauman: critical optics or the search for life strategies? In: *Philosophy of science and technology*, 21-2, 182–191. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191 (in Russ.).
16. Koromyslov, V. V. (2020). Basic attitudes of postmodernism as factors contributing to the deepening of the spiritual crisis of modern society. In: *International Research Journal*, 9-2, 58–63. DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.047 (in Russ.).
17. Tuev, V. A. (2014). The origins of Russian civilization. In: *Man. Socium. Development*. Irkutsk, 147–152 (in Russ.).
18. Sviridkina, E. V. (2018). Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia. In: *Cultural heritage of Russia*, 2, 35–41 (in Russ.).
19. Borshchevsky, G. (2025). Traditional Russian values: opportunities for operationalization and sociological diagnostics. In: *Russian Sociological Review*, 24-3, 9–38. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-9-38 (in Russ.).
20. Lazarev, V. V. (1998). On the integrity of the Russian idea. In: *History of philosophy*, 2, 36–55 (in Russ.).
21. Piskorskaya, Yu. S. (2013). Cathedral ideal of Russian culture. In: *Bulletin of KrasSAU*, 9, 282–285 (in Russ.).
22. Osipov, I. D. (2015). Category collegiality in Russian philosophy. In: *Russia in the global world*, 7, 403–410 (in Russ.).
23. Polomoshnov, A. F., Lykova, A. V. & Lugutsenko, T. V. (2024). The problem of sociocultural identity of Russian civilization. In: *Cultural life of the South of Russia*, 2, 28–39. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39 (in Russ.).

24. Amirkhanov, A. A. (2020). Triad of postmodern philosophy: "death of God" – "death of the author" – "death of the subject ". In: *KANT*, 2, 95–99. DOI: 10.24923/2222-243X.2020-35.19 (in Russ.).
25. Maron, R. E. (2022). Postmodernism Triad. Death of God, death of the author, death of the subject. In: Ovsyannikova, Yu. N., ed. *Actual problems of social sciences*. Tomsk, 35–37 (in Russ.).
26. Baghdasaryan, V. E. (2024). Traditional values and new worldview construction in Russia: problems and solutions. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 8–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25 (in Russ.).
27. Zykova, G. N. (2001). Postmodern culture and social cognition. In: *Philosophy and society*, 4, 156–175 (in Russ.).
28. Kovrigin, V. V. (2024). Increasing the educational potential of spiritual and moral values in educational programs and teaching the cycle of humanities at school. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 47–54. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-47-54 (in Russ.).
29. Baghdasaryan, V. E., Jerusalem, Yu. Yu. & Arch. Sylvester (S. P. Lukashenko). (2024). *Traditional values as the basis of the new worldview construction of Russia*. Yaroslavl: Shukaev et al (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаудинов Анти Аронович (г. Грозный) – кандидат политических наук, кафедра правовых дисциплин Института филологии, истории и права Чеченского государственного педагогический университета; российский государственный и военный деятель, Герой России;
e-mail: cafedraprava@mail.ru

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Зязин Сергей Юрьевич (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного университета просвещения; хирург
e-mail: wasatyay@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0547-2483

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Apty A. Alaudinov (Grozny) – Cand. Sci. (Politics), Institute of Philology, History and Law, Department of Legal Disciplines Chechen State Pedagogical University; Russian Statesman and Military Figure Hero of Russia;
e-mail: cafedraprava@mail.ru

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of the Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Sergey Y. Zyazin (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assos. Prof., Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: wasatyay@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0547-2483

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 11, уч.-изд. л. 12,75.

Подписано в печать: 30.03.2026 г. Дата выхода в свет: 29.04.2026 г. Заказ № 2026/03-15.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А